9(47) Т3(2Р-6Мо)я54
Т782. М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

ВЫПУСК 21

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1961

9Х475 Т3(2Р-6Мо)я54
Т.782. М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

41267

ВЫПУСК 21

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА
М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.
1977

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1961

Редакционная коллегия:
А. Е. Захаркина, А. Л. Киселев, К. А. Котков

СТАТЬИ

А. Л. Киселев,
директор Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, доцент, кандидат философских наук.

ПРОГРАММА РАБОТЫ НА СЕМИЛЕТИЕ

Важнейшее место в развитии советского общества, в его движении к коммунизму занимает наука. Роль науки в период развернутого строительства коммунизма закономерно возрастает.

Вопросы всестороннего развития промышленности, сельского хозяйства, культуры и быта людей социалистического общества могут быть правильно решены при условии, если они научно обоснованы, если в их обосновании учтены новейшие данные теории и общественно-исторической практики.

Советская наука призвана разрешать важнейшие проблемы дальнейшего бурного развития производительных сил, созидания материально-технической базы коммунизма, неуклонного подъема материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, формирования марксистско-ленинского мировоззрения, воспитания советских людей в духе высоких принципов коммунистической нравственности.

В решениях XX и XXI съездов Коммунистической партии Советского Союза, в постановлениях Центрального Комитета партии «О постановке пропаганды в современных условиях» и ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР» со всей ясностью определены задачи советской науки и ее деятелей. Главное направление в развитии советской науки — это связь ее с жизнью, с практикой коммунистического строительства.

Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии и Советского правительства советская наука достигла подлинного расцвета и занимает ведущее место в мире. Ярчайшим выражением величия советской науки и техники являются первый в истории человечества космический полет гражданина СССР Ю. А. Гагарина и беспримерный полет в космос Г. С. Титова.

В этом несравненном подвиге советского человека как в зеркале отражено превосходство расцветающего советского

общественного и государственного строя перед отжившим свой век капитализмом. «Социалистическое государство,— говорил Н. С. Хрущев на митинге, посвященном первому космическому полету,— дало выход на широкое поле советского индустриального и колхозного строительства, мечтам и планам многих ученых, инженеров и техников, которые в условиях царской России не могли и помышлять о приложении ума и рук своих».

Семилетний план коммунистического строительства, принятый XXI съездом КПСС, предусматривает дальнейшее всестороннее развитие советской науки, рост сети научно-исследовательских учреждений, укрепление их связи с практикой, широкое и быстрое внедрение в народное хозяйство новейших научных достижений, смелое развертывание экспериментальной и конструкторской работы.

Больших успехов в развитии науки достигли советские национальные республики. Они располагают разветвленной сетью научно-исследовательских учреждений и многочисленными национальными кадрами научных работников.

В настоящее время в Мордовии имеется несколько научно-исследовательских учреждений, в том числе: институт источников света, электротехнический институт, сельскохозяйственная опытная станция, институт языка, литературы, истории и экономики, государственный университет, заповедник, сортоиспытательные участки. Развернуто создание на базе лучших колхозов и совхозов районных и межрайонных опытных хозяйств. Имеются сотни научных работников, среди которых более ста человек имеют ученые степени и звания.

Большую роль в решении задач дальнейшего развития народного хозяйства и культуры республики и подготовке научных кадров играет Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. За свое почти тридцатилетнее существование он проделал большую работу в деле изучения языка, фольклора, литературы и истории мордовского народа; провел важные исследования в области экономики. Им изданы десятки научных работ, получивших признание широких кругов советской общественности.

За последние годы институт опубликовал такие важные труды, как «Очерки истории Мордовской АССР», т. I; «Очерки истории мордовской советской литературы»; «Грамматика современных мордовских языков» (часть вторая). Синтаксис; «Из древней и средневековой истории мордовского народа»; «Вопросы этнической истории мордовского народа» (выпуск первый); «Очерки мордовских диалектов», том I и большое количество томов и отдельных сборников документов по истории Мордовской АССР.

В 1961 году выйдут из печати «Очерки истории Мордовской АССР», т. II; очерки «30 лет Мордовской АССР»; «Грамматика

современных мордовских языков» (часть первая). Фонетика и морфология; «Очерки истории мордовского театра»; «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. I. «Эпос»; сборник документов «Народное образование Мордовской АССР», часть I; «Труды», выпуск 21 (историческая серия) и выпуск 22 (экономическая серия); сборник документов «Мордовия в годы Великой Отечественной войны» и др.

Мордовский научно-исследовательский институт самостоятельно и совместно с соответствующими институтами АН СССР провел большое количество диалектологических, фольклорных, археологических и этнографических экспедиций, давших богатый материал по истории мордовского народа, его материальной и духовной культуре.

По инициативе научно-исследовательского института с помощью института языкознания АН СССР, при активном участии общественности республики проведен ряд научных конференций и сессий по вопросам мордовского языкознания, сыгравшие важную роль в решении сложных проблем развития мордовского (мокша и эрзя) литературного языка, в создании социалистической по содержанию, национальной по форме культуры мордовского народа. Его сотрудники неоднократно выступали с докладами и сообщениями на всесоюзных и региональных научных конференциях и сессиях.

Институт несколько улучшил свои связи с промышленным и сельскохозяйственным производством. Так, в декабре 1960 года было проведено совместное заседание Ученого совета института и Технического совета завода «Электровыпрямитель», на котором был широко обсужден вопрос о снижении себестоимости продукции и утверждены соответствующие рекомендации. Научные сотрудники института, являющиеся специалистами в области конкретной экономики сельского хозяйства, принимают участие в разработке важнейших вопросов развития сельскохозяйственного производства республики и оказывают практическую помощь колхозам Пурдошанского района в выращивании высоких урожаев зеленой массы кукурузы.

Институт оказывает большую помощь органам народного образования в развитии и укреплении мордовской советской школы. Многие научные работники института являются авторами мордовских школьных учебников и методических пособий для учителей мордовских школ.

Вместе с тем институт ведет через созданную при нем аспирантуру подготовку научных кадров. Им подготовлено более тридцати научных работников — кандидатов наук.

Из этой краткой характеристики видно, что Мордовский научно-исследовательский институт проделал известную работу в решении важных проблем развития хозяйства и культуры республики.

Однако уровень деятельности все еще не отвечает возросшим требованиям жизни. Мы еще недостаточно связаны с промышленным и сельскохозяйственным производством, медленно решаем актуальные вопросы экономики промышленности и сельского хозяйства, слабо обобщаем опыт передовых предприятий, колхозов, совхозов и новаторов промышленного и сельскохозяйственного производства.

В планах нашего института отводилось, да и сейчас отводится, известное место изучению прошлого Мордовии. Разумеется, изучение прошлого имеет важное значение, поскольку без знания прошлого нельзя осмыслить и оценить наше прекрасное настоящее. Однако мы непростительно мало изучаем настоящее, современное, теоретически не обобщаем новые явления современного развития нашей республики, новые явления в жизни трудящихся советской Мордовии.

У нас очень мало научных работ, посвященных анализу коренных преобразований в экономической, политической и культурной жизни трудящихся нашей республики. Еще меньше таких работ, в которых научно обоснованно раскрываются перспективы развития промышленности, сельского хозяйства и культуры республики.

Руководствуясь решениями Коммунистической партии о всемерном развертывании научно-исследовательской работы и укреплении ее связи с производством, с практикой коммунистического строительства, коллектив работников нашего института разработал семилетний план научно-исследовательской работы, проведения научных экспедиций и сессий на семилетие. Комиссия Президиума Академии наук СССР, проводившая по просьбе обкома КПСС проверку деятельности института, сделала заключение, что общее направление научно-исследовательских работ на 1959—1965 гг. является правильным, отвечающим решениям XXI съезда КПСС и постановлениям ЦК партии по идеологическим вопросам. Предусмотренные направления в области экономики, языка, литературы и истории в основном совпадают с основными направлениями соответствующих институтов АН СССР.

Областной комитет партии и Совет Министров нашей республики одобрили этот план.

Какие научные проблемы составляют основное содержание деятельности Мордовского научно-исследовательского института в семилетии?

В отличие от прежних лет основное внимание в работе института уделяется разработке вопросов конкретной экономики социалистической промышленности и сельского хозяйства Мордовии. Это обусловлено небывалым ростом промышленности и необходимостью дальнейшего подъема сельского хозяйства республики в соответствии с требованиями январского (1961 г.) Пленума ЦК КПСС. Институт призван активно содействовать

всемерному развитию производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве и более эффективному использованию имеющихся возможностей для более успешного развития социалистической экономики республики.

Наиболее важными научными проблемами в области конкретной экономики, над которыми работает институт, являются: перспективы развития производительных сил Мордовии; научное обоснование перспективного планирования развития и размещения промышленности, размещения и специализации сельского хозяйства республики; резервы промышленного и сельскохозяйственного производства и их использование; разработка рекомендаций по повышению производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве, увеличению производства промышленной и сельскохозяйственной продукции и снижению себестоимости ее, механизации и автоматизации производства; обобщение и популяризация передового опыта в промышленности и сельском хозяйстве, публикация лучших образцов коммунистического труда.

По вопросам конкретной экономики в семилетие будут подготовлены и изданы такие монографии, как «Размещение промышленности Мордовии в текущей семилетке и в ближайшие 20 лет», «Резервы промышленного производства Мордовии и их использование», «Внедрение новой техники на пенькозаводах Мордовии», «Специализация сельского хозяйства Мордовской АССР», «Комплексная механизация сельского хозяйства» и другие.

В целях обеспечения выполнения плана научных исследований в области конкретной экономики увеличивается штат и укрепляется состав работников сектора экономики института.

Планом предусматриваются важные исследования в области мордовского языкознания. Языковеды института работают над совершенствованием грамматики современных мордовских мокша и эрзя языков и анализом языка лучших произведений мордовской литературы, изучением мордовских диалектов и составлением десятитомного академического словаря мордовских языков — памятника, раскрывающего богатство языковой культуры мордовского народа.

В текущем семилетии институт подготовит и издаст очередные второй и третий (последний) тома «Очерков мордовских диалектов» и первый том академического словаря мордовских языков.

Большая работа ведется по изучению литературы, устно-поэтического творчества и искусства мордовского народа. Литературоведы трудятся над созданием истории мордовской советской литературы, собиранием и созданием произведений устнопоэтического творчества мордовского народа, написанием исследований о мордовском фольклоре. В 1964 г. будет издана «История мордовской советской литературы». В течение 1962—

1965 гг. будут опубликованы работы: «Мордовский советский роман», «Язык и стиль мордовских народных песен». «Очерк истории афористического творчества мордовского народа», «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» в 5 томах, «Очерк истории музыкального искусства Мордовии» и др.

Предстоит огромная работа по дальнейшему изучению истории Мордовской АССР и проблем культурной революции в республике. Историки работают над написанием истории Мордовской АССР, этнической истории мордовского народа, историко-экономических очерков городов республики, над изучением формирования рабочего класса и истории советского крестьянства в Мордовии, над созданием монографий по важнейшим проблемам культурной революции и собиранием документов и материалов по истории Мордовской АССР.

В течение 1962-1965 годов институт издаст первый том «Истории Мордовской АССР» (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции), последние три тома «Этнической истории мордовского народа», монографию «Формирование мордовской народности», историко-экономические очерки городов Саранска, Рузаевки, Ардатова, Краснослободска, Темникова, Инсара и Ковылкина, два тома трудов по археологии, работы «Народное образование Мордовии на современном этапе», «Социалистическая культура и быт в колхозной деревне Мордовии», «Рост культурно-технического уровня колхозного крестьянства Мордовии» и сборники документов и материалов «Социалистическая промышленность Мордовской АССР (1917—1941 гг.), «Победа колхозного строя в Мордовии» и др.

Вместе с тем коллектив института подготовит и издаст к 1964 г. избранные труды в 4-х томах первого мордовского ученого и просветителя М. Е. Евсевьева и очерк о жизни и творчестве первого мордовского поэта и видного педагога и общественного деятеля З. Ф. Дорофеева.

В текущем семилетии нашим институтом будут проведены три очень важные научные сессии.

Первая научная сессия посвящается проблемам развития производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве Мордовской АССР на ближайшие 20 лет. Она будет проведена в 1962 г. Такая сессия в Мордовии проводится впервые.

Основными вопросами на сессии будут: производительные силы Мордовии и их комплексное использование; состояние и перспективы развития промышленности республики; основные направления во внедрении новой техники в промышленности; состояние и перспективы развития сельского хозяйства Мордовии; экономические основы научно обоснованной системы ведения сельского хозяйства в колхозах и совхозах республики; резервы и перспективы использования природных богатств Мордовии.

В подготовке и проведении этой сессии примут участие Совет народного хозяйства Мордовского экономического административного района, Госплан, Министерства сельского хозяйства и местной промышленности республики, Мордовский госуниверситет, сельскохозяйственная опытная станция, научно-исследовательский институт источников света, электротехнический институт, Совет по изучению производительных сил Президиума АН СССР, институт экономики АН СССР, ВАСХНИЛ и Госплан РСФСР. Проведение этой сессии будет иметь важное значение в деле дальнейшего развития производительных сил республики.

Вторая сессия посвящается проблемам истории мордовской советской литературы. На сессии будут рассмотрены следующие вопросы: марксизм-ленинизм о социалистическом содержании и национальной форме советской культуры; национальная специфика мордовской советской литературы; устно-поэтическое творчество народа как источник зарождения и формирования мордовской советской литературы; роль печати в зарождении и развитии мордовской советской литературы; формирование мордовских (мокша и эрзя) литературных языков и художественная литература; русско-мордовские литературные связи; связи мордовской советской литературы с литературами братских народов; мордовская литература и современность; опыт работы по созданию историй национальных литератур.

Эта сессия будет проведена в начале 1963 года при активном участии Мордовского госуниверситета и института мировой литературы им. Горького АН СССР. Нет надобности говорить, какое огромное значение будет иметь эта сессия в деле изучения и дальнейшего развития мордовской художественной литературы.

Третья научная сессия будет проведена в начале 1964 года. Она посвящается проблемам истории мордовского народа и будет иметь большое значение в деле более глубокого изучения и освещения истории Мордовской АССР. Сессия обсудит такие вопросы: этногенез мордовского народа (этногенез мордвы по данным этнографии; расселение мордвы с древнейших времен до XIII в. по данным археологии, складывание феодальных отношений у мордвы по данным археологии, формирование мордовской народности); развитие капитализма в Мордовии и формирование мордовской нации; формирование мордовской социалистической нации и ее развитие в период развернутого строительства коммунизма; многовековые социально-экономические и культурные связи мордовского народа с великим русским народом и другими народами СССР.

В подготовке и проведении этой сессии примут деятельное участие институты истории, археологии и этнографии АН СССР и Саратовский госуниверситет.

В семилетии институтом будет проведено большое количество археологических, этнографических, фольклорных, диалектологи-

ческих и комплексных экспедиций, из которых часть будет проведена за пределами Мордовской АССР.

Вместе с тем институт значительно расширяет подготовку научных кадров. За семилетие будет подготовлено 30 молодых научных работников-экономистов, историков, археологов, этнографов и филологов. Только в 1961 г. в аспирантуру института будет принято 11 человек, в том числе 5 с отрывом от производства и 6 — без отрыва от производства. Основное внимание уделяется подготовке экономистов; за период с 1961 г. по 1965 год их будет подготовлено 18 человек.

Укрепляется материально-техническая база института. В конце этого года завершается реконструкция здания института. В новом помещении будут созданы необходимые условия для работы научных сотрудников, организованы лаборатория экономического анализа, научные кабинеты — археологии, этнографии, диалектологии, открыта постоянная фотовыставка, отражающая основные этапы истории Мордовской АССР и показывающая достижения трудящихся республики в развитии промышленности, строительной индустрии, транспорта, сельского хозяйства, в повышении материального благосостояния трудящихся и в культурном строительстве.

Таким образом, перед нашим институтом стоят большие и сложные задачи. Разрешение их требует от всего коллектива работников института больших творческих усилий и напряжения. Научные сотрудники института полны решимости работать с полной энергией, беззаветно служить делу процветания советской науки.

Одним из важнейших условий успешного выполнения творческих планов является постоянная забота об институте, проявляемая со стороны обкома КПСС и Совета Министров республики.

Важнейшие проблемы развития народного хозяйства и культуры нашей республики могут быть своевременно и правильно решены в творческом содружестве работников всех научных учреждений Мордовии. Мы не должны распылять имеющиеся научные силы. Необходимо концентрировать внимание коллективов научных работников на решении наиболее важных проблем.

К сожалению, еще до сих пор наблюдается параллелизм в работе научных учреждений. Нередко над одной и той же проблемой работают несколько коллективов научных работников. Такое явление совершенно недопустимо.

В связи с ростом промышленности, сельского хозяйства, культуры, литературы, искусства и науки республики потребность в издании книг и брошюр, в частности научных работ, увеличивается. Однако издательские возможности остаются почти на прежнем уровне. Неотложно встает вопрос о таком расширении издательской базы, которое обеспечивало бы своевременный выпуск научной продукции института как по названиям, так и по объему.

Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики все более расширяет и укрепляет свои связи с институтами экономики, языкознания, истории, археологии, этнографии, литературы и искусств Академии наук СССР, институтами экономики ВАСХНИЛ и Госплана РСФСР, с Московским, Ленинградским, Саратовским и Казанским государственными университетами. Мы и впредь рассчитываем на их активную помощь в решении важнейших научных проблем развития народного хозяйства и культуры Советской Мордовии. Растут научные связи с научно-исследовательскими учреждениями братских республик — Эстонской ССР, Башкирской, Карельской, Марийской, Татарской, Удмуртской, Чувашской и Коми АССР.

Устанавливается научное содружество с Академией наук Венгерской Народной Республики. В качестве первого шага налажен обмен изданиями нашего института и Венгерской Академией наук.

В настоящее время в Советской стране развернулось всенародное соревнование за достойную встречу XXII съезда КПСС. Советские ученые, как и все труженики нашей Родины, стремятся встретить XXII съезд партии новыми достижениями. Коллектив сотрудников нашего института преисполнен желанием ознаменовать открытие съезда досрочным выполнением планов научных работ.

Работники Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики с огромной радостью встретили проект Программы Коммунистической партии Советского Союза. Программа партии, которая будет принята XXII съездом КПСС, ознаменует новую эпоху в истории человечества. Она торжественно провозгласит, что нынешнее поколение советских людей будет жить в коммунистическом обществе.

Коллектив нашего института будет вести свои научные исследования на основе исторических решений XXII съезда КПСС и, как все трудящиеся Мордовии, всеми силами будет содействовать воплощению в жизнь великой программы построения коммунизма в СССР.

М. С. Букин

ОБРАЗОВАНИЕ МОРДОВСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ (1930—1934 гг.)[1]

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив систему эксплуатации и национального угнетения в России, открыла широкие возможности для ликвидации политической, экономической и культурной отсталости всех нерусских народов, в том числе и мордовского народа.

В обширной программе, выработанной Коммунистической партией и Советским правительством по ликвидации фактического неравенства между народами нашей страны, на первое место была поставлена задача укрепления и развития советской государственности этих народов.

X съезд партии, рассмотрев вопрос об очередных задачах партии по национальному вопросу, в своей резолюции указал, что «...задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения»[2].

Далее в резолюции съезда указывалось на необходимость развить и укрепить культурно-просветительные учреждения на родном языке этих народов и ускорить подготовку местных национальных кадров, квалифицированных рабочих и работников по всем отраслям управления и прежде всего в области просвещения.

[1] Глава из диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

[2] КПСС в резолюциях и решениях..., изд. 7-е, ч. 1, стр. 559.

Коммунистическая партия и Советское правительство последовательно и неуклонно осуществляли эту ленинскую программу, направленную на создание советской национальной государственности всех народов и их всестороннее экономическое и культурное развитие.

Наряду с созданием союзных советских республик, в составе РСФСР создавались автономные республики и области, образование которых началось вскоре же после Октябрьской революции и особенно широко развернулось с окончанием гражданской войны. К моменту образования Советского Союза в составе РСФСР было уже 10 автономных советских республик и 11 автономных областей, в том числе таких, как Башкирская и Татарская автономные республики, Чувашская автономная область и другие. Национальная советская государственность мордовского народа к этому времени не была еще создана. Однако подготовительная работа уже велась.

В соответствии с указанием ЦК РКП(б) 10 июня 1921 года в городе Самаре Мордовским подотделом Наркомнаца был созван Всероссийский съезд коммунистов мордовской национальности, на котором присутствовали делегаты Самарской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Уфимской, Нижегородской и Казанской губернских партийных организаций.

Съезд обсудил вопросы о внутреннем и международном положении Советской республики, о политике Советской власти по национальному вопросу, рассмотрел и вопрос о выделении мордвы в автономную единицу. По последнему вопросу съезд постановил: «выделить мордву в автономную единицу с управлением, соответствующим Конституции РСФСР». Однако при решении вопроса об образовании мордовской советской автономии встретились трудности: слабое экономическое и культурное развитие мордовского народа, острый недостаток национальных кадров, недостаточная изученность территории расселения мордвы и др. Одна из самых больших трудностей заключалась в том, что мордовское население проживало не компактно, было разбросано по огромной территории РСФСР.

Согласно данным Всероссийской переписи 1920 года, общее количество мордовского населения составило 1.154.301 человек, из которых 1.083479 человек, или 93,9%, проживало в Европейской части России, 48611 человек, или 4,2%, в Сибири, и 22211 человек, или 1,9%, в Казахстане.

В Европейской части России мордовское население проживало в 11 губерниях и областях, в том числе в Самарской губернии (239950 чел., или 20,7%), Пензенской губернии (209505 чел., или 18,2%), Симбирской губернии (204454 чел., или 17,8%), Саратовской губернии (150925 чел., или 13,1%), Тамбовской губернии (108945 чел., или 9,5%), Нижегородской губернии (66849 чел., или 5,8%), Башкирской АССР (52537 чел., или 4,5%), Татарской АССР (40204 чел., или 3,3%), Чувашской

области (3760 чел., или 0,3%), Челябинской губернии (5001 чел., или 0,5%) и в Царицынской губернии (1348 чел., или 0,2%).

Но и в тех губерниях, где проживало значительное число мордовского населения (Самарская, Пензенская, Симбирская, Саратовская, Тамбовская и Нижегородская), оно было расселено отдельными населенными пунктами среди русского населения и не составляло абсолютного большинства.

Такая разбросанность и некомпактное проживание мордовского народа, унаследованные от бывшей царской России, явились большим препятствием на пути создания мордовской автономной территориальной единицы и на продолжительное время задержали ее образование.

Вопрос об образовании мордовской автономной области в 1922 году рассматривался коллегией Наркомнаца, а в 1925 и 1926 годах — Президиумом ВЦИК, но не был положительно решен, так как из-за некомпактного проживания мордовского народа трудно было выделить территорию с большинством мордовского населения и известной экономической целостностью.

Ни один из внесенных проектов не давал оснований к тому, чтобы в предполагаемых территориальных границах можно было создать экономически достаточно мощную автономную область, способную осуществить те цели, которые возлагались на нее. Поэтому законодательные органы откладывали разрешение вопроса об образовании Мордовской автономной области. Наряду с этим правительство РСФСР продолжало поиски путей для создания советской национальной государственности мордовского народа.

Важным мероприятием на пути образования национальной советской государственности мордовского народа было создание национальных административно-территориальных единиц в губерниях и областях РСФСР, где проживало мордовское население. В соответствии с решением Президиума ВЦИК к началу 1928 года в составе Пензенской, Ульяновской и других губерниях и областях РСФСР было создано 28 мордовских волостей и один район[1].

В период общего районирования Поволжья 16 июля 1928 года в соответствии с постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в составе Средне-Волжской области в числе других девяти округов был создан Мордовский округ, в который вошли районы с мордовским населением из бывших Пензенской, Ульяновской и Тамбовской губерний[2].

Создание отдельных мордовских административно-территориальных единиц, а затем Мордовского округа сыграло большое значение в деле поднятия самосознания и политической активности трудящихся масс мордвы, вовлечения их в советское

[1] Архив Куйбышевского ОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 2782, л. 4.
[2] СУ РСФСР, 1928 г., № 95, ст. 612.

строительство, ликвидации экономической и культурной отсталости, а также образовании Мордовской автономной области.

31 августа 1929 года вопрос об образовании Мордовской автономной области был поставлен на обсуждение бюро Мордовского окружного комитета партии. Исходя из интересов окончательной ликвидации экономической и культурной отсталости мордовского народа и быстрого его развития по пути к социализму, бюро окружкома внесло в Средне-Волжский областной комитет ВКП(б) предложение об образовании Мордовской автономной области[1].

Бюро Средне-Волжского ОК ВКП(б) 2 сентября 1929 года, обсудив предложение Мордовского окружкома о создании Мордовской автономной области, постановило: «Считая организацию автономной Мордовской области целесообразной..., просить ЦК ВКП(б) ускорить разрешение этого вопроса»[2].

Получив поддержку Средне-Волжского ОК ВКП(б) на образование Мордовской автономной области, бюро Мордовского окружкома ВКП(б) 15 сентября 1929 года утвердило текст докладной записки об образовании Мордовской автономной области и 16 сентября 1929 года направило ее для рассмотрения ЦК ВКП(б)[3].

Учитывая, что образование автономной области имеет важное значение для окончательной ликвидации экономической и культурной отсталости мордвы и вовлечения трудящихся Мордовии в дело социалистического строительства, ЦК ВКП(б) одобрил решение Средне-Волжского областного комитета и Мордовского окружного комитета ВКП(б) об образовании Мордовской автономной области.

В соответствии с состоявшимися решениями партийных органов Президиум исполнительного комитета Мордовского окружного Совета подготовил и направил в Президиум ВЦИК докладную записку и проект образования Мордовской автономной области[4]. Кроме проекта об образовании Мордовской автономной области, представленного Мордовским окрисполкомом, в Президиум ВЦИК были представлены проекты, составленные Средне-Волжским облисполкомом.

Средне-Волжский облисполком представил на рассмотрение в Президиум ВЦИК два варианта проекта образования Мордовской автономной области, отличающиеся друг от друга количеством населения, включаемого в область, и процентом в нем населения мордовской национальности. Первый вариант предусматривал 38,9%, второй — 40% мордовского населения в области. По указанию отдела национальностей ВЦИК, Средне-Волжский облисполком разработал третий вариант, предусма-

[1] Архив Мордовского ОК КПСС, ф. 326/7, д. 430, л. 122.
[2] Там же.
[3] Там же, д. 456, л. 34; д. 28, л. 1.
[4] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 2, д. 32, л. 87.

тривающий объединение в составе этой области 50,2% мордовского населения.

Таким образом, на рассмотрение Административной комиссии ВЦИК предлагалось четыре основных варианта проекта Мордовской автономной области: облисполкома — с 38,9, 40 и 50,5 процентами и Мордовского окрисполкома с 35,3 процентами мордвы.

Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, рассмотрев на своем заседании 18 ноября 1929 года вопрос об образовании Мордовской автономной области, ни с одним из представленных проектов не согласилась и признала целесообразным образовать Мордовскую автономную область в существующих границах Мордовского округа.

Вместе с этим Административная комиссия просила Президиум ВЦИК поручить Средне-Волжскому крайисполкому:

«а) дополнительно проработать вопрос об экономическом и промышленном развитии Мордовской автономной области, а также вопрос о развитии коллективизации;

б) уточнить внешние границы области, согласовав эти границы с заинтересованными в данном вопросе исполкомами, и весь материал представить в Административную комиссию ВЦИК к 1 января 1930 года»[1].

21 ноября, а затем 16 декабря 1929 года Президиум Мордовского окружного исполнительного комитета Советов рассмотрел и утвердил окончательный вариант проекта образования Мордовской автономной области, который уточнил границы и количество населения проектируемой области, и направил его в Президиум ВЦИК РСФСР.

10 января 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление «О преобразовании Мордовского округа, Средне-Волжского края, в Мордовскую автономную область, включении её в состав Средне-Волжского края, внешних границах и внутреннем административном делении».

В постановлении Президиума ВЦИК указывалось: «Преобразовать Мордовский округ Средне-Волжского края в Мордовскую автономную область с центром в городе Саранске, в составе территории бывшего Мордовского округа, исключив из последнего следующие административные единицы, передаваемые.

а) в Московскую область — сельсоветы: Рязановский, Заулинский, Кочемировский, Кущанинский и Сумерский Теньгушевского района в Кадомский район Рязанского округа; Пичкиряевский, Каменский, Новинский, Крутовский, Шафтаровский, Салтыковский, Боково-Майданский и Матвеевский Зубово-Полянского района в Сасовский район того же Рязанского округа.

[1] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 2, д. 32, л. 88; д. 4, л. 5.

б) в Нижегородский край — сельсоветы: Талызинский, Верхне-Талызинский, Богатиловский, Сарбаевский, Шемаринский, Метропольский, Обуховский, Липовский, Скрыпинский и Чадаевский Талызинского района в Тепло-Станский район Арзамасского округа;

в) в Пензенский округ Средне-Волжского края: Беднодемьяновский район за исключением сельсоветов: Татарско-Лунданского, Кочетовского, Горенского, Дубасовского, Березенского и Мордовско-Пимбурского, и Наровчатский район, за исключением сельсоветов: Перевесьевского, Клиновского, Чепурновского, Янг.-Майданского, Алькинского и нового поселка Пичеурского»[1]. Одновременно согласно постановлению Президиума ВЦИК в состав Мордовской автономной области передавались из Нижегородского края:

а) селения Чувашской АССР: Старое Ардатово, Жабино, Урусово, Турдаково, Рындино, Студенец, Низовка, Напольное и Муравей Порецкого района, Полянка-Тургеневская, Выселки, Борысково и Бабаевский сельсовет со всеми входящими в его состав населенными пунктами Алатырского района;

б) Арзамасского округа: Ичалковский район полностью, Больше-Болдинского района селения: Чукалы, Селище, Протасово, Петровка, Пильна, Красная Стрелка, Стрелка, Инейка, Инелейский кардон, Раевка, Новое Селище, Пикшень, Новое Пушкино, Роскатень, Аникеевка, Адашево, Милостная, Чапамо, Видяево и Ивановский; Тепло-Станского района селения: Атяшево (с винзаводом), Сашино, Завидовка, хутора: Четвертаков, Жирков и Романов; Наруксовского района селения: Темяшево, Ново-Александровка, Красный, Новые Авгуры, Рюминка, Верякуша, Селитьба (Ирсеть), Гавриловка, Трегубовка и Кивчеевское лесничество.

После включения территории передаваемых населенных пунктов из Нижегородского края в состав Мордовской автономной области и передачи из Мордовской автономной области соответствующих населенных пунктов в Рязанский округ Московской области и Пензенский округ Средне-Волжского края территория области равнялась 24932 кв. километрам, на 334 кв. километра меньше, чем была территория Мордовского округа[2].

Количество населения Мордовской автономной области по сравнению с Мордовским округом также уменьшилось. Из области было передано в другие административные единицы 138569 человек и принято вновь в состав Мордовской автономной области 66959 человек, в результате чего количество населения области по сравнению с округом уменьшилось на 71610 человек и составляло 1294439 человек[3].

[1] СУ; 1930, № 17, ст. 225.
[2] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 2, д. 32, л. 32.
[3] Там же, оп. 3, д. 8, л. 79.

412667
БИБЛИОТЕКА
М.Н.И.И.

Постановлением Президиума ВЦИК Мордовская автономная область разделялась на следующие 22 района: Ардатовский, Атяшевский, Ачадовский, Дубенский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Игнатовский, Инсарский, Ичалковский, Ковылкинский, Козловский, Кочкуровский, Краснослободский, Ромодановский, Рузаевский, Рыбкинский, Саранский, Старо-Шайговский, Темниковский, Теньгушевский, Торбеевский, Чамзинский.

Постановлением ВЦИК было установлено, что «до созыва первого съезда Советов Мордовской автономной области вся полнота власти в области принадлежит Мордовскому окружному исполнительному комитету, на который возлагался созыв областного съезда Советов для избрания на нем областного исполнительного комитета»[1].

20—25 января 1930 года состоялся 1-й пленум исполнительного комитета Мордовской автономной области, который утвердил народнохозяйственный план и бюджет на 1930 год и наметил мероприятия по подготовке и проведению выборов и созыву областного съезда Советов.

Выборы в Советы Мордовской автономной области состоялись в конце 1930— начале 1931 годов.

Трудящиеся Мордовии проявили в избирательной кампании высокую политическую активность. Общая явка на выборы сельских Советов Мордовии в 1930/31 году по сравнению с выборами 1929 года увеличилась с 52,6% до 69,3%[2], в том числе явка русских увеличилась с 52,6% до 68,4%, мордвы —с 52,5% до 70,4% и татар — с 55,9% до 71,1%[3].

Центральной фигурой на выборах в сельские Советы в эту избирательную кампанию был колхозник, активность которого выразилась в 78,9% участия.

Значительно увеличилась в выборах активность женщин. Если число участвующих мужчин в выборах 1930/31 года по сравнению с выборами 1929 года увеличилось с 72,6% до 83,5%, т. е. на 10,9%, то число женщин соответственно увеличилось с 35,3% до 56,8%, т. е. на 21,5%[4].

Организованно прошли выборы и в городах Мордовии. Общая явка на выборы 1930/31 г. по сравнению с 1929 г. повысилась с 79,3% до 85,7%, в том числе мужчин — с 79,3% до 87,1% и женщин с 70% до 71,3%[5].

Высокая политическая активность трудящихся масс Мордовии на выборах 1930/31 г. обеспечила решительный отпор сопротивлению классово враждебных сил и их агентуры в лице оппортунистов, великодержавных шовинистов и местных националистов. В результате избирательной кампании трудящиеся

[1] СУ, 1930 № 17, ст. 225.
[2] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 3, д. 105, л. 38.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же, л. 35.

Мордовии осуществили директивы партии о коренном улучшении состава Советов за счет лучших рабочих-ударников и колхозников, усилив их ведущую роль в работе Советов.

В итоге перевыборов 1930/31 г. изменился социальный состав Советов по сравнению с 1929 годом. В составе сельских Советов увеличилось число крестьян-бедняков с 47,6% до 56,1%, рабочих и батраков — с 2,8% до 2,9%, коммунистов — с 7,6% до 9,5% и комсомольцев с 3,6% до 3,7%. В состав районных Советов было избрано крестьян 57,8%, в том числе бедняков — 80,5% и середняков—19,5%, рабочих и батраков — 25%, служащих —17,2%, коммунистов —62,2% и комсомольцев —7,4%. Колхозники в сельских Советах составляли 20% и в райисполкомах —57,8%[1]. Женщин в составе сельских Советов стало 19,1% и в районных исполнительных комитетах —26,7%[2]. В сельские Советы мордвы было избрано 37,5%, татар — 5,5%, в районные исполнительные комитеты соответственно мордвы 39% и татар — 10,3%[3].

Цифры, характеризующие состав сельских Советов и районных исполнительных комитетов, с полной очевидностью подчеркивают достигнутые успехи в обеспечении широчайшей возможности дальнейшего и более решительного вовлечения рабочих, колхозников, женщин и лиц из мордовской национальности в непосредственное управление государством и действительного проведения в жизнь директив декабрьского (1930 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и VI съезда Советов Союза ССР.

Избирательная кампания 1930/31 года особенно ярко показала успехи социалистического строительства в Мордовии и готовность самих масс бороться за более высокие темпы хозяйственного и культурного строительства на основе последовательного проведения ленинской национальной политики.

С 17 по 27 января 1931 года прошли районные съезды Советов Мордовии, а 5 февраля в городе Саранске открылся первый областной съезд Советов Мордовской автономной области. На съезде участвовало 264 делегата с правом решающего голоса, в том числе 84 рабочих, 135 колхозников. В числе делегатов было 77 женщин и 184 члена ВКП(б)[4].

Первый съезд Советов Мордовской автономной области заслушал и обсудил отчет крайисполкома, отчет облисполкома, а также вопросы о переустройстве сельского хозяйства области и задачах предстоящей весенней посевной кампании, об исполнении бюджета за 1929 и 1930 годы и утверждении бюджета на 1931 год, о состоянии народного образования в области и переходе ко всеобщему начальному образованию.

[1] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 3, д. 105, л. 35.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 46.

Заслушав и обсудив отчет о работе облисполкома за 1929—1930 годы, съезд в своем постановлении указал, что ... «отчетный период для трудящихся масс мордвы ознаменовался преобразованием Мордовского округа в Мордовскую автономную область и что этот период был периодом переломным в деле социалистического строительства Мордовии.

Преобразование Мордовского округа в автономную область для трудящихся масс мордвы является величайшим историческим событием и имеет громадное политическое значение. С организацией автономной области открылись значительно большие возможности для ликвидации хозяйственной и культурной отсталости населения области»[1].

Съезд далее отметил, что «в деле хозяйственного и культурного строительства Мордовской автономной области за отчетное время в результате практической деятельности областного исполнительного комитета под руководством областного комитета партии, при широкой мобилизации внимания трудящихся масс, при тесном сплочении их вокруг Советов и самом активном участии в практической работе, при напряжении энергии всех советских органов области, а также при широком проведении социалистического соревнования, ударничества, организации бригад,— достигнуты значительные успехи»[2].

Съезд Советов, руководствуясь указаниями XVI съезда партии о том, чтобы «...обеспечить и в дальнейшем боевые большевистские темпы социалистического строительства, добиться действительного выполнения пятилетки в четыре года и неуклонно проводить ликвидацию кулачества, как класса на основе сплошной коллективизации»[3], предложил облисполкому «в дальнейшей своей работе более решительно проводить эту реконструкцию на основе широкого развертывания совхозного и колхозного строительства, специализации отдельных сельскохозяйственных районов...

...Довести коллективизацию крестьянских хозяйств по Мордовской области к весеннему севу 1931 года до 40—50% и к концу года — до 60%, а в 1932 году осуществить в области сплошную коллективизацию. При проведении коллективизации считать совершенно необходимым полное соблюдение принципа добровольности вхождения в колхоз, изживая одновременно правооппортунистическую недооценку коллективизации среди некоторых районных и сельских работников»[4].

В области промышленного строительства съезд предложил облисполкому «добиться широкого развертывания промышленности и в первую очередь промышленности по переработке сельскохозяйственного и лесного сырья и полезных ископаемых, в

[1] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 4, д. 19, л. 888.
[2] Там же.
[3] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. III, изд. 7-е, М., 1954, стр. 22.
[4] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 4, д. 19, л. 889.

частности, в 1931 году закончить постройку районной электростанции, кирпичного завода, дубильно-экстрактного завода и приступить к постройке пенькового комбината и ремонтно-механического завода. Поставить перед правительством вопрос о необходимости постройки в Мордовской области трепельного комбината, фанерной фабрики, лесопильных заводов и крупной табачной фабрики»[1].

Указав, что в области народного образования за отчетный период имеются значительные достижения (осуществление перехода ко всеобщему обязательному начальному обучению, расширение сети школ повышенного типа, техникумов и профтехнических школ и сети дошкольных и политико-просветительных учреждений), съезд обязал облисполком и все советские органы провести ряд мероприятий, обеспечивающих наиболее успешное проведение всеобщего начального обучения и строительство вновь развертываемых школ.

Съезд предложил облисполкому принять более решительные меры к тому, чтобы в течение ближайших 2-х лет во всех мордовских и татарских школах I ступени и в школах повышенного типа работали преподаватели из коренной национальности.

Учитывая огромный недостаток квалифицированных кадров, особенно из мордвы, съезд обязал облисполком уделить большое внимание делу подготовки кадров. Было намечено организовать агропедвуз, сельскохозяйственный вуз и комвуз.

В своем постановлении по советскому строительству съезд Советов отметил, что коренная перестройка сельского хозяйства на социалистических началах в условиях обострения классовой борьбы требует укрепления и перестройки работы сельских Советов как штабов коллективизации. Съезд предложил «коренным образом перестроить организационно-массовую работу городских, поселковых и сельских Советов применительно к новым задачам социалистического строительства на основе вовлечения широких трудящихся масс в практическую работу Советов, усиления и правильной постановки работы с беднотой и женщинами с учетом особенностей каждого района, города и села, в то же время добиваясь усиления и улучшения качества работы сельскохозяйственных производственных совещаний»[2].

Съезд избрал областной исполнительный комитет из 67 членов и 25 кандидатов, делегатов на краевой, Всероссийский и Всесоюзный съезды Советов и принял «Обращение ко всем трудящимся Мордовской автономной области», в котором призвал трудящихся области активно включиться в советское хозяйственное строительство.

С образованием автономной области Мордовия получила более широкие права в области самоуправления. Правовое

[1] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 4, д. 19, л. 890.
[2] Там же, д. 9, л. 892.

положение Мордовской автономной области определялось постановлением Президиума ВЦИК от 10 января 1930 года, в котором говорилось: «Предоставить Мордовской автономной области все права, установленные действующим законодательством для автономных областей, входящих в состав РСФСР» Права автономных областей, входящих в состав РСФСР, определялись ст. 44 Конституции РСФСР 1925 г. и Положением об автономных областях, принимаемых их съездами Советов и утверждаемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом[2].

Высшим органом государственной власти Мордовской автономной области являлся областной съезд Советов, состоявший из представителей Советов городов, рабочих поселков, а также фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений и из представителей районных съездов Советов.

К ведению областного съезда Советов относилось: а) разрешение вопросов, имеющих местное значение; б) обсуждение вопросов областного, краевого и общегосударственного значения; в) рассмотрение и обсуждение отчетов о деятельности государственных учреждений и предприятий, находящихся на территории области; г) рассмотрение законодательных предположений, касающихся области, и внесение их на утверждение центральных органов РСФСР; д) рассмотрение и утверждение перспективных и операционных планов народного хозяйства и социально-культурного строительства области; утверждение свода всех местных бюджетов и отчетов по исполнению местных бюджетов области; рассмотрение областной сводки доходов и расходов по сметам находящихся на территории области учреждений государственного и местного значения, содержащихся на государственном бюджете, и отчетов по исполнению общегосударственного бюджета в области и представления своего заключения по ним в надлежащие центральные органы РСФСР.

К исключительному ведению областного съезда Советов относились: рассмотрение и обсуждение отчетов областного исполнительного комитета о его деятельности, выборы областного исполнительного комитета и делегатов на вышестоящие съезды Советов в случаях и порядке, определяемых Конституцией РСФСР и Союза ССР; утверждение соответствующих бюджетов, а также отчетов по их исполнению; утверждение постановлений областного исполнительного комитета; о подлежащих проведению в области местных налогов и сборов из числа предусмотренных действующими узаконениями - о предельных для области ставках местных налогов и сборов не свыше республиканских, установленных в законодательном порядке; о предельных для области надбавках к государственным налогам и сборам не свыше общереспубликанских, установленных в законодательном порядке; распределение доходов и расходов между бюджетами — области и районными и т. д.

В период между областными съездами Советов высшим органом власти на территории Мордовской автономной области был областной исполнительный комитет, избираемый областным съездом Советов. Областной исполнительный комитет отчитывался за свою деятельность перед областным съездом Советов, вышестоящими съездами Советов, а также их исполнительными комитетами и президиумами последних.

К ведению областного исполнительного комитета относилось: а) руководство, направление и объединение деятельности всех органов Советской власти, учреждений и предприятий в соответствии с действующими узаконениями; б) проведение в жизнь декретов, постановлений и распоряжений вышестоящих органов; в) принятие мер к поднятию промышленности, сельского хозяйства, торговли и других отраслей хозяйства, а равно социально-культурной жизни населения области; г) проведение выборов в Советы и созыв съездов Советов; д) обеспечение революционной законности: е) борьба с контрреволюцией и охрана революционного порядка, спокойствия и безопасности.

Для осуществления задач, возложенных на областной исполнительный комитет, ему предоставлялось право выносить постановления по вопросам своей компетенции, обязательные для всех органов; издавать обязательные постановления с установлением за их нарушение ответственности в административном или, в надлежащих случаях, судебном порядке; отменять, изменять и приостанавливать постановления всех нижестоящих съездов Советов и их исполнительных комитетов, а также всех подведомственных им органов; непосредственно сноситься с вышестоящими органами по вопросам, касающимся территории области; контролировать и ревизировать деятельность всех органов, подчиненных исполнительному комитету; возбуждать в установленном порядке ходатайство об отмене или изменении постановлений и распоряжений вышестоящих органов власти, которые по местным условиям признавались нецелесообразными и т. д.

Областной исполнительный комитет работал периодически, собираясь на пленумы не реже одного раза в три месяца.

Для руководства всей текущей работой по управлению территорией Мордовской автономной области и проведению в жизнь декретов и постановлений высших органов Советской

---

[1] СУ РСФСР, 1930, № 17, ст. 225.

[2] Проект положения о Мордовской автономной области был разработан и должен быть принят 2 областным съездом Советов Мордовской автономной области, который намечалось созвать в декабре 1934 г. Однако в декабре 1934 г. Мордовская автономная область была преобразована в Мордовскую АССР, вследствие чего правовое положение Мордовии изменилось, и отпала необходимость в принятии Положения об автономной области. Проект положения хранится в ЦГА МАССР, ф. 384, оп. 2, д. 501, лл. 401—411.

власти и постановлений вышестоящих исполкомов, а также для направления и объединения деятельности всех подведомственных исполкому органов исполком избирал из состава своих членов президиум, который в период между заседаниями исполкома пользовался всеми правами последнего, за исключением права принятия местного бюджета.

Непосредственное руководство отдельными отраслями хозяйства, культуры и управления области осуществляли образованные в составе областного исполнительного комитета следующие отделы: Совет народного хозяйства, земельный, торговли, финансовый, труда, народного образования, здравоохранения рабоче-крестьянской инспекции, дорожный, социального обеспечения, административный и архивное бюро. Кроме того, при президиуме областного исполнительного комитета существовали следующие учреждения: областная арбитражная комиссия, управление строительного контроля и областной совет физической культуры.

Для защиты интересов Мордовской автономной области и проведения в центральных учреждениях РСФСР мероприятий, касающихся области, а также отдельных учреждений и предприятий областного значения областной исполнительный комитет имел в Москве свое постоянное представительство, действующее на основании постановления ВЦИК от 9 апреля 1924 года и 4 ноября 1930 года.

Таким образом, Мордовская автономная область, в отличие от обычной области, пользовалась более широкими правами. Она имела право принимать свое «Положение об автономной области», утверждаемое ВЦИК, была независима в вопросах языка, делопроизводства в органах власти, управления, суда, и т. п., а также располагала своими представителями в Совете Национальностей Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Мордовская автономная область была создана как советское социалистическое государственное образование в составе РСФСР, непосредственно входящее в Средне-Волжский край.

В статье 5 постановления Президиума ВЦИК от 10 января 1930 г. об образовании Мордовской автономной области было указано: «Включить Мордовскую автономную область в состав Средне-Волжского края с сохранением за ней всех прав, предоставленных постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 года о взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений и органами краевой (областной) власти»[1].

Мордовская автономная область имела право непосредственного выбора на своих областных съездах Советов делегатов на Всероссийские съезды Советов и право делегирования непосредственно от себя делегатов на другие Всероссийские съезды и совещания (ст. 13).

[1] СУ РСФСР, 1930, № 17, ст. 225.

Согласно статьи 2 постановления «О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти» Мордовская автономная область была независима от органов управления Средне-Волжского края «в области организационной и административной, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, юстиции, земельного управления, местного хозяйства, местного бюджета и архивного дела»[1]. В области плановой работы за Мордовским областным исполнительным комитетом сохранялось право составлять и утверждать хозяйственные планы области в соответствии с общехозяйственными планами края и представлять краевому исполнительному комитету для включения областного плана в общекраевой хозяйственный план особыми для области цифрами.

В случае возникновения разногласий по хозяйственным планам между областным и краевым исполнительными комитетами эти разногласия разрешались Экономическим советом и Советом Народных Комиссаров РСФСР (ст. 4). В тех случаях, когда краевой исполнительный комитет не был согласен с каким-либо постановлением исполнительного комитета Мордовской автономной области, крайисполком входил в областной исполнительный комитет с предложением пересмотреть это постановление в целях его изменения или отмены. В случае подтверждения облисполкомом своего постановления, крайисполком входил в Совет Народных Комиссаров РСФСР или Президиум ВЦИК с представлением об отмене указанного постановления областного исполнительного комитета.

Постановление, сохраняя за вошедшими в края областями определенные права, устанавливало и порядок разрешения разногласий, возникающих между ними по тем или иным вопросам.

Постановлением предоставлялось право областному исполнительному комитету Мордовской автономной области опротестовывать действия и распоряжения краевого исполнительного комитета в отношении ее бюджета, а также и общекраевой бюджет в части, касающейся Мордовской автономной области, в Совет Народных Комиссаров РСФСР или в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ст. 3). В случае несогласия областного исполнительного комитета с постановлением и распоряжением краевого исполнительного комитета или его президиума, он имел право особым в каждом случае постановлением облисполкома или его президиума приостанавливать действие распоряжения крайисполкома с

[1] СУ, 1928, № 137, ст. 889.

одновременным обжалованием такового в Совет Народных Комиссаров РСФСР или Президиум ВЦИК (ст. 12).

В соответствии со статьей 14 постановления Мордовская автономная область имела право «непосредственно сноситься с Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Советом Народных Комиссаров, Экономическим советом и народными комиссариатами РСФСР». Однако копии своих отношений названным органам облисполком в необходимых случаях обязан был одновременно направлять для сведения крайисполкому Средне-Волжского края.

Включение Мордовской автономной области в состав Средне-Волжского края создавало наиболее благоприятные условия для быстрого роста ее хозяйства и культуры и преобразования её в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

* * *

Мордовская автономная область под руководством краевой и областной партийных организаций добилась значительных успехов по социалистическому переустройству хозяйства и культуры и дальнейшему укреплению советских государственных органов.

В соответствии с планом развития народного хозяйства страны в Мордовской автономной области были произведены крупные вложения в строительство промышленности, сельского хозяйства и культуры.

Капиталовложения в промышленность за период с 1930 г. по 1934 г. составили 30.260,2 тысячи рублей, из них на новостройки 19.691,2 тыс. рублей, или 65 процентов.[1] В этот период были построены и сданы в эксплуатацию Явасский и Протяжновский лесозаводы, Жегаловский крахмальный и Саранский плодоовощной заводы, Вадский дубильно-экстрактный завод, Рузаевский кирпичный и Атемарский теплобетонный заводы, Саранский птицекомбинат, Ковылкинская птицефабрика, Ичалковский маслосырзавод, Саранская электростанция, Саранская котонинная фабрика, Саранский консервный комбинат (частично), Зубово-Полянский и Ичалковский стройкомбинаты. Построено 7 заводов по первичной обработке волокна и другие промышленные предприятия[2].

Основные фонды промышленности возросли с 4.601 тыс. руб. в 1930 г. до 40.429 тыс. руб. к концу 1934 года[3]. Причем основные фонды крупной промышленности Мордовской автономной области за этот период росли более быстрыми темпами, чем в целом по РСФСР. Если за период с 1928 по 1934 год объем основных фондов крупной промышленности РСФСР вырос в 3,65 раза, то за этот же период основные фонды крупной промышленности в Мордовской автономной области выросли более чем в 7,7 раза[1].

Количество промышленных предприятий с 37 в 1928 году возросло до 204 в 1934 году[2]. Объем валовой продукции (в ценах 1926—27 г.) увеличился с 12155,6 тыс. руб. в 1930 г. до 54542 тыс. руб. в 1934 году, или в 4,5 раза[3].

С ростом промышленных предприятий значительно возросло число рабочих. Так, к моменту образования Мордовской автономной области на предприятиях крупной промышленности работало всего 1504 человека, а в 1934 году среднегодовое число рабочих крупной промышленности Мордовии составляло 13859 человек[4]. Число же рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства Мордовии (без железнодорожного транспорта) увеличилось с 1930 по 1934 год с 36634 чел. до 69625 чел., или почти в 2 раза[5].

За этот период значительно вырос промышленный пролетариат из коренного мордовского населения. Удельный вес мордвы в составе рабочих повысился с 12,1% в 1930 г. до 22,3% в 1934 году, или на 10,2%[6].

На основе развертывания социалистического соревнования, оснащения народного хозяйства новой техникой, повышения материально-культурного уровня жизни трудящихся выросла и производительность труда.

В связи с ростом народного хозяйства области, механизацией сельскохозяйственных работ и внедрением автотранспорта с 1930 по 1934 год была проведена большая работа по реконструкции железнодорожного транспорта и улучшения грунтовых дорог. В 1934 году по сравнению с 1930 годом расходы на дорожное строительство увеличились более чем в 28 раз и составили 700 тыс. рублей[7]. Всего же за пять лет существования Мордовской автономной области на дорожное строительство было затрачено 16615 тыс. руб., в том числе 15216 тыс. руб. за счет трудовых вложений населения и 1399,1 тыс. руб. из местного бюджета[8].

Если к началу 1930 года 99,7 процента всех дорог области относились к дорогам естественным, то уже в 1934 году 22 процента

---

[1] ЦГА МАССР, ф. р-175, оп. 1, д. 9, л. 195.
[2] «Мордовия за пять лет» (Материалы отчетного доклада облисполкома II областному съезду Советов). Изд. Мордовского облисполкома, Саранск, 1934, стр. 3.
[3] Промышленность СССР, Москва, В/о. «Союзоргучет», 1936, стр. 651.

[1] М. БОР. Развитие социалистической промышленности Мордовской АССР, Саранск, 1941, стр. 27.
[2] Промышленность СССР, Москва, В/о. «Союзоргучет», 1936, стр. 651.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] «Мордовия за пять лет». (Материалы отчетного доклада облисполкома II областному съезду Советов). Изд. Мордовского облисполкома, Саранск. 1934, стр. 5.
[6] Там же, стр. 22.
[7] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 49, л. 219.
[8] Там же, л. 220.

всех дорог стали улучшенными[1]. Протяженность профилированных дорог увеличилась на 1432 км., улучшенных на 310 км ,гравийных мостов на 139 км., булыжных мостов на 17,4 км. и щебеночных шоссе на 2,7 км; построено 40143 погонных метра мостов[2].

Большие работы были проведены по телефонизации и радиофикации области. В 1930 г. в области было телефонизировано только 3 райисполкома и 62 (6,6 процента) сельских Советов[3]. К концу же 1934 года в области были телефонизированы все 20 райисполкомов, 207 (35,1 процента) сельских Советов, 25 МТС (из 27), 35 совхозов (из 45), 153 колхоза и 86 полевых станов[4]. Была построена широковещательная радиостанция. Количество радиотрансляционных узлов с одного увеличилось до 16, а количество радиоточек — до 4244[5]. Объем капитальных затрат на предприятия связи и радио в 1934 году по сравнению с 1930 годом возрос с 118,4 тыс. руб. до 901 тыс. руб. и составил за пятилетие 2293 тыс. рублей[6].

Особенно значительные изменения после образования Мордовской автономной области произошли в сельском хозяйстве.

Быстрый рост индустрии страны дал возможность снабдить сельское хозяйство всей страны, в том числе и Мордовской автономной области, тракторами и новейшими сельхозмашинами, объединить мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства и организовать широкую сеть зерновых и животноводческих совхозов[7]. Если на 1 января 1930 года в колхозах области было только 16,9 процента крестьянских хозяйств[8], то к концу 1934 года в колхозы вошло 148,9 тыс., или 64,1 процента всех крестьянских хозяйств Мордовии, объединенных в 1324 коллективные хозяйства[9]. К тому времени в Мордовии насчитывалось 45 совхозов[10].

В результате успешной коллективизации основной массы крестьянских хозяйств и создания широкой сети крупных совхозов в Мордовии, как и по всей стране в целом, было ликвидировано кулачество, «...подорваны корни капитализма в сельском хозяйстве и тем самым обеспечена победа социализма в деревне, а

[1] «Мордовия за пять лет». (Материалы отчетного доклада облисполкома II областному съезду Советов.) Изд. Мордовского облисполкома, 1934, стр. 59.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 61.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] См. КПСС в резолюциях и решениях..., ч. III, изд. 7-е. Госполитиздат, М., 1954, стр. 177.
[8] С. С. Ивашкин, Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Мордгиз, Саранск, 1957, стр. 74.
[9] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 1, д. 539, л. 14.
[10] «Мордовия за пять лет». (Материалы отчетного доклада облисполкома II областному съезду Советов). Изд. Мордовского облисполкома, 1934, стр. 41.

колхозное хозяйство превратилось в прочную опору социалистического строительства»[1].

Социалистический сектор занял господствующее положение в сельском хозяйстве области. В 1934 году по сравнению с 1930 годом посевные площади колхозов, совхозов и других государственных и кооперативных организаций увеличились с 826557 га до 963580 га, посевные площади единоличных хозяйств уменьшились с 949742 га до 207837 га[2]. Повысилась урожайность сельскохозяйственных культур, а также повысилось производство товарного хлеба. В 1934 году по сравнению с 1930 годом урожай зерновых культур в среднем с одного гектара увеличился на 2,7 центнера и составил 8,2 центнера[3].

Валовой сбор зерновых культур в 1933 году по сравнению с 1932 годом увеличился на 2110746 центнеров, или на 37,4 процента и составил 7748994 центнера[4].

Победа совхозов и колхозов в сельском хозяйстве Мордовии коренным образом изменила структуру хлебозаготовок. В 1934 году по сравнению с 1930 годом удельный вес социалистического сектора по заготовке хлеба увеличился с 10 до 86 процентов[5].

Значительно вырос социалистический сектор и в области животноводства. По состоянию на 1 ноября 1934 года в сравнении с 1 января 1932 года количество ферм и поголовье скота в колхозах увеличилось в следующих размерах: МТФ — с 175 до 599, поголовье коров в них — с 18129 до 35551; СТФ — с 123 до 683, поголовье свиней в них — с 6194 до 36590 и количество ОТФ составляло 496 с наличием в них 61220 голов овец. Поголовье лошадей в колхозах за это время возросло с 434 до 5238[6].

Еще быстрее происходил рост поголовья скота в совхозах и других государственных организациях области. За пять лет, с 1930 по 1934 год, поголовье лошадей в совхозах увеличилось с 500 до 6200 голов, крупного рогатого скота соответственно с 1131 до 16924 голов, свиней — с 600 до 41100 голов и овец и коз — с 100 до 5900 голов[7].

Успехи, достигнутые сельским хозяйством Мордовской автономной области за период с 1930 по 1934 год, достигнуты благодаря огромной помощи, которая постоянно оказывалась Мордовии Коммунистической партией и Советским государством. Так, за период с 1930 по 1934 год количество МТС в Мордовии увеличилось с 2 (с тракторным парком мощностью в 840 лош. сил) до 27 МТС, имеющих 715 тракторов мощностью в 9452 лош. сил, 18

[1] См. КПСС в резолюциях и решениях..., ч. III, изд. 7-е. Госполитиздат, М., 1954, стр. 178.
[2] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 49, л. 198.
[3] Там же, л. 201.
[4] См. «Борьба за укрепление колхозов, совхозов и социалистическую переделку колхозных масс». Саранск, 1934, стр. 19.
[5] «Мордовия за пять лет», стр. 78.
[6] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 49, л. 204.
[7] «Мордовия за пять лет», стр. 44.

комбайнов и 58 грузовых автомашин[1]. Кроме того, в 1934 году в в совхозах области имелось тракторов мощностью 9705 лош. сил, 28 комбайнов и 76 автомашин.[2] За пять лет колхозам Мордовии было отпущено кредитов в сумме 9806 тыс. рублей[3].

В результате механизации сельского хозяйства к 1934 году соха в Мордовии была заменена плугом, 60 процентов всех посевных площадей колхозов обрабатывались тракторами и засевались сеялками, 70 процентов посевов убирались жнейками и на 80 процентов область была обеспечена молотилками.[4]

Партия и Советское правительство оказывали Мордовской автономной области не только материальную помощь, но и направляли на работу большое число специалистов сельского хозяйства и лучших представителей рабочего класса. В годы коллективизации сельского хозяйства области сюда было направлено 277 двадцатипятитысячников,[5] 531 специалист сельского хозяйства, в том числе 191 агроном, 41 зоотехник, 59 ветработников, 121 землеустроитель.[6] Кроме того, в Мордовию было послано на постоянную работу 50 рабочих из Ленинского района г. Москвы, который шефствовал над Мордовией[7].

Посланцы партии и Советского правительства оказали неоценимую помощь партийной организации Мордовии в проведении коллективизации и ликвидации кулачества как класса, в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подготовке руководящих кадров колхозного производства и специалистов сельского хозяйства.

По неполным данным, за период с 1930 по 1934 год для работы в сельском хозяйстве области было подготовлено и переподготовлено более 53 тысяч специалистов сельского хозяйства, в том числе 476 председателей колхозов, 2235 бригадиров полеводческих бригад, 1909 трактористов, 556 полеводов и т. д.[8]. Из общего числа подготовленных работников для сельского хозяйства более 13 тыс. человек было из мордвы и 4349 чел., или более 20% женщин[9].

Огромную роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, очищении их от чуждых элементов и воспитании широких колхозных масс сыграли политотделы при МТС и совхозах,

[1] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 49, л. 200.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Мордовия за пять лет», стр. 34.
[5] Советская Мордовия. Очерки, посвященные 20-летию республики. Мордгиз, Саранск, 1950, стр. 218.
[6] «Борьба за укрепление колхозов и совхозов и социалистическую переделку колхозных масс Мордовии», стр. 13.
[7] И. А. Васькин. Национальное возрождение мордовского народа. Мордгиз, Саранск, 1956, стр. 132.
[8] «Борьба за укрепление колхозов, совхозов и социалистическую переделку колхозных масс Мордовии», стр. 40.
[9] Там же.

созданные в соответствии с решениями январского Пленума ЦК ВКП(б) (1933 г.).

Победа колхозного строя в нашей стране имела огромное значение в деле дальнейшего подъема сельского хозяйства и материально-культурного уровня колхозного крестьянства и всех трудящихся нашей Родины.

Успехи, достигнутые в индустриализации и колхозном строительстве, обеспечили рост продукции промышленности и сельского хозяйства и способствовали улучшению материального положения трудящихся города и деревни. Среднегодовая зарплата одного рабочего в Мордовии возросла с 559 руб. в 1930 году до 753 руб. к началу 1934 года, или на 34,7 процента.[1] Значительно возросли доходы колхозников. Если в 1931 г. на один трудодень приходилось около трех кг хлеба, то в 1934 году — более шести килограммов[2].

Рост экономики колхозов и колхозников позволил развернуть строительство жилых домов, культурно-бытовых и производственных объектов. По далеко неполным данным, только в 1934 году колхозами области построено общественных зданий стоимостью 8382,2 тыс. руб., в том числе амбулаторий, больниц и общественных бань на 46 тыс. рублей[3].

Возросли расходы на душу населения, предусмотренные государственным бюджетом. Если в 1930 г. расходы из бюджета на душу населения Мордовии составляли 8,11 руб, то в 1934 году они достигли 29,86 руб., или увеличились более чем в 3,5 раза.[4] Бюджет за это время вырос с 10,9 млн. рублей до 40,8 млн. рублей, или в 3,7 раза[5]. Больше стало выделяться из бюджета средств на социальное обеспечение. В 1934 г. по сравнению с 1930 г. сумма выдаваемых пенсий увеличилась с 321 тыс. руб. до 717 тыс. руб., т. е. более чем в два раза[6].

С улучшением материального положения возросла и покупательная способность населения, что подтверждается ростом товарооборота области.

Розничный товарооборот области с 40,2 млн. руб. в 1930 году[7] вырос до 160873,2 млн. руб. в 1934 году, или более чем в 4 раза[8]. Торговая сеть за указанный период возросла с 661 до 1406 точек, или более чем в два раза[9].

Подъем народного хозяйства и благосостояния трудящихся масс Мордовской автономной области сопровождался значи-

[1] См. «Мордовия за пять лет», стр. 22.
[2] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 149, л. 202.
[3] См. «Мордовия за пять лет», стр. 40.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 49, л. 216.
[7] Там же, ф. р-662, оп. 1, д. 539, л. 15.
[8] Там же.
[9] Там же.

тельным повышением культурного уровня населения и ростом народной интеллигенции. В 1934 году по сравнению с 1930 годом грамотность населения области возросла с 64 проц. до 90 процентов, а среди мордовского населения — с 58,3 процента до 88,9 процента[1].

Трудящиеся Мордовии под руководством областной партийной организации в 1930 — 1934 годах полностью осуществили всеобщее обязательное начальное обучение и добились значительных успехов в развитии всеобщего семилетнего обучения. Охват семилетним обучением, оканчивающих начальную школу в 1934 году, был равен 71,2 процента[2]. Число учащихся области с 1930 по 1934 год в начальных школах увеличилось с 86120 человек до 176790 человек, в том числе мордвы — с 31545 чел. до 66850 человек, или более чем в два раза, в средних школах соответственно с 7765 чел. до 25083 чел., или более чем в 3 раза, в том числе мордвы — 1508 чел. до 7583 чел., или более чем в 5 раз[3].

Увеличение количества учащихся потребовало значительного увеличения школ в области. Количество начальных школ за этот период увеличилось с 991 до 1267, или на 27,8 процента, в том числе мордовских — с 339 до 436, или на 28,6 процента[4], количество средних и семилетних школ соответственно увеличилось с 37 в 1930 г. до 198 в 1934 г., или в 5,4 раза, в том числе мордовских — с 12 до 80, или в 6,7 раза[5].

Осуществление всеобщего начального обучения и перехода к обязательному семилетнему обучению создали условия для подготовки кадров из мордовского населения. С этой целью были открыты высшие и средние специальные учебные заведения. Большое число молодежи направлялось в учебные заведения других городов страны.

В 1931 году в г. Саранске был открыт Мордовский педагогический институт[6]. В 1932 году была создана Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В Мордовии работали Совпартшкола, Дом мордовки и специальные средние учебные заведения. Сеть средних специальных учебных заведений расширилась с 12 в 1930 г. до 14 в 1934 г., в том числе мордовских с 6 до 8[7]. В 1934 году в высших и специальных средних учебных заведениях Мордовии обучалось 4821 чел., в том числе 2333 чел. из мордвы[8].

В результате помощи ЦК партии и Советского правительства количество высококвалифицированных кадров в Мордовии за

[1] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 49, л. 207.
[2] Там же, л. 208.
[3] А. Л. Киселев, Социалистическая культура Мордовии, Саранск, 1959, стр. 73.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 93.
[7] Архив Мордовского ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 183, л. 20.
[8] Там же.

этот период значительно возросло. Так количество учителей за 1930 — 1934 г. возросло с 3524 чел. до 5815 человек.[1]

Заметно улучшилась политико-просветительная работа среди населения. С 1930 по 1934 год количество колхозных клубов увеличилось с 178 до 510, библиотек — с 24 до 41, книжный фонд в них — с 137 тыс. экз. до 399 тыс. экз.[2] Было построено в области 19 домов культуры[3].

В 1932 году в Мордовии открылось Мордовское государственное книжное издательство, которым уже в 1933 году было издано 145 названий книг, а в 1934 году 359 названий книг[4].

Население Мордовской области получало не только местную, но и центральную периодическую печать. Если в 1930 году Мордовия получила 13,5 млн. экземпляров газет и журналов, то только за первое полугодие 1934 года — 14,2 млн. экземпляров.[5]

Объем отпускаемых средств на социально-культурные мероприятия увеличился с 6171,9 тыс. руб. в 1930 году до 27093,8 тыс. руб. в 1934 году, или на 439 процентов, в том числе на просвещение соответственно с 6448,7 тыс. руб. до 23193,8 тыс. руб., или на 998,9 процента[6].

Увеличиваемые ассигнования средств на социально-культурные мероприятия, в том числе на здравоохранение, позволили за эти годы расширить сеть лечебных учреждений и улучшить оказание населению медицинской помощи.

Под руководством Коммунистической партии, с помощью великого русского народа Мордовия достигла значительных успехов в советском государственном строительстве. Отмечая успехи Мордовии, пятый пленум Средне-Волжского краевого исполнительного комитета Советов в своем постановлении от 25 — 29 декабря 1932 г. «О советском, хозяйственном и культурном строительстве Мордовской автономной области» отметил, что «Советы Мордовии под руководством крайкома ВКП(б), крайисполкома и парторганизации области за истекшие 3 года со времени образования области добились решающих успехов в деле перестройки своей работы в соответствии с требованиями периода социалистической реконструкции как в социалистическом переустройстве сельского хозяйства, так и в промышленном развитии и культурном строительстве области»[7].

Пленум констатировал, что большинство Советов области стали действительными организаторами и руководителями выполнения хозяйственно-политических задач и организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Оживилась работа Советов,

[1] См. «Мордовия за пять лет», стр. 65.
[2] Архив Мордовского ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 183, л. 21.
[3] См. «Мордовия за пять лет», стр. 69.
[4] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 49, л. 211.
[5] См. «Мордовия за пять лет», стр. 68.
[6] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 7, д. 49, л. 220.
[7] Там же, оп. 5, д. 196, л. 70.

их секций и депутатских групп. В работу Советов были вовлечены широкие слои трудящихся масс и в первую очередь женщины.

Советы стали принимать активное участие в составлении производственных планов колхозов и их осуществлении, организации труда и в наблюдении за выполнением колхозами их обязательств перед Советским государством.

Большую роль в дальнейшем вовлечении масс в советское строительство сыграли секции и депутатские группы при сельсоветах, правлениях колхозов, совхозах и промышленных предприятиях.

В 1933 году в Советах Мордовии было организовано 1919 секций, в работу которых было вовлечено 15056 человек, из них 6307 членов и кандидатов в члены сельских Советов и 8749 человек актива.[1]

В этом же году ими было выработано 8017 предложений по разным вопросам, из которых 6631 было проведено в жизнь.[2]

Увеличилось количество и активизировалась работа и депутатских групп, организованных при колхозах, совхозах и промышленных предприятиях. В 1933 году было организовано 394 депутатских групп, в которых состояло 2706 чел., в том числе 1239 человек были членами и кандидатами в члены сельских Советов и 1467 человек актива. Депутатскими группами было выработано 811 практических предложений, из которых 696 было проведено в жизнь.[3]

Очередные выборы Советов, проведенные в 1934 году, продемонстрировали возросшую политическую активность трудящихся масс Мордовии. На выборах участвовало 77,8% всех избирателей, в том числе мордвы — 76,3%, русских — 78,4% и татар — 83,2%.[4]

В состав сельских Советов Мордовии было избрано 12661 человек, из них 4340 человек, или 27,1% женщин[5], кандидатов в члены пленумов сельских Советов 4213, женщин — 853, или 20,3 процента, в президиумы сельских Советов — 2599 человек, из них женщин 438 чел., или 16,8 процента, и председателями сельских Советов — 598 чел., из них женщин 61 чел., или 10,2 процента[6]. Из 12661 чел., избранных в состав сельских Советов, 9292 чел., или 73,4 процента, было колхозников, 318 чел., или 2,5 процента, рабочих, 1988 чел., или 15,7 процента, членов ВКП(б) и 1051 чел., или 8,3 процента, членов ВЛКСМ[7].

Выборы Советов, проведенные в 1934 году, позволили значительно улучшить социальный состав сельских Советов, увеличить

[1] Архив Мордовского ОК КПСС, ф. 299/8, оп. 1, д. 183, л. 39.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] ЦГА МАССР, ф. р-175, оп. 1, д. 18, л. 1.
[5] Там же.
[6] Там же, л. 9.
[7] Там же, л. 1.

в них партийную прослойку, а также способствовали дальнейшей активизации и вовлечению в работу их секций и депутатских групп большого количества актива.

Количество сельского актива, вовлеченного в работу Советов в 1934 году, составило 174323 чел., в том числе 63004 чел. было женщин, что составило 35 процентов[1].

Большое значение в деле перестройки и улучшения работы Советов, а также их приближения к трудящимся массам сыграли подбор, подготовка и переподготовка руководящих кадров сельских Советов, участие депутатов горсоветов в работе сельских Советов. Только в 1930 г. было направлено в сельские Советы 74 депутата Моссовета и 86 депутатов из городов и райцентров Мордовии[2]. Кроме того, с 1931 по 1934 год было подготовлено и переподготовлено для советской работы 1112 человек в совпартшколе и на различных курсах[3].

Коренизация советского государственного аппарата в Мордовии, как и в других национальных областях страны, проводилась в соответствии с решениями XII съезда партии и постановлением Президиума ВЦИК от 14 апреля 1924 года и имела огромное политическое значение.

Постановление Президиума ВЦИК от 14 апреля 1924 года «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках» устанавливало порядок и задачи коренизации. В этом постановлении говорилось: «В целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству, считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки»[4].

Коренизация советского государственного аппарата в Мордовии, как и в других национальных областях и республиках, проводилась путем перевода делопроизводства на мордовский язык в местностях, населенных мордвой, укомплектования советских государственных органов лицами мордовской национальности и обучения мордовскому языку лиц русской и других национальностей.

Первый областной съезд Советов (1931 г.), исходя из этих установок, объявил в «Мордовской автономной области мордовский язык (мокша-эрзянский), наряду с русским, государственным языком»[5].

Таким образом, Мордовская автономная область за пять лет своего существования добилась больших успехов в государствен-

[1] ЦГА МАССР, ф. р-175, оп. 1, д. 13, л. 16.
[2] Там же, ф. р-238, оп. 3, д. 128, л. 17.
[3] «Мордовия за пять лет», стр. 11—12.
[4] СУ РСФСР, 1924, № 41, стр. 371.
[5] ЦГА МАССР, ф. р-238, оп. 4, д. 19, л. 914.

ном, хозяйственном и культурном строительстве. Они явились необходимым условием преобразования Мордовской автономной области в высшую форму советской автономии — Автономную Советскую Социалистическую Республику.

В соответствии с волеизъявлением трудящихся масс Мордовии 20 декабря 1934 года Президиум ВЦИК постановил: Мордовскую автономную область «преобразовать в существующих границах в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику».[1]

Образование Мордовской автономной республики создало условия для еще большего развития хозяйства и культуры трудящихся Мордовии.

[1] СУ РСФСР, 1935 г., № 1, ст. 1, ЦГА МАССР, ф. р-175, оп. 1, д. 9; л. 176.

И. П. Пахомов

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ МОРДОВИИ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1921—1928 гг.).

После окончания гражданской войны Советская страна стала переходить к мирному хозяйственному строительству. Необходимо было в кратчайший срок залечить глубокие раны, нанесенные войной, восстановить разрушенное народное хозяйство и приступить к созданию могучей социалистической индустрии и на ее базе осуществить перевод мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного коллективного хозяйства.

Переход к мирному социалистическому строительству совершался в сложной международной и внутренней обстановке. Империалисты всего мира, проиграв битву в войне, вынашивали планы экономического удушения Советской страны. Внутреннее положение Советской России было чрезвычайно тяжелым. Выработка промышленной продукции в 1920 году по сравнению с довоенным временем сократилась почти в 7 раз, а продукция сельского хозяйства составляла 65% сельскохозяйственной продукции царской России. В стране не хватало хлеба и других самых необходимых продуктов питания. Рабочие промышленных центров голодали.

В весьма тяжелом состоянии находилось народное хозяйство Мордовии. Сельское хозяйство было крайне разорено, оно переживало период полного расстройства. Еще в более тяжелом состоянии находилась слабо развитая до революции промышленность.

До Октябрьской революции Мордовская АССР была ярко выраженным аграрным районом с крайне отсталым сельским хозяйством и совершенно незначительной промышленностью.

Вся цензовая промышленность состояла из 50 кустарных и полукустарных предприятий, на которых в 1913 году было занято 2246 рабочих. Промышленность имела весьма слабый технический аппарат. Мощность силовых установок на всех предприятиях

равнялась 1927 лошадиным силам[1], или в среднем на одно предприятие силовых установок приходилось 38 лошадиных сил.

Фабрично-заводская промышленность вырабатывала незначительное количество продукции и не играла сколько-нибудь значительной роли в народном хозяйстве. В 1913 году вся цензовая промышленность (без лесоразработок) выработала продукции на 7,7 млн. рублей[2], что составляло 5 рублей 60 коп. на душу населения, против 70 рублей в целом по России. Удельный вес промышленной продукции составлял 1,5%, на долю продукции сельского хозяйства приходилось около 98%[3], в то время как во всей царской России удельный вес крупной промышленности в народном хозяйстве составлял 42,1%. Основной отраслью промышленности Мордовии до революции была пищевкусовая, на долю которой приходилось 74% всего числа предприятий, 57,8% рабочих, 72,1% мощности силовых установок и 79,4% выработки промышленной продукции. Причем и эта пищевкусовая промышленность имела несложную структуру (винокуренная, мукомольная, маслодельная и табачная. Таких отраслей пищевкусовой промышленности, как мясная, молочная, консервная, кондитерская и др., в Мордовии не было. Самой развитой отраслью пищевкусовой промышленности являлась винокуренная: в 1913 году было 30 действующих винокуренных заводов, или 60% всех цензовых предприятий Мордовии. Такое направление «индустриализации» в национальных районах вполне соответствовало политике царского правительства. Эта незначительная промышленность Мордовии в годы гражданской войны почти полностью бездействовала. Так, в Ардатовском районе из 12 предприятий, действовавших в 1913 году, в 1918 году с большими перебоями работало только 5 предприятий, на которых было занято 144 рабочих[4]. В Темниковском уезде не работало 3 винокуренных завода, паточный завод и 4 крахмало-паточных заведения[5]. В Краснослободском уезде не работали все 6 цензовых предприятий — 5 винокуренных заводов и один чугунолитейный[6]. В Инсарском уезде бездействовали все промышленные предприятия[7]. В Спасском уезде из 10 государственных предприятий работала только одна Ширингушская суконная фабрика[8]. Из 30 действующих в 1913 году винокуренных заводов в 1918 году не работал ни один завод.

[1] Список фабрик и заводов Российской империи, СПБ, 1912 и М. Бор. Развитие социалистической промышленности МАССР, 1940, стр. 6.
[2] Архив Статуправления МАССР. Дело. Социалистическая промышленность МАССР, машинопись, стр. 10—12.
[3] Там же, краткий статсправочник, машинопись, стр. 1—3.
[4] Список фабрик и заводов и других промышленных предприятий Симбирской губернии, 1922, стр. 5.
[5] ЦГА МАССР, ф. 364, оп. 1, д. 1-а, лл. 67—69.
[6] Там же, ф. 28, оп. 1, д. 6, лл. 55—56.
[7] Там же, ф. 74, оп. 1, д. 4, лл. 52—53.
[8] Краткий очерк народного хозяйства Спасского уезда, 1923, стр. 8.

Одной из главных причин бездействия промышленных предприятий являлась разруха всего народного хозяйства. В годы империалистической и гражданской войны в Мордовии большое количество промышленных предприятий было запущено или разрушено. Оборудование многих предприятий было выведено из строя и пришло в негодность, а наиболее ценное и трудно приобретаемое было расхищено.

Были разрушены в Саранском уезде крахмально-паточный завод, 3 салотопенных завода, в Спасском — воскобойный завод, в Инсарском — крахмалотерочный завод[1]. Особенно сильному разрушению в Мордовии подверглись винокуренные заводы.

Так, по данным отчета Пензенского губсовнархоза, из имеющихся 106 винокуренных заводов в 1913 году в Пензенской губернии 67 заводов оказались настолько разрушенными, что о восстановлении их не могло быть и речи: от них остались одни голые стены, а от оборудования — лишь отдельные испорченные крупные части. Остальные 39 заводов в 1918 году не работали либо по причине отсутствия сырья, либо из-за недостатка средств на их восстановление[2].

По уездам, отошедшим к Мордовии от Пензенской области, было разрушено 28 заводов, в том числе: в Саранском уезде 16 заводов, в Рузаевском и Инсарском — 4, в Краснослободском — 7 и в Спасском один завод[3].

Саранский уездный исполком на своем заседании 13 декабря 1918 года отмечал, что винокуренные заводы совершенно разрушены и лишь 2—3 завода можно найти пригодными для производства после проведения ремонта[4].

Уцелевшие от разрушения предприятия частью не работали совсем, а частью работали с большими перебоями.

Например, Саранская мукомольная мельница быв. Якушева с июня 1917 по март 1918 года работала всего 5 дней, рабочие на работу нанимались поденно. Крупная в то время Ковылкинская водяная мельница бывш. Арапова в 1918 г. работала с большими перебоями из давальческого зерна крестьян; до революции эта фабрика давала муки 1 сорта 45 тыс. пудов и 100 тыс. пудов простого размола в месяц и работала на Москву и военное интенданство[5].

В тяжелых условиях гражданской войны партийные организации Мордовии мобилизовывали трудящихся на налаживание хозяйственной жизни на новых, социалистических началах: укре-

[1] ГАПО (госархив Пензенской области), ф. 442, оп. 1, д. 9, л. 1, 1331, лл. 164—165.
[2] ГАПО — ф. 442, оп. 1, д. 578, лл. 34—37.
[3] Там же, ф. 442, оп. 1, д. 9, л. 1, д. 1331, лл. 164—165. (Список винзаводов и других пром. предприятий, разрушенных и ликвидированных по учету Пензенского «Рауспирта».
[4] ЦГА МАССР, ф. 146, оп. 1, д. 3 (протоколы уисполкома).
[5] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 59, лл. 20—63, д. 28, лл. 11—19, д. 27, лл. 14—15, л. 29; л. 21.

пляя тыл нашей страны, коммунисты клялись работать не щадя своих сил.

«В минуты решительного боя, — указывалось в резолюции 2-ой Инсарской уездной партконференции 8 мая 1919 года, — когда контрреволюционные банды Колчака стремятся залить пролетарской кровью очаг мировой революции — Коммунистическую Советскую Россию... клянемся положить все силы на борьбу с Колчаком, клянемся доказать коммунистам фронта, что коммунисты тыла куют им щит для борьбы с общим врагом — всемирным капитализмом[1].

Рабочий класс под руководством партийных организаций, проявляя невиданный героизм и преодолевая неимоверные трудности разрухи, недостатка сырья, топлива, проделали уже в годы гражданской войны большую работу по восстановлению промышленности.

В течение 1919—1920 годов было отремонтировано 7 винокуренных заводов. Уже в 1919 году начали работать с 6 декабря Наташинский, с 12 декабря Лашминский, с 1 января 1920 года Мельцанский винокуренный заводы[2].

IV съезд Инсарского уездного Совета предложил уездному совнархозу открыть в 1918 году крахмало-паточный, канатно-пеньковый, салотопленное заведения, сапожную, швейную и портновскую мастерские. Съезд потребовал от совнархоза «принять все зависящие меры к оборудованию хотя бы заведений для выработки самых необходимых предметов: мыла, патоки и других продуктов первой необходимости»[3].

К концу 1918 года в Темниковском уезде было отремонтировано 2 винокуренных завода, чугунолитейный завод, 2 завода сухой перегонки дерева[4]; в Краснослободском уезде — кожевенный завод, а к маю 1919 года — кирпичный завод, веревочная и слесарная мастерские, мастерские по выработке ламповых стекол[5]. В декабре 1918 года Спасский Усовнархоз провел подготовительные работы к ремонту винокуренного завода, крахмального, 5 кирпичных и 5 ободно-санных предприятий и наметил строительство мыловаренного завода[6].

Второй съезд Советов Саранского уезда (10—14 января 1919 г.) предложил совнархозу «Обратить серьезное внимание на имеющиеся фабрики, заводы и мастерские, чтобы по возможности скорее пустить их в ход»[7]. На основе этого решения были начаты работы по восстановлению Саранского маслозавода и ма-

[1] «Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии», Саранск, 1960, стр. 147.
[2] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 389, лл. 13—14.
[3] ЦГА МАССР, ф. 364, оп. 1, д. 1а, лл. 67—69.
[4] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 23, лл. 51, 142, 202, ф. 364, оп. 1, д. 1а, лл. 67—69
[5] Там же, ф. 364, оп. 1, д. 1а, лл. 67—69.
[6] ГАТО, ф. 727, оп. 1, д. 41, лл. 44—45.
[7] ЦГА МАССР, ф. р-37, оп. 1, д. 46, лл. 78—80.

хорочной фабрики бывш. братьев Никитиных, пополняя ее оборудованием за счет табачной фабрики Покровского[1].

Естественно, что в период гражданской войны, когда все внимание трудящихся было обращено на разгром врагов, широкое восстановление народного хозяйства было невозможно. Эта задача стала под силу только после окончания гражданской войны.

Успешное хозяйственное строительство страны было начато с введением новой экономической политики (НЭП), выработанной В. И. Лениным. Исторический поворот к этой политике провозгласил X съезд РКП(б) (март 1921 года).

Решения X съезда партии, определившего новые задачи, изучались на партийных собраниях, собраниях рабочих и крестьян. Например, в решении IX Темниковской уездной партийной конференции 16 июня 1921 года отмечалось: «Одобрить новую экономическую политику и принять все меры к неуклонному выполнению линии партии»[2].

Новая экономическая политика внесла серьезные изменения как в формы управления, так и в условия развития государственной промышленности. Система управления промышленностью по главкам, которая была необходима в период гражданской войны, стала сковывать инициативу местных органов. Поэтому после войны часть мелких предприятий была передана в ведение местных органов. Многие предприятия переведены на хозяйственный расчет, им была представлена хозяйственная самостоятельность в обеспечении себя сырьем, топливом, материалами и в реализации продукции. Промышленность должна была развиваться на основе прочных экономических связей с сельским хозяйством, укреплять смычку города с деревней через обмен.

В области промышленности введение нэпа означало некоторое оживление частного капитала при сохранении в руках государства крупных предприятий. В соответствии с декретом правительства от 5 июля 1921 г. и учитывая финансовые затруднения, а также в целях быстрейшего восстановления промышленных предприятий в Мордовии, как и во всей стране, отдельные мелкие предприятия стали сдаваться в аренду отдельным коллективам и частным лицам. Так, по решению Темниковского уисполкома в уезде были сданы в аренду 22 ноября 1922 года чугунолитейное предприятие бывш. Скоробогатого, 12 мая 1922 года — типография и 2 кожевенных заведения[3]. В Краснослободском уезде в аренду были сданы 6 паровых и водяных мельниц, кирпичный и 2 кожевенных завода[4]. В Саранском уезде из 11 предприятий, объединяемых трестом «Комбинат», в аренду были сданы 6 предприятий: табачная фабрика «Слон» — в ок-

[1] ЦГА МАССР, ф. р-37, д. 21, лл. 10—11.
[2] Архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп. 4, д. 133, л. 2.
[3] ГАПО, д. 442, оп. 1, д. 1053, лл. 36—37.
[4] ЦГА МАССР, ф. 19, оп. 1, д. 223, л. 24.

тябре 1923 года; 15 августа 1924 г.—табачная фабрика «Красный пахарь», 22 января 1924 года—кожевенный завод бывш. Семина, 27 июня 1925 г.— мукомольная мельница Якушева, 24 августа 1924 г.—лесопильный завод в с. Б.-Вьясс, 10 октября 1923 года—табачная фабрика бывш. Покровского, а всего по Саранскому уезду из 15 промышленных предприятий в аренду было сдано 9[1]. В Ардатовском уезде в 1924—25 годах из 10 промышленных предприятий было сдано в аренду 3 лесозавода[2]. В Спасском уезде в аренду сдана Торбеевская мукомольная мельница[3].

Наибольшее число предприятий фабрично-заводской промышленности было сдано в частную аренду в Саранском и Краснослободском уездах. Так, по данным за 1924 — 25 годы по этим уездам удельный вес частнохозяйственного сектора составлял: по числу действующих предприятий 25%, по числу занятых рабочих—15,8%, по выработке валовой продукции—17,2%[4]. В целом же по Мордовии удельный вес частного сектора был незначительный и по числу предприятий в 1924 — 25 годах составлял около 12%, по мощности силовых установок — 7,4%, по выработке валовой продукции —9,7%[5].

Предприятия, сдаваемые в аренду, были мелкими и хозяйственно маловыгодными. Они, как правило, были либо разрушены, либо имели большую изношенность. Например, изношенность Саранского кожевенного завода и Темниковской типографии была 70%, чугунолитейного завода в г. Темникове — 60%[6]. Поэтому сдача в аренду промышленных предприятий в тех условиях была хозяйственно целесообразной мерой, но мерой временного порядка.

Проводя некоторые организационные мероприятия по перестройке управления промышленностью, партийные и советские организации Мордовии мобилизовали рабочий класс на восстановление промышленности. Вопросы промышленности были постоянно предметом обсуждения на партийных конференциях, заседаниях губкомов, укомов РКП(б) и исполкомов. Например, X Темниковская уездная партийная конференция, состоявшаяся 11 ноября 1921 года, выработала практические мероприятия по проведению ремонта и улучшению работы промышленных предприятий[7]. Выполняя решения конференции, Темниковский уком партии 14 ноября 1921 года на своем заседании установил конкретные производственные задания промышленным предприятиям на 1922 год. Так, например, Кондровской бумажной фабрике было запланировано выработать 32 тыс. тонн бумаги, или 60% довоенного уровня с увеличением против 1921 года на 50%, чугунолитейному заводу — 5000 пудов чугуна, или 80% довоенной выработки, с повышением на 160% против 1921 года; кирпичному заводу — 300 тыс. штук кирпича с превышением против 1921 года в 6 раз.[1]

[1] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 54, л. 3; ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1089; л. 25; д. 1052, лл. 26—27.
[2] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 1, д. 13, л. 29.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, д. 554/1, лл. 165—166.
[4] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54.
[5] Там же.
[6] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1326, л. 6.
[7] Архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп. 4, д. 133, л. 1—2.

Уездные комитеты партии приняли меры к укреплению промышленных предприятий руководящими кадрами, к изысканию некоторых средств для восстановления промышленности, в результате которых промышленные предприятия стали один за другим вступать в эксплуатацию, начался процесс хозяйственного возрождения и увеличения выпускаемой продукции.

Уже к 1922 году в Мордовии было отремонтировано и восстановлено 8 винокуренных заводов (из которых работало 4), маслобойный завод, махорочная фабрика в Саранске, Ширингушская суконная и Кондровская бумажная фабрики, Темниковский чугунолитейный завод и ряд других предприятий.

В 1921/22 хозяйственном году 4 действующих винокуренных завода выработали 5414 ведер спирта[2]. Ширингушская суконная фабрика выработала 125032 аршина серошинельного сукна, выполнив задание на 72%.[3] Саранский маслозавод выработал 59148 пудов продукции.[4] В Саранском, Инсарском, Краснослободском уездах из имеющихся в 1912 году 29 предприятий было восстановлено и пущено в ход в 1922 году 12 предприятий, которые за 1921/22 хозяйственный год выработали продукции на сумму 261,3 тыс. рублей[5].

Значительные восстановительные работы были проведены на железнодорожном транспорте, благодаря чему увеличился грузооборот. В 1922 году на станциях Саранск, Рузаевка, Инсар, Ковылкино и Булычево он возрос по сравнению со средними данными за 1908—1912 годы в 1,7 раза, причем в 1922 году ввоз грузов против этих же средних данных увеличился в 5 раз, а вывоз грузов сократился в 2 раза[6]. Грузооборот по станции Красный Узел увеличился в 2 раза, а по станции Ковылкино составил только 70% средних данных 1908—1912 годов[7].

Несмотря на некоторые успехи, промышленность Мордовии восстанавливалась медленнее, чем в целом по стране. Если в 1922 году производство промышленной продукции в Мордовии (по 3

[1] Архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840. оп, 4, д. 38, л. 27.
[2] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 578, лл. 4, 30—37.
[3] «Краткий очерк народного хозяйства Спасского уезда», Спасск, 1920, стр. 9 — 10.
[4] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 22, л. 2-а.
[5] Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области, Самара, 1925, стр. 269.
[6] Там же, стр. 283—285.
[7] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 123, д. 271, лл. 184—337.

указанным выше уездам) составило 12,5% уровня 1912 года, то по стране оно равнялось 25,5% против уровня 1913 года[1].

По отдельным отраслям промышленности показатели были еще ниже. Например, в 1913 году винокуренные заводы выработали 96,8 млн. литров спирта[2], а в 1921—22 годах — только 48,7 тыс. литров, что составило 0,05% довоенной выработки; число работающих винокуренных заводов сократилось в 7,5 раза, численность рабочих против 1913 г. уменьшилась в 10 раз[3].

На Саранском маслозаводе выработка продукции в 1921—22 году составила 13% к уровню 1913 года[4].

В восстановлении промышленности Мордовии имелись большие трудности. Главными из них были: большая разрушенность и изношенность предприятий и оборудования, острый недостаток топлива и особенно сельскохозяйственного сырья.

Из-за отсутствия сельскохозяйственного сырья 4 винокуренных завода, действовавших в 1921—22 году, работали всего лишь 22 дня, простояли же в среднем каждый по 278 дней, т. е. 92,1% всех годовых рабочих дней[5]. Из-за недостатков сырья (семени конопли и подсолнечника) Саранский маслозавод в 1922 году работал всего лишь 90 дней[6]. Многие предприятия простаивали из-за отсутствия топлива. Например, в 1922 году из-за недостатка топлива (обеспеченность топливом была на 45,3%) Ширингушская суконная фабрика выполнила план только на 72,3%[7].

Руководствуясь решениями XII съезда партии о «...радикальной *концентрации производства* на технически наилучше оборудованных и географически наилучше расположенных предприятиях...»[8], партийные и советские органы Мордовии сосредоточили основную часть финансов на хозяйственно более выгодных и крупных предприятиях, а предприятия более мелкие, менее выгодные, и требующие больших затрат на их восстановление, либо консервировались, либо ликвидировались совсем. Были ликвидированы Зубово-Полянский чугунолитейный завод, Рябкинский и Сивиньский железоделательные заводы, Темниковская фаянсовая фабрика, Жегаловский винокуренный завод, Саранский крахмало-паточный завод, Виндреевские лесозаводы № 36 и 37, табачная фабрика бывш. Покровского и много других промышленных заведений[9]. В 1923 году были законсервированы 8 винокуренных заводов (Тимирязевский, Юрьевский, Степановский и др.)[1]. Оборудование ликвидированных заводов было передано на оснащение других предприятий.

В результате принятых мер в 1923 году были восстановлены: Саранская махорочная фабрика бывш. Никитиных, Студенецкий, Уметский, Будский лесозаводы, Кочемировский винокуренный завод и др.[2]. Была восстановлена единственная в то время Саранская электростанция (построенная еще в 1914 году). Начали строиться и новые предприятия — Рузаевская и Ладская электростанции, Симкинский лесозавод[3].

В период напряженных усилий по восстановлению народного хозяйства нашу партию, советский народ, все прогрессивное человечество мира постигло глубочайшее горе — 21 января 1924 г. умер В. И. Ленин. В дни величайшей скорби, в ответ на призыв партии начался усиленный прилив в партию лучшей части трудящихся. Собравшийся после смерти В. И. Ленина XIII съезд партии (23 — 31 мая 1924 г.) нацелил партию и весь советский народ на дальнейшую борьбу по восстановлению народного хозяйства.

Выполняя решения съезда, трудящиеся Мордовии под руководством уездных партийных организаций усилили борьбу за восстановление сельского хозяйства и промышленности. В результате большого трудового героизма трудящиеся Мордовии добились в 1924/25 году пуска в эксплуатацию 22 предприятий (из 42), что составило 52,4% всех предприятий[4].

Первые значительные успехи в восстановлении народного хозяйства дали возможность улучшить материальное положение рабочего класса: был решен продовольственный вопрос, повысилась заработная плата, улучшились жилищные и другие бытовые условия. Многие рабочие, ушедшие в трудное время в деревню, возвращались на производство. Начался количественный и качественный рост рабочего класса. В 1924/25 году в цензовой промышленности Мордовии было занято 1066 рабочих, что составило 47,4% численности рабочих в 1913 году[5]. Благодаря усилению работы парторганизаций росло политическое сознание рабочих. Рабочий класс становился не только классом работающим, но и классом, управляющим страной. В росте политического самосознания рабочих, в укреплении трудовой дисциплины большая роль принадлежала профсоюзам. Рассматривая профсоюзы как школу коммунизма, партия всемерно укрепляла и поднимала их роль в деле воспитания трудящихся непосредственно на производстве.

Профсоюзы сыграли большую роль по вовлечению рабочих в активное обсуждение вопросов работы предприятий. Основной формой творческой активности рабочих в этот период были про-

---

[1] Данные по стране взяты из книги «Социалистическое строительство СССР», 1936, стр. 2 — 3.
[2] Архив Статуправления МАССР, папка 3, списки №№ 1, 2, 3, Статуправления РСФСР.
[3] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 578, лл. 30—37.
[4] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 22, л. 2-а.
[5] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 578, лл. 3, 30—37.
[6] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 122, л. 6.
[7] Краткий очерк народного хозяйства Спасского уезда, 1923, стр. 9—10.
[8] «КПСС в резолюциях и решениях»..., 1954, ч. 1, стр. 695.
[9] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54.

[1] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1, д. 1010, л. 85.
[2] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54.
[3] Там же, ф. 184, д. 10, лл. 1—48, ф. 37, д. 100, лл. 2—58.
[4] Там же, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54.
[5] Там же.

изводственные совещания. По примеру рабочих передовых предприятий страны производственные совещания на предприятиях и транспорте в Мордовии стали проводиться в 1924—25 и в последующие годы. В 1925 г. проводились производственные совещания на Кондровской бумажной фабрике, где рассматривались вопросы восстановления основных средств, ремонта фабрики и другие. Рассматривались хозяйственные вопросы на производственных совещаниях Темниковского чугунолитейного завода бывш. Пономарева, Ширингушской суконной фабрики и других предприятиях[1].

Вопросы деятельности предприятий рассматривались и на технических совещаниях. Так, на Кондровской бумажной фабрике за январь — август 1925 г. было проведено 10 технических совещаний.[2] В целях повышения производительности труда на предприятиях организовывались различные кружки производственного характера, проводились рабочие конференции. Это оказывало благотворное влияние на рост промышленного производства. Вся цензовая промышленность Мордовии в 1924/25 году выработала продукции на сумму 4425,0 тыс. руб., что по отношению к 1913 году составило 57,3%[3].

Дальнейшее восстановление промышленности и рост промышленного производства требовало увеличения капиталовложений. Подавляющее большинство предприятий Мордовии работало не с полной нагрузкой, а многие не работали вообще. В начале нэпа средств для промышленности выделялось недостаточно, причем эти средства шли главным образом на пополнение оборотных средств. Основные фонды промышленности не только не росли, но уменьшались. Выделяемые средства на капиталовложения не покрывали даже износа основных фондов.

Рассматривая вопрос о работе промышленности, бюро Пензенского губкома партии 9 июля 1925 года в своем решении указало, что главные «...трудности в работе промышленных предприятий объясняются недостатком средств для полной загрузки предприятий, крайней изношенностью оборудования и зданий, недостатком кредита»[4].. Бюро губкома потребовало «... принять меры к восстановлению основных средств, проводя это в плановом порядке, добиваясь отчисления от доходности предприятий определенного процента амортизации»[5].

В результате принятых мер по укреплению финансовой дисциплины, роста рентабельности предприятий начали создаваться внутрипромышленные накопления и накапливаться амортизаци-

[1] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1320, л. 2.
[2] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1320, лл. 286 — 288.
[3] Архив Статуправления МАССР. Дело. Социалистич. промышленность МАССР, машинопись, стр. 10—12 и ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53 — 54.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, д. 550/1, лл. 72—74.
[5] Там же, л. 78.

онные отчисления. Советское правительство оказало промышленным предприятиям помощь кредитами. Все это дало возможность в 1925/26 году вложить в промышленность Мордовии значительные средства. Во всю крупную промышленность Мордовии было вложено 343,8 тыс. рублей, причем основная часть этих капиталовложений направлена на реконструкцию и расширение предприятий, приобретение нового оборудования. На эти цели было израсходовано 66,3% всех капиталовложений[1]. Капиталовложения на реконструкцию и расширение были выделены 24 предприятиям, а на капитальный ремонт 15 предприятиям[2].

Кроме того, из местного бюджета были выделены средства на ремонт, дооборудование и новое строительство промышленных предприятий. Например, по Саранскому, Краснослободскому и Рузаевскому уездам было отпущено 155,2 тыс. рублей, в том числе на строительство Рузаевского и Саранского кирпичных заводов — по 23 тыс. рублей[3].

В результате этих капиталовложений в 1925 — 26 году процесс снижения («проедания») основных фондов прекратился. Если амортизация основных фондов в цензовой промышленности Мордовии в 1925/26 году составила 141,3 тыс. рублей, то капиталовложения в этом году в промышленность превысили размеры амортизации на 202,4 тыс. рублей[4]. Следовательно, с 1925—26 года в промышленности Мордовии начался процесс расширенного воспроизводства основных фондов. На 1 октября 1925 года основные производственные фонды (с учетом износа выбывшего имущества и капиталовложений в 1925/26 году) в промышленности Мордовии составили 4031,9 тыс. рублей[5].

В составе основных фондов несколько увеличилось и силовое хозяйство промышленных предприятий. В 1925/26 году мощность всех силовых установок в цензовой промышленности составила 2579 лошадиных сил, или повысилась против 1913 года на 34,9%, против 1924/25 года — на 111,5%[6].

В 1925/26 году число предприятий фабрично-заводской промышленности увеличилось до 33. Вступили в строй 2 лесозавода, 5 винокуренных заводов, табачная фабрика «Феникс» в Саранске[7] и другие предприятия. На 1 апреля 1926 года численность рабочих по сравнению с 1925 годом увеличилась на 18,6%, выработка на одного рабочего промышленной продукции против 1924/25 года составила 123,3%, а по отношению к 1913 году — 153,3%[8].

[1] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54.
[2] Там же.
[3] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1548, л. 944.
[4] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54.
[5] Там же.
[6] Там же; М. Бор. Развитие социалистической промышленности МАССР, 1940, стр. 5.
[7] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54.
[8] Там же и архив Статуправления МАССР. Дело Социалистическая промышленность МАССР, машинопись, стр. 10—12.

В 1925/26 году вся цензовая промышленность Мордовии выработала продукции на сумму 6481,3 тыс. рублей, (в ценах соответствующего года), что составило 84,1% к довоенному 1913 году[1]. Прирост промышленной продукции против 1924/25 года составил 46,4%.

О выработке продукции промышленности по отраслям свидетельствует следующая таблица[2].

(Стоимость продукции 1913г. в ценах 1926/27 года, стоимость продукции 1925/26 г. в ценах этого же года):

Отрасли промышленности	Валовая продукция (в тыс. руб.)		1925—26 гг. в % к 1913 году
	за 1913 г.	за 1925/26 г.	
Металлообрабатывающая	260,0	79,4	30,5
Деревообрабатывающая	405,0	1573,1	432,8
Торфяная	—	4,0	—
Электроэнергетическая	—	64,0	—
Суконная (текстильная)	845,0	1205,2	143,5
Полиграфическая	—	29,0	—
Кожевенная	—	119,4	—
Пищевкусовая	6136,0	3196,1	52,0
В т. ч. а) мукомольная	2956,0	1704,7	54,5
б) маслобойная	625,0	349,7	55,9
в) винокуренная	2215,0	669,8	30,2
г) махорочная	31,0	471,9	152,2
д) крахмалопаточная	309,0	—	—
Прочая	67,0	—	—
Итого	7713,0	6481,3[3]	84,1

Данные таблицы показывают, что отдельные отрасли промышленности и предприятия не только достигли довоенного уровня, но далеко его перешагнули. Однако, несмотря на эти успехи, промышленность Мордовии в 1925/26 г. в целом не достигла довоенного уровня производства, в то время как промышленность СССР в основном в 1926 году завершила свое восстановление.

Отставание темпов восстановления промышленности в Мордовии от общесоюзных темпов объясняется рядом причин. Главной

[1] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54 и архив Статуправления МАССР. Дело. Социалистическая промышленность МАССР, машинопись, стр. 10—12.

[2] Там же.

[3] По другим же материалам списка цензовых промышленных заведений Средне-Волжского края, 1931, стр. 110—127, валовая продукция за 1925/26 г. исчисляется в 6780,8 тыс. руб. (87,8%).

причиной этого отставания являлось то, что промышленность Мордовии в подавляющем большинстве занималась обработкой и переработкой сельскохозяйственных продуктов и сырья и поэтому во многом зависела от сельского хозяйства. Кроме того, промышленность восстанавливалась на старой энергетической базе, крайне изношенного и испорченного оборудования, давно уже перекрывшего свои нормальные сроки эксплуатации. Изношенность доходила до 75%. Так, изношенность зданий и сооружений Саранской типографии и кожевенного завода составляла 70%, Лаушинской мельницы —50%[1], Саранской махорочной фабрики —50% и оборудования —40%[2], Саранской мельницы изношенность помещения —15%, газогенератора —50%[3]. В исключительно изношенном состоянии было парокотловое и другое оборудование. На Ширингушской суконной фабрике котлы были изношены на 50%, на Саранском маслозаводе —50%. На Кондровской бумажной фабрике изношенность 2-х котлов равнялась 22% и одного котла—50%[4]. В Саранской типографии изношенность шрифтов была 60%, машин и станков — 30%.[5] Саранская электростанция в 1927 году имела 75% изношенного оборудования[6]. В таком же состоянии находились и другие предприятия.

Восстановление промышленности сдерживалось недостатком оборотных средств, что не давало возможности предприятиям планировать поступление сырья и топлива, а это создавало постоянную угрозу срыва работы. На предприятиях почти не было высококвалифицированных технических кадров. Из-за этого ремонт оборудования проводился медленно и неквалифицированно. Например, на Кондровской бумажной фабрике был всего один техник-практик, причем он же был и заведующим производством[7]. На предприятиях высока была себестоимость продукции, что приводило к убыточности, а это в свою очередь не давало возможности накапливать средства для улучшения производственной деятельности. Все это вместе взятое отрицательно влияло на работу предприятий, и многие из них не выполняли производственного плана. Партийные и советские организации приняли ряд мер к ликвидации указанных недостатков — мобилизовали коллективы промышленных предприятий на улучшение качественных показателей работы промышленности и выполнение производственных планов.

[1] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1326, л. 6.

[2] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д .52, л. 6 и ГАПО, ф 442, оп. 1, д. 1486; лл. 45, 85 и 151.

[3] Там же, д. 54, оп. 1, лл. 14 — 15.

[4] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1342, лл. 534—540.

[5] ЦГА МАССР, ф. 183, оп. 1, д. 54, л. 15.

[6] Там же, л. 16.

[7] ГАТО, ф. 727, оп. 1, д. 1324, лл. 42—43.

* * *

Успехи, достигнутые советским народом в упорной борьбе, укрепили экономическую и политическую мощь Советского государства, но они были недостаточны для коренного социалистического переустройства народного хозяйства страны. Необходимо было прежде всего развить тяжелую индустрию, ибо, как указывал В. И. Ленин,«... без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна»[1].

Разоблачив капитулянтские планы троцкистов и других врагов социализма, XIV съезд партии (декабрь 1925 г.) решительно взял курс на социалистическую индустриализацию страны.

В решениях XIV съезда, а затем XV партконференции (октябрь — ноябрь 1926 г.) большое внимание было уделено развитию промышленности в национальных районах. Партия дала установку в предельно короткие сроки закончить восстановление промышленности в национальных районах и приступить к строительству новых очагов промышленности.

Выполнение намеченной программы требовало от партии, рабочего класса и всего советского народа величайшего напряжения сил и средств для преодоления технических и экономических трудностей.

Определяя очередные задачи в области развития промышленности, XV партконференция указала: «Теперь народное хозяйство входит в новый период своего развития — период перестройки хозяйства на основе новой, более высокой техники»[2]. Процесс расширенного воспроизводства промышленности должен быть обеспечен, прежде всего, за счет вложения новых масс прибавочного продукта, создаваемого внутри самой промышленности. Конференция, исходя из преимуществ социалистической системы хозяйства, подробно разработала вопрос о конкретных источниках накопления.

В промышленности Мордовии обеспечение расширенного промышленного воспроизводства также требовало новых капиталовложений. К 1926 году резервы старого оборудования в основном были исчерпаны, предприятия стали давать низкие показатели своей производительности, удорожала себестоимость продукции, предприятия работали не на всю мощность. Так, в 1925/26 г. винокуренные заводы: Токмовский работал на 77% своей мощности, Софьинский и Наташинский—на 70%[3]. В 1926/27 году саранская электростанция простояла 69 дней, типография и кожевенный завод в Саранске не работали 304 рабочих дня[4].

Партийные, профсоюзные и комсомольские организации Мордовии призвали рабочий класс на решительное сокращение всякого рода потерь в производстве, совершенствованию производственных процессов, улучшению организации производства, ускорению оборачиваемости оборотных средств и т. д.

Среди рабочих была проведена большая разъяснительная работа по соблюдению режима экономии. Этот вопрос нельзя было решить без широкого участия масс. Наилучшей формой втягивания широких масс рабочих в дело практического строительства советского хозяйства, — указывается в решении XIV съезда партии,— «...являются производственные совещания при фабриках, заводах и других крупных предприятиях и хозяйствах».[1]

После XIV съезда партии значительно была поднята роль производственных совещаний, которые шире стали рассматривать вопросы рационализации производственных процессов, активнее включаться в борьбу за проведение режима экономии, укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда.

Большую роль в организации работы производственных совещаний и комиссий сыграли профсоюзы, они систематически обсуждали вопросы работы производственных совещаний. Например, 24 июля 1928 г. окружной съезд пищевиков рассмотрел вопрос работы производственных совещаний на Саранском маслозаводе, Ковылкинской мельнице и других предприятиях.[2]

Производственные совещания и заседания производственных комиссий проводились на предприятиях систематически. Они рассматривали вопросы деятельности фабрик и заводов. В 1928 году на Саранском маслозаводе было проведено 12 производственных совещаний, Саранской типографии — 9, махорочной фабрике — 4.[3] Производственные совещания систематически проводились на Кондровской бумажной, Ширингушской суконной фабриках и других предприятиях. На Ромодановском винокуренном заводе в 1927 году было проведено 9 производственных совещаний. На одном из них (11 января 1927 года) был заслушан доклад администрации завода. В решении совещания указывалось, что на заводе произведено усовершенствование производственных процессов, вместо 2-суточного брожения введено полуторасуточное, что позволило увеличить число заторов с 4 до 5, в результате чего был повышен выход спирта[4].

На одном из заседаний производственной комиссии на Саранском маслозаводе был рассмотрен вопрос о причинах, тормозящих повышение производительности труда, и были внесены предложения провести горячую воду по всему подогреваемому товару и заменить 16-дюймовые салфетки на 13-дюймовые и т .д. Проведение этих предложений в жизнь позволило увели-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 388.
[2] «КПСС в резолюциях и решениях»..., ч. II, 1954, стр. 294.
[3] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1456, л. 74.
[4] ЦГА МАССР, ф. 19, оп. 1, д. 221, л. 109.

[1] «КПСС в резолюциях и решениях»..., ч. II, 1954, стр. 219.
[2] ЦГА МАССР, ф. 115, оп. 1, д. 134, д. 120, 134.
[3] Там же, ф. р-184, оп. 1, д. 104, л. 99.
[4] Там же, ф. 115, оп. 1, д. 84 и ГАПО, ф. 2, оп. 1, д. 3906, лл. 27—36.

чить в 1928 году число прессований до 96 и выход масла до 27% против 50 прессований и 20% выхода масла в 1927 году[1].

В борьбе за улучшение работы промышленных предприятий и осуществление режима экономии большое значение имели создаваемые в 1927 году на предприятиях (по декрету правительства от 23 июня 1927 г.) бюро рационализации, которые и осуществляли руководство рационализаторской и изобретательской работой.

На Ширингушской суконной фабрике было внесено в 1927 году 24 рационализаторских предложения[2]. На основе этих предложений в 1928 году в аппаратном отделе были соединены 3 стригальные машины в одну систему, все они стали обслуживаться четырьмя рабочими вместо шести; была заменена холодная вода горячей в процессе валки сукон. Это ускорило их валку и уменьшило суконовальный слой. Был усовершенствован спуск воды в промывных машинах, что улучшило процесс полоскания и промывания сукон. Установлена самосушильная машина, которая облегчила условия труда и уменьшила штат рабочих на 5 человек. В ткацком отделе был сделан полный перевод ткачей на парные станки, за счет чего уменьшилась стоимость обработки по качеству одного метра сукна с 9 до 7 рублей 2 копеек. Благодаря внедрению этих и других усовершенствований производственных процессов и уплотнению рабочего дня на фабрике число рабочих уменьшилось с 459 до 417 человек при увеличении производственной программы; была получена в 1928 году экономия в сумме 3150 руб.[3]. Производительность труда возросла на 18,3%[4], а себестоимость выработки одного метра сукна снизилась на 4,3%[5].

Рационализаторство и изобретательство росло среди рабочих и на железнодорожном транспорте. Так, в 1928 году на ст. Рузаевка только по подкомиссии службы движения было зарегистрировано 18 коллективных изобретений. Наиболее ценные из них были применены по всей Московско-Казанской железной дороге как например, изобретение машиниста Харитонова в парораспределительном раздвижном золотнике, кране ступенчатого торможения, переконструированной песочнице и т. д.[6].

В результате внедрения в производство рационализаторских предложений предприятия улучшили свою работу и значительно повысили производительность труда. В промышленности стала образовываться прибыль. Например, с января по август 1925 года 2 лесозавода и паровая мельница в Ардатовском уезде дали

[1] Газета «Завод и пашня», 18 апреля 1928 г.
[2] ЦГА МАССР, ф. 186, оп. 1, д. 100, л. 112.
[3] Там же, ф. 185, оп. 1, д. 100, лл. 114—115.
[4] Мордовский округ Средне-Волжской области, стр. 26.
[5] Архив Мордовского ОК КПСС, ф. 326/7, д. 30, л. 123.
[6] Там же, ф. 328/7, оп. 1, д. 32, лл. 127, 128.

5000 рублей прибыли[1] В 1926/27 году промышленные предприятия Саранского уезда — две махорочные фабрики, кожевенный завод и мукомольные мельницы были объединены трестом и дали прибыли 6391 рубль.

В накоплении средств для развития промышленности большая роль принадлежала мобилизации сбережений населения через сберегательные кассы и государственные займы. Трудящиеся Мордовии, как и весь советский народ, ежегодно отдавали часть своих сбережений взаймы государству. Так, к 1 августа 1930 года трудящиеся Мордовии добровольно дали взаймы государству 3926715 рублей[3].

Все эти мероприятия дали возможность намного увеличить капиталовложения в промышленность. За 3 года (1925—1928 гг.) в цензовую промышленность Мордовии было вложено 1008.8 тыс. руб., в том числе: на реконструкцию и расширение старых предприятий было вложено 69,4%, а на капитальный и текущий ремонт —30,6%[4].

Промышленные предприятия постепенно расширяли свои производственные площади и мощности. Например, на Кондровской фабрике был построен новый элеватор, установлен соломоварочный котел, устроен транспортер и подъемник[5]. На Саранском маслозаводе было построено сушильное отделение, проведена дополнительная механизация производственных процессов, установлен чан, жаровня, увлажнитель, жмыходробилка, поточно-воздушная вентиляция, заменен паровой котел[6], установлено 3 дополнительных пресса, автоматическая формовка, механическая тяга маслосемян из амбаров в производство через очиститель, механизирован перенос жмыха на обрезалку за счет установления транспортёрной тяги[7]. В результате этого производительность труда в 1927/28 гг. против 1926/27 г. повысилась на 12,5%, себестоимость снизилась на 12,3%[8]. На ранее законсервированной махорочной фабрике установлен электромотор вместо паровой машины, дополнительно поставлено 4 набойных машины, что облегчило труд рабочих и повысило производительность труда на 8%[9]. На Саранской типографии были установлены новые кассы для буквенного набора, заменен старый шрифт, в

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, д. 640/2, л. 95.
[2] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1548, лл. 213—217.
[3] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 115, д. 182, л. 74.
[4] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54, д. лл. 1—49; Список цензовых промышленных заведений Средне-Волжского края, стр. 111—119, 125.
[5] ГАПО, ф. 2, оп. 1, д. 3906, л. 27—36, ф. 442, оп. 1, д. 1529, л. 367; д. 2611, лл. 4, 46, 85, 157.
[6] Там же.
[7] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 52, л. 6.
[8] Архив Мордовского ОК КПСС, ф. 326/7, д. 3-а, л. 128.
[9] ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 1529, л. 367, газета «Советская Мордовия за 26 июня 1958 г., статья И. Д. Воронина.

результате производительность труда была повышена на 25% сверх плана и снижена себестоимость на 7,5%[1]. Нужные усовершенствования были проведены и на других предприятиях.

С увеличением капиталовложений в 1927/28 г. увеличились и основные фонды промышленности до 5729 тыс. рублей против 4358 тыс. руб. в 1926/27 году (без износа)[2].

В период индустриализации страны в Мордовии было закончено строительство ряда новых промышленных предприятий, начатого в годы восстановления народного хозяйства страны: Рузаевская (Юрьевская) электростанция, Ладская гидроэлектростанция, которая строилась по плану ГОЭЛРО при огромной помощи инженеров и техников г. Москвы, Зубово-Полянский терпентинный завод, Ардатовская электростанция, Зубово-Полянский и Ичалковский лесозаводы, Саранский крахмальный завод и карамельно-пряничная фабрика. В 1928 году начато строительство завода «Дубитель», Саранского и Рузаевского кирпичных заводов[3].

Усовершенствование производственных процессов, творческая активность и трудовой героизм рабочего класса положительно сказались на повышении производительности труда. В 1927—28 году производительность труда рабочих в промышленности по отношению к 1924/25 году выросла на 26%, по отношению к 1925/26 году — на 6,2%, по отношению к 1926/27 году на 39,4%, а по отношению к 1913 году — на 52,9%[4]. Количественные и качественные улучшения работы промышленных предприятий, внедрение сдельщины на производстве создали необходимые условия для перехода предприятий на 7-часовой рабочий день. В соответствии с постановлениями ЦИК и СНК о постепенном переходе на 7-часовой рабочий день перевод промышленных предприятий в Мордовии на укороченный день начался с 1928 года. Так, в1928 году на 7-часовой рабочий день была переведена Саранская махорочная фабрика, в 1928 году — Саранский маслозавод, кожевенный завод, типография, в 1929 году— лесозавод, мельница и т. д.[5].

В результате большой организаторской работы партийных советских, профсоюзных и комсомольских организаций и трудовой активности рабочего класса и братской помощи народов СССР в Мордовии были достигнуты значительные успехи в развитии экономики и культуры.

1927/28 год для трудящихся Мордовии был годом замечательных успехов. Народное хозяйство не только достигло, но и

[1] ЦГА МАССР, ф. р-184, оп. 1, д. 104, л. 99.

[2] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54 и архив Статуправления МАССР. Дело Соцпромышленность МАССР, машинопись, стр. 13—15.

[3] ЦГА МАССР, ф. 661, оп. 1, д. 52, лл. 1—2, ф. 184, д. 10, л. 27.

[4] Архив Статуправления МАССР. Дело Соц. промышл. МАССР, машинопись, стр. 1—15.

[5] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 152, л. 26.

значительно превзошло довоенный уровень. Посевные площади в 1928 г. против 1913 г. увеличились на 11%, повысился удельный вес социалистических форм хозяйства. В 1927/28 году валовая продукция промышленности составила 8955,0 тыс. рублей, а вместе с лесной промышленностью — 18289 тыс. рублей. Это означало, что фабрично-заводская промышленность превысила уровень 1913 года на 16,1%, а вся крупная промышленность (вместе с лесной) превысила довоенный уровень на 38%[1], вооруженность рабочих силовыми установками увеличилась в 2,5 раза.

Данные о состоянии промышленности в 1927/28 г. по отраслям (валовая продукция в ценах 1926—27 гг.)[2].

Отрасли промышленности	Валовая продукция (в тыс. руб.)		1927/28 г. в % к 1913 г.
	1913 г.	1927/28 г.	
Электростанции	—	81.0	—
Торфяная	—	3.0	—
Лесохимическая	—	442.0	—
Деревообрабатывающая	405.0	1843.0	455.0
Текстильная (суконная)	845.0	2460.0	291.1
Металлообрабатывающая	260.0	271.0	104.0
Пищевкусовая	6136.0	3809.0	62.0
Полиграфическая	—	49.0	—
Прочие	67.0	—	—
Итого по фабрично-заводской	7713.0	8955.0	116.1
Лесоразработки и лесосплав	5460.0	9334.0	172.9

Из данной таблицы видно, что деревообрабатывающая и текстильная отрасли промышленности далеко превзошли довоенный уровень производства, в то же время ведущая в Мордовии пищевкусовая промышленность достигла только 62% довоенного уровня. Структура промышленности почти не изменилась, произошло некоторое увеличение или уменьшение удельного веса той или иной отрасли.

В народном хозяйстве Мордовии к 1928 году были созданы новые отрасли производства (правда, они еще были незначительно развиты), которых не было до революции: электроэнергетическая, лесохимическая и другие, удельный вес которых составлял 5% ко всей промышленной выработке продукции, но

[1] Народное хозяйство МАССР, Сборник статистических сведений, 1960, стр. 16.

[2] Таблица составлена по материалам архива Статуправления МАССР, Дело Социалистическая промышленность МАССР, машинопись, стр. 10—12. Валовая продукция промышленности (фабрично-заводской), по данным М. Бора (Развит. социал. пром. МАССР, 1940, стр. 16), составляет 8259,5 тыс. руб., по данным списка цензовых промышленных заведений Средне-Волжского края (стр. 116, 121, 127) она была исчислена в сумме 8367,6 тыс. руб.

зато по мощности силовых установок их удельный вес был равен 30%. Это показывает, что новые отрасли вооружались новой более мощной техникой. Все 5 электростанций в 1927/28 г. выработали электроэнергии 1260580 квт-ч[1].

Соотношение подразделений в промышленности Мордовии, по данным за 1927/28 год, было таково: производство средств производства составляло 23%, а производство предметом потребления — 77%[2].

Рост промышленности Мордовии, как и по всей стране, сопровождался ростом и развитием социалистического сектора и вытеснением капиталистического сектора, о чем свидетельствует следующая таблица[3].

Годы	Государственная		Кооперативная		Частная	
	Валовая продукц. в тыс. руб.	в %	Валовая продукц. в тыс. руб.	в %	Валовая продукц. в тыс. руб.	в %
1924—25	4000.6	88.2	84.2	2,1	334.7	9.7
1925—26	5859.0	90.0	449.7	6.9	172.6	3,1
1926—27	5934.3	91.3	567.6	8.7	—	—
1927—28	8382.6	93.7	572.4	6.3	—	—

Таким образом, частный капитал из промышленности был вытеснен уже в 1926 году. Это означало, что вопрос «Кто кого?» в промышленности был окончательно решен в пользу социализма.

Вместе с восстановлением и развитием промышленности в Мордовии происходил рост численности промышленного пролетариата. В 1928 году рабочих в фабрично-заводской промышленности было уже 1708 человек, а всего вместе с лесной промышленностью — 6920 человек. Однако рост рабочего класса шел медленно, так как сама промышленность была незначительной. В Мордовии не было ни одного предприятия, имеющего свыше 500 рабочих. Самым крупным предприятием была Ширингушская суконная фабрика, которая имела 421 рабочего и Кондровская бумажная фабрика — 165 рабочих, остальные предприятия имели менее 100 рабочих[4].

По данным госархива МАССР, в 1928 году в Мордовии было всего 19782 рабочих, в том числе: рабочих цензовой промышленности — 1588 человек; железнодорожных рабочих — 3094 человека, сельскохозяйственных и лесных рабочих — 14598 человек и рабочих мелкой промышленности — 504 человека[1]. Следовательно, удельный вес численности рабочих цензовой промышленности в 1928 г. составил 8% от всего числа рабочих, занятых на предприятиях Мордовии, а по отношению ко всем лицам наемного труда (без транспорта, связи, строительства и торговли) численность рабочих цензовой промышленности составляла всего 6,2%[2]. Более 46% всех рабочих цензовой промышленности были связаны с сельским хозяйством.

Среди рабочих цензовой промышленности совершенно незначительно было число рабочих из мордвы. Национальные кадры в промышленности только что начали создаваться. Удельный вес их в составе рабочих цензовой промышленности в 1928 году составлял всего лишь 2,3%[3].

Итак, в период индустриализации в Мордовии были сделаны первые шаги в социалистическом строительстве промышленности. Начали создаваться первые ее очаги. Значительное развитие социалистической промышленности Мордовии начинается только в годы предвоенных пятилеток.

В условиях слаборазвитой промышленности Мордовии большое значение приобретала местная кустарная промышленность. Партия и правительство уделяли большое внимание развитию кустарной промышленности, особенно «...в национальных республиках и окраинных областях Союза»[4].

В годы гражданской войны только что началась закладка социалистической промысловой кооперации. Была проделана большая работа по собиранию кустарей, их кооперированию и объединению в трудовые артели.

В период восстановления народного хозяйства и социалистической индустриализации перед кустарной промышленностью встали новые задачи. Необходимо было усилить работу по кооперированию кустарей-одиночек, повысить товарность производства кооперированной промышленности, провести накопление собственных средств, расширить и укрепить основные производственные фонды и т. д.

Рассматривая вопрос о работе кустарно-промысловой кооперации, бюро Пензенского губкома в своем решении от 24 июня 1924 года указало, что «основной работой кустпромсоюза в дальнейшем должно быть сосредоточение всей деятельности на действительном организационном руководстве по укреплению и развитию низовой сети кооперативных артелей и по мере укрепления представлять им полную хозяйственную самостоятельность»[5].

---

[1] Мордовский округ Средне-Волжской области, стр. 50.
[2] ЦГА МАССР, ф. 235, оп. 1, 42, л. 29.
[3] Архив Статуправления МАССР. Дело Социалист. пром. МАССР, машинопись, стр. 10—12, ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54, ф. 235, оп. 1, д. 33, лл. 31—32.
[4] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 76, лл. 53—54. Архив Статуправления МАССР. Дело Соц. пром. МАССР, машинопись, стр. 7—9.

[1] ЦГА МАССР, ф. 36, оп. 1, л. 51, ф. 235, д. 42, л. 36.
[2] Там же, ф. 318, оп. 1, д. 22, л. 140 и Мордовский округ, стр. 51.
[3] ЦГА МАССР, ф. 36, оп. 1, д. 51, л. 319, ф. 235, оп. 1, д. 42, л. 36.
[4] «КПСС в резолюциях и решениях»..., ч. II, 1954, стр. 156.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, д. 554/3, л. 63.

По данным за 1927/28 год, на территории Мордовии число лиц, занятых в кустарной промышленности, насчитывалось 26209 чел. На 1 декабря 1928 года было кооперировано 8,8% кустарей. Валовая продукция кустарной промышленности в 1926/27 году в суммарном выражении составляла 27117,8 тыс. рублей[1].

Выработка продукции кустарных промыслов и кооперативной системы за 1927/28 год показывается в следующей таблице[2].

(Продукция взята в ценах 1932 года в тыс. руб.).

Основные показатели	В абсолютных цифрах
1. Продукция всей кустарной промышленности	28320,0
в т. ч. продукция кооперативной системы	97,0
в % кооперативной системы к итогу	5,1
2. Число кооперативов на 1/X—1928 г.	45
3. Членов кооперативов	1685
4. Выработка на 1 артель (в тыс. рублях)	36,0
5. Выработка на члена артели (в руб.)	362,5

Социальный состав членов промысловой кооперации был следующий: бедняков — 52,9%, середняков — 37,2%, рабочих и служащих — 8,8%. Классово чуждый элемент — лишенцы — 1,24%, которые стремились подорвать основы кооперативного движения. С целью очищения кооперативов от классово враждебных элементов в 1929 году была проведена чистка кооперативного аппарата.

По национальному составу кустарей-мордвы насчитывалось до 6000 человек, татар — до 1000 человек. На 1 октября 1928 г. в мордовских селах было 7 артелей с общим количеством 358 членов[3].

* * *

Успехи, достигнутые трудящимися Мордовии при огромной помощи Коммунистической партии и Советского правительства, народов СССР и прежде всего великого русского народа, создали условия для развития хозяйства, культуры и национальной государственности. 16 июля 1928 г. в составе Средне-Волжского края был организован Мордовский округ.

Создание Мордовского округа было значительным достижением мордовского народа. Оно явилось ярким воплощением ленинской национальной политики. Образование округа создало ряд благоприятных условий для дальнейшего развития народного хозяйства и культуры мордовского народа.

[1] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 81, л. 53, д. 64, л. 75.
[2] ЦГА МАССР, ф. 184, оп. 1, д. 105, л. 33, д. 64, лл. 78—79.
[3] Там же.

Л. А. Куркина

К ИСТОРИИ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В МОРДОВИИ

Профсоюзное движение на территории Мордовии изучено чрезвычайно слабо. Краткие сведения о профсоюзах имеются в «Очерках истории Мордовской АССР», т. I, в книге М. В. Дорожкина «Установление Советской власти в Мордовии» и других.

В этой статье делается попытка осветить вопрос о профессиональных союзах Мордовии со дня их образования до окончания гражданской войны и иностранной интервенции. Трудность в исследовании данного вопроса состоит в том, что архивный материал, характеризующий возникновение и деятельность профсоюзных организаций Мордовии в тот период, очень скуден.

В конце XIX в. центр международного революционного движения из Западной Европы переместился в Россию. В России к этому времени назревала народная революция, во главе которой становился самый революционный в мире класс — пролетариат.

В период роста классовой борьбы в условиях империализма Россия становится родиной ленинизма, а В. И. Ленин — его творцом. Организацией «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» было положено начало созданию марксистской революционной партии в России, соединению научного социализма с рабочим движением.

В процессе классовой борьбы пролетариата в России стали возникать профессиональные союзы.

В. И. Ленин учил, что для победы социалистической революции нужно сплотить широкие массы трудящихся вокруг партии, разъяснять им цели и задачи революционной борьбы, организовывать их в единую мощную силу. Огромную роль в этом деле должны были сыграть профсоюзы. Ленинские положения о революционном содержании и классовой направленности профсоюзного движения были положены в основу решения II съезда РСДРП (июль 1903 г.) «О профессиональной борьбе». В этой резолюции указывалось, что «...задачей РСДРП в области проф-

союзного движения является руководство повседневной борьбой рабочих за улучшение условий труда и агитация за устранение всех тех препятствий, которые ставятся профессиональному движению законодательством русского самодержавия, словом — объединение частных столкновений отдельных групп рабочих в одну организованную борьбу класса»[1].

Решения II съезда партии имели огромное значение для дальнейшего развития рабочего движения в России и усиления руководящей роли партии в политической и экономической борьбе пролетариата.

Профсоюзы в России родились в огне революционных боев первой русской революции (1905—1907 гг.). Они возникли под руководством ленинской партии и начали свою деятельность с революционной борьбы на баррикадах против царского самодержавия.

Одним из первых в России был организован профессиональный союз рабочих типографии в Петербурге. В ходе январской забастовки (1905 г.) Стачечный комитет рабочих печатников выдвинул требование ввести в типографиях выработанный им тариф на все работы.

В апреле 1905 года в Москве на съезде представителей десяти железных дорог был создан Всероссийский профсоюз железнодорожников. В связи с тем, что съезд состоял в основном из чиновников, эсерам удалось захватить руководящие посты в профсоюзе и направить его на путь соглашения с капиталистами. Но рабочие-железнодорожники организовали в мае 1905 г. под руководством Московского комитета большевиков свой самостоятельный революционный профсоюз[2].

Важнейшим этапом в развитии профсоюзного движения по всей стране явилась Всероссийская всеобщая Октябрьская политическая стачка в 1905 году. В октябрьских боях 1905 г. рабочие промышленных городов страны поняли необходимость создания боевых профсоюзов, подготовленных для свержения царского самодержавия. Именно на эти условия указывал В. И. Ленин, когда говорил в октябре, что «теперь, вероятно, как раз начнут скоро возникать профессиональные союзы»[3].

Первые профсоюзные органы на территории Мордовии возникли в Рузаевке. Для организации профсоюзов на станции Рузаевка неоднократно приезжал член Центрального бюро союза железнодорожников А. В. Ухтомский.

Осенью 1905 года на станции Рузаевка были организованы профсоюзы железнодорожников и почтово-телеграфных работников. Во главе профсоюза железнодорожников был избран А. П. Байкузов, а во главе профсоюза почтово-телеграфных служащих А. И. Громов[1]. Профсоюзы на территории Мордовии, кроме станции Рузаевка, были организованы на станциях Торбеево, Арапово (Ковылкино), Тимирязево (Красный Узел). Эти профсоюзы железнодорожников сыграли важную роль в революционной борьбе трудящихся Мордовии.

[1] «КПСС в резолюциях», изд. 7, ч. 1, стр. 52.
[2] История профсоюзного движения в СССР, ч. 1, стр. 59.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 309.

С поражением революции 1905—1907 гг. царская реакция обрушилась на большевистские организации и руководимые ими рабочие профсоюзы. Большинство революционных профессиональных союзов было закрыто, а их руководители расстреляны, брошены в тюрьмы или сосланы в ссылку. Некоторые профессиональные союзы вынуждены были уйти в подполье. Остались легальными только те профессиональные союзы, которые в свою программу не включали политическую борьбу и были в стороне от разгоревшейся политической борьбы. Их существование было разрешено царским самодержавием согласно закону, изданному 4 марта 1906 г. под названием «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий».

Согласно этому закону не имели право объединяться в профессиональные союзы все те коллективы, которые приняли деятельное участие в первой русской революции.

«Временные правила» запрещали как объединение профсоюзов в масштабе города, губернии и всей страны, так и открытие крупными союзами своих отделений. «Соединение обществ рабочих в союзы»,— говорилось в объяснительной записке к закону,— может представить серьезную опасность для общественного спокойствия и порядка»[2]. Таким образом, разрешалось существование только отдельных, не связанных между собой местных профессиональных организаций.

На территории Мордовии легального характера профессиональный союз торговых служащих возник в 1907 г. в г. Саранске. Деятельность этого союза заключалась в том, чтобы подыскивать работу для тех своих членов, которые были безработными, давать рекомендации отъезжающим «на сторону» членам союза, оказывать материальную помощь нетрудоспособным и сиротам. Несмотря на то, что в программу этого союза не входила политическая борьба, местные власти установили надзор за союзом, посылали на общие собрания союза полицейских, производили обыски в библиотеке профсоюза, стремясь обнаружить нелегальную литературу и т. д. Устав союза утверждался пензенским губернатором.

Партийное руководство этим союзом в то время было недостаточным. Но члены союза были знакомы с программой РСДРП

[1] И. И. Фирстов, Мордовия в годы первой русской революции, Саранск, 1955, стр. 145.
[2] История профсоюзного движения в СССР, т. 1, стр. 76.

и рядом прокламаций и листовок, изданных большевистскими организациями Москвы, Нижнего Новгорода, Самары и других городов в годы первой русской революции. В нашем распоряжении имеются данные о том, что на одном из собраний союза врач Котлова разъясняла программу Российской социал-демократической рабочей партии[1].

В годы свирепой царской реакции, начавшейся с особой силой после поражения революции 1905—1907 гг., на территории Мордовии, как и по всей стране, не прекращалась борьба рабочих и крестьян против царизма, помещиков и капиталистов. Эта борьба с особой силой развернулась после 1910 и особенно 1912 года, когда царизм зверски расстрелял ленских рабочих, жестоко эксплуатируемых золотопромышленниками.

В деле революционизирования трудящихся масс и поднятия их политической сознательности огромную роль сыграла большевистская газета «Правда», которая стала издаваться с 22 апреля (5 мая) 1912 года. Большевистская газета «Правда» умножила и укрепила связи партии с рабочим классом.

В труднейших условиях империалистической войны профсоюзы, руководимые большевистской партией, последовательно и настойчиво сплачивали массы рабочих и солдат на борьбу против империалистической войны, готовили их к предстоящей революции. Под руководством ЦК партии они поднялись на штурм царизма в 1917 г. В феврале 1917 г. в России победила буржуазно-демократическая революция. Она разрешила ближайшую задачу партии — свергла царизм и установила буржуазно-демократические свободы. В стране создались реальные условия для осуществления социалистической революции, призванной уничтожить капиталистический строй и установить диктатуру пролетариата.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции создала благоприятные условия для организации профессиональных союзов. По инициативе большевистских партийных организаций и агитаторов повсюду стали создаваться профессиональные союзы.

Важным фактором в деле организации профсоюзов в стране, в том числе и в Мордовии, явилось обращение Петроградского комитета партии к рабочим всей страны, опубликованное 20 марта 1917 г. в газете «Правда» с призывом о создании явочным порядком профсоюзов. В обращении говорилось: «Во всех концах России, где только есть рабочие, необходимо приступить к организации профсоюзов. Более сознательные товарищи рабочие должны брать в этом деле почин и помогать своим отсталым товарищам организованно примкнуть к сплочению международной рабочей семьи»[2].

[1] Центральный государственный архив МАССР (впредь ЦГА МАССР), ф. 162, оп. 1, д. 43, л. 79.

[2] История профсоюзного движения. Профиздат, 1954, стр. 166.

Повсюду появились инициативные группы и комиссии, которые восстанавливали старые и создавали новые профессиональные союзы. В конце марта 1917 года рузаевские железнодорожники приступили к созданию профессиональных комитетов, объединяющих группы мастеровых, рабочих служб тяги и пути, конторщиков, технических агентов во главе с руководящим местным центром — районным комитетом[1].

В апреле 1917 года в Саранске были организованы профессиональные союзы печатников, рабочих маслобойного завода Овечкина, рабочих табачной фабрики Никитина[2]. В начале мая того же года возникли два профессиональных союза в Темниковском уезде — на Кондровской бумажной фабрике и союз металлистов г. Темникова[3].

Под влиянием большевистских партийных и профсоюзных организаций крупных промышленных центров страны профсоюзы Мордовии вместе с рабочими Саранска и других городов повели борьбу за установление 8-часового рабочего дня, введение рабочего страхования и установление твердого минимума зарплаты.

5 мая 1917 года Саранский Совет профессионального союза торговопромышленных предприятий принял постановление, в котором говорилось, что с 15 мая 1917 года в торгово-промышленных заведениях города устанавливается 8-часовой рабочий день, что хозяин предприятия при увольнении должен предупредить работающего за месяц; каждый работающий, проработавший год, может воспользоваться месячным отпуском; запрещалось хозяевам предприятий привлекать к работе малолетних. Это постановление было поддержано рабочими и служащими всех предприятий и организаций. В начале июня 1917 года по всей Мордовии был введен 8-часовой рабочий день[4].

Важным этапом в развитии профессионального движения в стране явилось создание в июне 1917 г. Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов — ВЦСПС. Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов под руководством большевистской партии стал сплачивать силы трудящихся масс для борьбы с Временным правительством, так как Временное правительство не дало народам России ни мира, ни земли, ни свободы.

После зверского расстрела мирной демонстрации рабочих Петрограда 3 июля в стране начался открытый разгул контрреволюции. Большевистская партия, вынужденная в связи с этим перейти на полулегальное положение, начала готовиться к воору-

[1] «Завод и пашня», № 100, 5 ноября, 1927 г.

[2] ЦГА МАССР, ф. 162, оп. 1, д. 43, л. 79.

[3] Блокнот агитатора № 8 за 1957 г. Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС.

[4] Дорожкин М. В., Мордовия от февраля к октябрю 1917 г., «Записки» № 13, Мордовского НИИЯЛИЭ, г. Саранск, 1951, стр. 27.

женному восстанию, чтобы свергнуть власть капиталистов и помещиков и установить Советскую власть.

В условиях контрреволюционного террора и диких преследований большевиков в Петрограде 26 июля—3 августа полулегально проходил исторический VI съезд Коммунистической партии. Съезд нацелил партию на осуществление социалистической революции путем вооруженного восстания. VI съезд РСДРП принял две резолюции о профессиональных союзах: «Задачи профессионального движения» и «Партия и профессиональные союзы».

Профессиональные союзы, говорилось в резолюции съезда, должны во всех выступлениях руководствоваться принципами последовательной классовой борьбы, отстаивать общие интересы рабочего класса, отвергая попытки сузить профессиональное движение и подчинить его интересам войны и господствующих классов.

Съезд указал, что профсоюзы, как боевые организации рабочего класса, кровно заинтересованы в доведении революции до победного конца. Они в тесном контакте с партией пролетариата организуют экономический и политический отпор контрреволюции. Съезд подчеркнул, что серьезные задачи, стоящие перед рабочим классом России, могут быть выполнены лишь в том случае, если профсоюзы будут оставаться боевыми организациями рабочего класса, признающими политическое руководство партии большевиков.

Съезд указал на то, чтобы всемерно содействовать мобилизации и сплочению рабочего класса в профессиональные союзы, отстаивать принцип взаимного представительства профессиональных союзов и партий.

Трудящиеся массы горячо приветствовали VI съезд партии. Петроградский совет профсоюзов заявил, что профессиональные союзы Петрограда будут всегда надежной опорой революционной партии в борьбе за полное политическое и экономическое освобождение рабочего класса. В резолюции шеститысячного митинга рабочих Путиловского завода говорилось: «Мы, как один, все становимся под знамя партии пролетариата (большевиков) для борьбы с контрреволюцией и изменнической политикой руководящих верхов и вождей оборонческих партий (социал-революционеров и меньшевиков) и все присоединяем свой пролетарский голос к резолюциям съезда»[1].

Под руководством Коммунистической партии профсоюзы приняли активное участие в борьбе за свержение буржуазного Временного правительства, за установление власти Советов.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила роль и задачи профсоюзов. Профессиональные союзы из органов борьбы с капиталистами стали приводными

[1] История профсоюзного движения в СССР, ч. II, стр. 26.

ми ремнями партии в массах. Они призваны были разрешать производственные, материально-бытовые и культурно-просветительные вопросы рабочих и служащих. Теперь профессиональные союзы должны воспитывать миллионы трудящихся, учить их управлять государством и производством, строить новую жизнь. Профсоюзы призваны помогать партии в решении всех задач политического, экономического и культурного строительства Советского государства. В. И. Ленин писал: «Профсоюзы должны быть ближайшим и непременным сотрудником госвласти, которою руководит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный авангард рабочего класса — компартия»[1].

После Великой Октябрьской социалистической революции под руководством местных партийных организаций в Мордовии стали возникать профессиональные союзы. Для организации профессиональных союзов образовались уездные Советы профсоюзов. В августе 1918 года в Саранском уезде был создан уездный Совет профессиональных союзов. На первом же заседании 23 августа Совет профсоюзов поставил перед собой задачу организовать во всех коллективах рабочих и служащих профессиональные союзы. Благодаря усилению организаторской и массово-разъяснительной работы партийных организаций среди рабочих и служащих предприятий, государственных, учебных и лечебных учреждений к концу августа 1918 г. в Саранском уезде было создано 18 профсоюзных организаций.

В Рузаевке был организован союз служащих советских учреждений и районный железнодорожный комитет[2]. Для организации профсоюзных секций в Рузаевке было образовано Бюро, в состав которого вошли: Шмелев — от токарей, Москвитин — от кузнецов, Кожевников — от слесарей, Долгов — от вагонников, Базанов — от котельщиков, Ористов — от машинистов, Бондаренко — от службы пути, Сторкин — от кондукторов, Мокроусов — от маляров[3].

Важным фактором в деле организации и налаживания работы профессиональных организаций железнодорожных рабочих и служащих явился Чрезвычайный съезд железнодорожников, который был созван 5 января 1918 г. На съезде В. И. Ленин выступил с докладом о работе Совета Народных Комиссаров. Он призвал железнодорожников к объединению и поддержке Советской власти. Съезд признал все декреты Советского правительства, разработал новый тариф заработной платы железнодорожных рабочих и служащих, принял «положение» об управлении железными дорогами и избрал центральный орган железнодорожного союза — Викжедор (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников), большинство которого состояло

[1] В. И. Ленин, Изд. 4, т. 33, стр. 164.
[2] Государственный архив Пензенской области, ф. 2, оп. 1, д. 60, л. 2.
[3] Архив Мордовского обкома КПСС, ф. 27, оп. 1, св. 2, л. 13.

из коммунистов[1]. Он сыграл важную роль в борьбе за переход железных дорог в руки пролетариата. На этом же съезде был решен вопрос о создании единого профсоюза железнодорожников и уже с осени 1918 года по участкам железных дорог началось слияние секции мастеровых и рабочих службы тяги.

17 февраля 1919 года в Рузаевке состоялся съезд делегатов от всех профессиональных организаций узла. На этом съезде был создан единый профсоюз всех служб. Для организации всей работы профсоюза был избран Участковый комитет станции и депо (Учпрофсож). Председателем Учпрофсожа был избран Горинов Николай Михайлович, а секретарем — Лабиринтов Алексей Михайлович[2].

Профессиональное движение в Мордовии все более расширялось. В феврале 1918 года в Краснослободском уезде работало 12 профсоюзных организаций. В Ардатовском уезде к этому времени насчитывалось 9 профорганизаций. Кроме того, в Ардатовском уезде были отделения союза служащих в Киржемановской и Талызинской волостях, союз металлистов на железнодорожной станции Чамзинка.

Усиливалось партийное руководство профсоюзами. Для улучшения работы профессиональных союзов партийные организации проводили общие собрания членов союза с докладами о целях и задачах профессиональных союзов, осуществляли политическое воспитание членов профсоюза.

С 1918 года Саранский УКРКП(б) начинает принимать более энергичные меры по улучшению работы профессиональных союзов. Им при всех профсоюзах были созданы фракции коммунистов.

В январе 1919 года в г. Саранске образовался производственный союз работников просвещения. В апреле 1919 года в г. Саранске был созван съезд просвещенцев, на котором произошел раскол учителей на сторонников нового союза учителей-интернационалистов, объединяющих передовую часть учительства, активно борющихся за революционную перестройку школьного образования и сторонников прежнего ВУС, стоявшего на антисоветской платформе, всячески препятствовавшего проведению мероприятий Советской власти в области народного образования.

Большинство учителей поддержало сторонников нового союза учителей-интернационалистов и уже к июлю 1919 г. число членов этого союза дошло до 789[3].

Особенно острой была борьба против сторонников Всероссийского съезда учителей (ВУС) на I Темниковском уездном

[1] В результате продолжительной борьбы под руководством большевиков из профсоюзного руководства были изгнаны работники Викжеля выступавшие против Советской власти.

[2] «Завод и пашня», 1927, № 100.

[3] Там же, № 86, 1924.

съезде работников просвещения, где подвергли резкой критике действия Всероссийского учительского союза.

На территории Мордовии развернулась острая борьба трудящихся масс под руководством партийных организаций против эсеро-меньшевистского влияния в организациях ВУСа, за привлечение учительства к проведению политики Советской власти в области народного образования и в проведении политико-воспитательной работы. В результате острой борьбы в Мордовии были распущены местные организации антисоветского ВУСа и созданы новые союзы учителей-интернационалистов.

Некоторая часть профсоюзов в Мордовии, возникшая вскоре после Февральской буржуазно-демократической революции, находилась под влиянием меньшевиков и эсеров. Но с течением времени, благодаря усилению работы большевистских партийных организаций, влияние меньшевиков и эсеров в профсоюзах все более слабело.

После Великой Октябрьской социалистической революции ранее существовавшие и вновь созданные профессиональные союзы Мордовии стали большевистскими. Под руководством партийной организации они стали играть важную роль в общественной жизни, являясь школой управления, школой хозяйничанья, школой коммунизма для широких масс рабочего класса. Профессиональные организации, как представители рабочих коллективов, приняли деятельное участие в установлении рабочего контроля над производством и распределением, в национализации предприятий и частновладельческих земель.

* * *

В годы гражданской войны профессиональные союзы, руководимые большевистской партией, приняли активное участие в разгроме интервенции и контрреволюции.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала бешеную тревогу среди империалистов Европы и Америки. Они опасались, что рабочие и солдаты Запада по примеру русских могут подняться против своих угнетателей. Кроме того, монополисты не хотели потерять миллиарды рублей, данные взаймы царизму и Временному правительству, не хотели расстаться с огромными прибылями в России, где владели шахтами, заводами, рудниками.

К разбойничьему военному походу против Советской власти американские, английские и французские империалисты готовились с первых дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Весной 1918 г. Антанта в союзе с внутренней контрреволюцией начала готовить военную интервенцию. Она в первую очередь использовала чехословацкий корпус, банды Деникина и других. Над молодой Советской республикой нависла смертельная опасность.

Коммунистическая партия подняла народ на священную войну против иностранных интервентов и белогвардейцев. Центральный Комитет, руководимый В. И. Лениным, решая важнейшие вопросы ведения войны, определял стратегические планы, принимал меры по обеспечению боевых операций, по созданию и использованию резервов, мобилизации и распределению материальных ресурсов.

В январе 1918 года состоялся I Всероссийский съезд профессиональных союзов. Съезд указал, что центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную, т. к. рабочий класс стал правящим классом в стране, и профсоюзы, как массовые организации рабочего класса, не могли оставаться в стороне от великой созидательной работы по социалистической перестройке народного хозяйства. Начавшаяся военная интервенция и гражданская война поставили перед профсоюзами новые задачи, и они оказали большую помощь в борьбе с интервентами. Они помогали формировать Красную Армию, вели широкую политико-воспитательную работу среди трудящихся масс.

Например, в начале мятежа белочехов в городе Пензе печатники на свой риск выпускали «Бюллетень Пензенского Союза рабочих печатного дела». В одном из них говорилось: «Трагические события в Пензе оставили временно население города без газет. Желая заполнить этот пробел, Пензенский союз рабочих печатного дела приступает к выпуску своего бюллетеня. Становясь на работу, мы приглашаем и других последовать нашему примеру. В то же время мы предлагаем товарищам зорко следить за всеми контрреволюционными выступлениями. Мы должны, товарищи, помнить, что контрреволюционеры не дремлют и, пользуясь настоящим моментом, могут сделать попытки мобилизации своих темных сил. Итак, товарищи, будьте бдительны! Не допускайте, чтоб бессовестная агитация захватила бессознательные элементы города! Будьте на страже революции!»[1].

В Мордовии стали создаваться отряды по борьбе с чехословацкими мятежниками. 28 мая Рузаевский уездный комитет партии и уездный Совет депутатов организовали отряд из добровольцев рабочих и крестьян во главе с коммунистами, который был отправлен в Пензу. В этот же день на внеочередном заседании Саранского усовдепа было принято решение о создании вооруженного отряда для защиты Пензы. В формировании отрядов деятельное участие принимали профсоюзные организации.

---

[1] Никитин, Рабочее и профессиональное движение в Пензенской губернии, 1927, стр. 84.

В конце января 1919 г. в Москве проходил II Всероссийский съезд профсоюзов. Съезд обсудил важнейшие вопросы профсоюзного движения и определил задачи советских профсоюзов в условиях напряженной борьбы народов Советского государства против интервентов и белогвардейцев. В основу решений съезда был положен доклад В. И. Ленина о задачах профессиональных союзов.

Большое внимание на съезде было уделено роли профсоюзов в решении продовольственного вопроса, организации социального обеспечения и охраны труда.

II съезд профсоюзов одобрил производственный принцип построения советских профсоюзов, согласно которому все рабочие и служащие на одном предприятии входят в один профсоюз. Осуществление этого принципа способствовало превращению советских профсоюзов в мощные массовые организации рабочего класса, способные успешно решать задачи социалистического строительства и коммунистического воспитания масс.

II Всероссийский съезд профессиональных союзов разоблачил контрреволюционную, меньшевистскую теорию «независимости» профсоюзов, изгнал из руководящих профсоюзных органов меньшевистско-эсеровские элементы. Он принял ленинскую программу революционного профсоюзного движения и определил ближайшие задачи профсоюзов.

После II Всероссийского съезда профсоюзов по всей стране проходили губернские съезды профсоюзов. В 1919 году в Пензе состоялся II губернский съезд профсоюзов. Съезд закончил свою работу под лозунгом: «Все для фронта».

Положение советской республики ухудшилось в связи с началом первого похода Антанты весной 1919 г. С наступлением Колчака на Восточном фронте создалось угрожающее положение. Центральный Комитет партии обратился с призывом ко всем трудящимся страны принять активное участие в борьбе с Колчаком.

Профессиональные союзы, комсомольские организации под руководством Коммунистической партии приняли активное участие в создании Красной Армии, в вооружении ее, в снабжении продуктами питания и обмундировании. В основу работы профсоюзов по борьбе с контрреволюцией и интервенцией легли составленные Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». В тезисах давалась оценка военно-политического положения республики и подчеркивалось решающее значение Восточного фронта. ЦК призвал всех трудящихся на разгром врага. На Восточный фронт было направлено более 20 тысяч коммунистов. Комсомол объявил всероссийскую мобилизацию своих членов и отправил на фронт более 3 тысяч комсомольцев. Профсоюзы мобилизовали более 60 тысяч своих членов.

11 апреля 1919 г. на пленуме Всероссийского Центрального

Совета Профессиональных Союзов с участием представителей от всех профсоюзов выступил В. И. Ленин. Его «Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт» явился боевой программой деятельности советских профсоюзов в борьбе против интервентов и внутренних контрреволюционных сил.

В ответ на призыв В. И. Ленина и тезисов ЦК Коммунистической партии трудящиеся массы нашей страны под руководством Коммунистической партии приступили к практическому проведению в жизнь мероприятий, намеченных ЦК РКП(б) и Советским правительством по борьбе с Колчаком.

Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов 30 апреля 1919 года постановил провести десятипроцентную мобилизацию членов профсоюзов на фронт.

На основе призывов ЦК РКП(б) и ВЦСПС 30 апреля 1919 г. в г. Саранске была проведена профсоюзная конференция с повесткой дня: «Мобилизация организованных рабочих против Колчака». Выступившие Бусыгин и другие в своих речах призывали рабочих работать не по 8 часов, а по 10—12 часов, чтобы заменить ушедших на фронт работников и не допустить усиления хозяйственной разрухи. Конференция принимает резолюцию о беспощадной борьбе с Колчаком и мобилизации 10% своих членов. С этой целью была избрана мобилизационная комиссия из 5 человек[1].

24 мая 1919 г. на заседании президиума Темниковского укома РКП(б) и мобилизационного бюро о 10% мобилизации членов профессионального союза было принято постановление: приступить совместно с уездным Советом профессиональных союзов к мобилизации 10% членов союза, для чего уездному Совету профессиональных союзов немедленно представить списки всех профессиональных союзов[2].

Уездные комитеты партии и руководимые ими мобилизационные комиссии провели большую работу по мобилизации на фронт членов профсоюза. Например, только по Саранскому уезду в результате 10% мобилизации членов профсоюзов в апреле-июне было мобилизовано 147 членов профсоюза[3], а профсоюзы Симбирской губернии мобилизовали 50 процентов своего состава. Профессиональные союзы Ардатовского уезда 50% мобилизацию своих членов провели 25—28 апреля 1919 г. Согласно решению за мобилизованными членами союза сохранялась работа. Профессиональные организации должны были беспокоиться о семьях мобилизованных, оказывать им материальную помощь, «если же семейства мобилизованных жили

[1] «Саранская правда», 1919, № 39.
[2] Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций в Мордовии, Саранск, 1960, стр. 150.
[3] ЦГА МАССР, ф. 162, оп. 1, д. 43, л. 80.

на квартире и вносили квартирную плату, то таковая отменялась»[1].

В трудных условиях десятипроцентная мобилизация членов профсоюза проходила в Инсарском уезде, где большинство работников уездного профсоюзного бюро находилось под известным влиянием эсеров. Так, 18 апреля 1919 года на общем собрании членов профсоюзов г. Инсара было принято постановление о проведении мобилизации, а 20 мая на общем профсоюзном собрании было решено отменить мобилизацию. Чтобы сорвать мобилизацию членов профсоюза на фронт, Инсарское уездное профессиональное бюро постановлением от 22 мая 1919 года распустило все профессиональные союзы уезда. Пензенский губернский Совет профессиональных союзов немедленно распустил Инсарское уездное бюро и провел выборы нового состава бюро, куда вошли коммунисты. Деятельность профессиональных союзов Инсарского уезда была быстро восстановлена. Уже 5 июня 1919 года общее собрание членов профсоюза постановило: «Мобилизовать на борьбу с Колчаком 20% служащих отдельно по учреждениям»[2].

Декретом Совета Рабоче-Крестьянской обороны 13 июня 1919 года была объявлена государственная мобилизация членов профсоюзов в возрасте от восемнадцати до сорока лет, занятых в торговле, промышленности и на транспорте. Для проведения этой мобилизации при Всероссийском Центральном Совете Профессиональных Союзов была создана центральная комиссия из представителей ВЦСПС, ВСНХ и Реввоенсовета республики. Её органами на местах являлись губернские и уездные комиссии, которые создавались при губернских советах профессиональных союзов и уездных бюро.

В годы гражданской войны профсоюзы сыграли огромную роль в мобилизации резервов народного хозяйства на нужды фронта. Они принимали самое активное участие в проведении субботников, «недель», посвященных помощи фронту, раненым и больным красноармейцам и др.

Инициаторами и участниками первого субботника были московские рабочие, члены ячейки РКП(б) депо Москва — Сортировочная Казанской железной дороги. Этот вдохновенный образец работы по-коммунистически столичных железнодорожников нашел последователей среди всех рабочих железнодорожного узла. Коммунисты Казанского железнодорожного подрайона на общем собрании 7 мая 1919 г., обсудив благородный почин своих товарищей, решили: «Коммунистическую субботу провести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком».

Первый коммунистический субботник в Мордовии был проведен коммунистами станции Рузаевка 27 мая 1919 года. В

[1] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 596.
[2] Там же, ф. 84, оп. 1, д. 2, л. 5.

этот день участники субботника работали сверхурочно с 4 до 10 часов вечера и заработанные деньги внесли в фонд помощи материально нуждающимся. 13 сентября на субботнике в г. Ардатове работало 62 человека. Участники субботника произвели уборку двора военной казармы, распилили и раскололи 43 кубометра дров. Во время воскресника 30 ноября 260 рабочих станции Рузаевка погрузили на станциях Инсар и Хованщина и разъезде Пайгарм 48 вагонов дров. Члены профсоюза швейников г. Саранска часто проводили «недели помощи фронту». Так, заказ Политотдела армии на пошивку белья в количестве 1000 комплектов[1] они выполнили бесплатно в счет «недели помощи фронту».

Профессиональные союзы постоянно оказывали материальную помощь семьям красноармейцев, помогали им убирать урожай, снабжали семьи мобилизованных дровами, ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь. Так, Ардатовское уездное бюро профсоюзов сообщало, что во всех селениях проводились воскресники и субботники по обмолоту урожая и подвозке дров семьям красноармейцев, вдовам и сиротам[2].

Героический труд рабочих в тылу дал возможность обеспечить Красную Армию всем необходимым и к лету 1919 г. нанести Колчаку серьезное поражение. Поражение Колчака не остановило империалистов от продолжения интервенции. Со второй половины 1919 г. интервенты и белогвардейцы перенесли центр тяжести борьбы против Советской России на юг: главный удар теперь должна была нанести армия Деникина.

Центральный Комитет обратился к партии, ко всей стране с написанным В. И. Лениным письмом «Все на борьбу с Деникиным!» В письме была дана конкретная программа мобилизации всех сил народа на разгром врага. Все партийные, профсоюзные организации и комсомол откликнулись на призыв Центрального Комитета партии.

25 августа 1919 года в Пензе на общегородской конференции профсоюзов был заслушан доклад о текущем моменте. Докладчик указал, что «Острый период гражданской войны требует от всех рабочих и крестьян усиленного напряжения всех своих сил и энергии. Вся работа тыла должна быть направлена исключительно на то, чтобы обеспечить фронт всем необходимым... мы должны сократить свои потребности». Призывая товарищей рабочих записываться в рабочий полк, докладчик указал на пример Пензенской организации Коммунистической партии, которая уже около недели находилась под ружьем.

В своем воззвании Пензенский губпрофсовет призвал всех членов профсоюза по примеру коммунистов записываться в рабочий полк. В воззвании говорилось: «Товарищи рабочие! Опасные минуты переживает в настоящее время Советская Россия. Войска генерала Деникина прорвали фронт и вторгнулись в Тамбовскую губернию. Непосредственная опасность стала перед рабочими массами Пензенской губернии. Казачьи банды генерала Деникина несут рабочему гибель всех завоеваний революции... В этот тревожный момент ни один честно мыслящий рабочий не может отгородиться своим нейтралитетом, своим безучастным отношением к революции...»[1].

Партийные и профсоюзные организации Мордовии мобилизовали трудящиеся массы на борьбу с разбойничьими полчищами Деникина, формировали рабочий полк, проводили митинги на предприятиях и заводах. Митинги отражали стремление рабочих и служащих разгромить интервентов и белогвардейцев и начать мирное строительство.

Рабочие саранских технических мастерских приняли на митинге следующую резолюцию: «Мы, рабочие центральных мастерских усовнархоза, заслушав доклад представителей Коммунистической партии, заявляем, что без победы над буржуазией невозможно строительство социалистического строя, а потому мы обязуемся оказать всестороннюю поддержку Советской власти. Зная, что только одна Коммунистическая партия может рабочим и крестьянам дать то, что им нужно для жизни и завоевать равенство и братство, мы высказываемся за то, чтобы войти в эту партию и помочь ей скорее уничтожить мировую контрреволюцию, улучшить положение рабочих и крестьян. Да здравствует беспощадная борьба с помещиками, капиталистами и контрреволюционерами, несущими рабочим и крестьянам смерть и рабство!»[2].

К этому времени профессиональные союзы Мордовии объединяли большое количество рабочих и служащих. Так, в Рузаевском уезде насчитывалось 5041 член профсоюза, в Саранске —3060, в г. Инсаре —500. Многие из членов профсоюза вступили в рабочий полк и приняли самое активное участие в разгроме деникинских банд и внутренней контрреволюции.

Кроме мобилизации членов союза в ряды Красной Армии, профессиональные организации Мордовии принимала активное участие в снабжении Красной Армии одеждой, обувью, продовольствием, медикаментами и т. д. В этих целях рабочие работали сверхурочно, а там, где производство было сдельное, повышали выработку продукции до 25%[3]. Союз работников земли и леса принимал активное участие в снабжении Красной Армии и жителей г. Саранска топливом и продукцией мочального производства[4].

[1] «Завод и пашня», № 100, 1927.
[2] Архив Мордовского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 15.

[1] «Борьба классов», 1935, № 1—2, стр. 118—119.
[2] «Саранская правда», № 84, 1919.
[3] Пензенский облархив, ф. 261, оп. 1, д. 124, л. 56.
[4] АПО КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 95, л. 52.

Профсоюзы Мордовии брали шефство над частями Красной Армии. Они шефствовали над вторым Симбирским полком. Это шефство выражало неразрывное единство рабочих, крестьян и Красной Армии.

Разгромив интервентов и белогвардейцев, Советское государство завоевало временную передышку. Кратковременная передышка позволила переключить больше сил на хозяйственное строительство и подготовить условия для победоносного завершения гражданской войны.

В марте-апреле 1920 г. собрался IX съезд партии. Одним из основных вопросов на съезде был вопрос об очередных задачах хозяйственного строительства и о профсоюзах. В резолюции «Об очередных задачах хозяйственного строительства» подчеркивалось, что основным условием возрождения страны является неуклонное проведение в жизнь единого хозяйственного плана, рассчитанного на восстановление народного хозяйства. Главное место в этом плане занимал вопрос об электрификации всего народного хозяйства.

В историческом постановлении съезда «По вопросу о профессиональных союзах» было указано на необходимость активного участия трудящихся в хозяйственном строительстве. Съезд обязал партийные организации при активной помощи профсоюзов распространить начавшийся трудовой подъем на самые широкие массы. В решении съезда указывалось, что в каждом профессиональном союзе должна существовать дисциплинированная фракция коммунистов, подчиняющаяся партийной организации. Партийные организации должны помогать профессиональным союзам в укреплении кадрами, направляя в профессиональные органы опытных коммунистов, повседневно заботиться об улучшении деятельности профессиональных организаций.

В апреле 1920 г. был созван III Всероссийский съезд профсоюзов. Исторические решения IX съезда партии и речь В. И. Ленина легли в основу резолюции III Всероссийского съезда профсоюзов, требовавшей от профсоюзных органов укрепления трудовой дисциплины, превращения профессиональных союзов в образцовые организации, точно и быстро выполняющие ответственные задания партии и правительства, выдвинутые в связи с тяжелой экономической обстановкой в стране и задачами по сохранению и укреплению диктатуры пролетариата.

На основе решений IX съезда партии и III Всероссийского профсоюзного съезда профессиональные союзы всей страны принялись за восстановление народного хозяйства. На предприятиях они боролись за укрепление трудовой дисциплины, разъясняли рабочим важность и неотложность повышения производительности труда. Профсоюзы воспитывали в рабочем классе сознание необходимости подчинения личных интересов интересам всего рабочего класса, интересам Советского государства. Организация субботников и упорная героическая борьба по снабжению фронта и тыла всем необходимым были свидетельством нового социалистического отношения к труду.

Новым выражением революционной энергии рабочего класса явились субботники и «недели фронта», проведенные в 1920 году.

Коммунисты Мордовии развернули большую массово-разъяснительную работу среди трудящихся, призывая их принять активное участие в проведении «недель фронта». Так, на собрании членов союза металлистов 11 февраля 1920 года была принята резолюция, в которой говорится: «Мы, члены союза металлистов, заслушав доклад о неделе фронта и расстройстве транспорта, постановили: что по первому требованию железнодорожной администрации мы все, как один, пойдем на помощь железнодорожному транспорту работой и напряжем все усилия к поднятию производительности труда в мастерской и мы уверены, что с разрухой промышленности и транспорта русский рабочий напряженной работой справится»[1].

В период проведения «недель» в Мордовии было собрано много продуктов, вещей и денег. Только в Мокшалейской волости было собрано в пользу красных бойцов 70 пудов хлеба, 267 аршин холста, 3000 рублей денег. Служащими волсовета и волвоенкомата на нужды фронта отчислен однодневный заработок. Мокшалейский культурно-просветительный кружок тоже внес свою лепту в дело помощи красному фронту: ими был поставлен платный спектакль, который дал сбора 800 рублей[2].

14 февраля 1920 года был проведен большой субботник на ст. Рузаевка. В депо, вагонной мастерской и на путях работало 648 человек. Во время субботника были выполнены следующие работы: очищено от снега 339 саженей железной дороги, очищена от мусора территория депо, сделаны запасные части к паровозу № 935, выпущено из текущего ремонта два других паровоза, погружено на платформы 11 вагонных скатов и 25 скатов очищено от снега.

В тот же день коммунистический субботник с участием 450 человек был организован на ст. Красный Узел. Было отремонтировано 10 вагонов, 4 вагона поставлены на путь, очищено от снега и льда 950 погонных саженей дороги.

15 февраля Саранский городской комитет партии и городской Совет совместно с профсоюзами провели воскресник, в котором приняло участие 600 мужчин и 100 женщин. Женщины шили белье для больных, работали в лазаретах, а мужчины очистили от снега две версты железнодорожных путей[3].

[1] «Саранская правда», № 31, 1920.
[2] Там же, № 53, 1920.
[3] А. Захаркина, О коммунистических формах труда на промышленных предприятиях Мордовии. Саранск, 1960.

Чтобы улучшить работу на производстве и выпустить необходимую продукцию для фронта, члены профсоюза ведут борьбу за повышение производительности труда. На собрании членов профессиональных союзов Всемедикосантруд, аптечных служащих, Всеработзем, Народной связи, состоявшемся 11 февраля 1920 года, была принята резолюция, в которой подчеркивалась необходимость неуклонного повышения производительности труда в учреждениях, в которых работают члены указанных союзов, ибо только «путем усиленного производительного труда пролетарская Россия выйдет победительницей на фронте труда»[1].

Профсоюзы Мордовии принимали активное участие в формировании продотрядов по реквизиции излишков хлеба у кулацкой части населения для Красной Армии. Лучшие члены профсоюзов направлялись в продотряды. Только в Ардатовском уезде было мобилизовано и отправлено в распоряжение сельхозпродбюро сто одиннадцать товарищей, одиннадцать товарищей было выделено в местный продорган[2].

Коммунистическая партия высоко оценила деятельность профессиональных союзов по обеспечению продовольствием фронта и промышленных городов страны. «Наши профсоюзы оказали гигантскую помощь в строительстве пролетарского государства,— говорил В. И. Ленин на IX съезде РКП(б).— Они были звеном, которое связывало партию с миллионной темной массой... Профсоюзы выносили на своих плечах всю задачу борьбы с нашими бедами, когда приходилось помогать государству в работе по продовольствию. Разве это не была величайшая задача?»[3].

Профсоюзы Мордовии сыграли большую роль в поднятии культурного уровня трудящихся масс. В этой области особенно много работали члены профессионального союза учителей (рабпрос). В селах и городах они открывали красные уголки, избы-читальни, клубы, народные дома, библиотеки. С этой целью силами советской общественности ремонтировались и приспосабливались помещения под культурно-просветительные учреждения, делалось необходимое оборудование для них, приобретались книги, выписывались газеты и журналы.

Работа культурно-просветительных учреждений была самой разнообразной и направлена на удовлетворение культурных запросов населения. В культурно-просветительных учреждениях создавались кружки по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, агротехнические кружки и др.

Многие члены союза выступали перед рабочими и крестьянами с докладами о текущем моменте, об очередных задачах советских просвещенцев, о работе учительства в деревне и др., читались лекции по вопросам сельского хозяйства, медицины, на научно-атеистические темы. Население с большим интересом относилось к работе просвещенцев.

В отчете о работе Базарно-Дубровского сельского клуба писалось: «В клубе в 1918 и 1919 гг. было прочитано 10 лекций членами культпросветкружка и учителями на политические, научные и другие темы. Манифестации были по поводу годовщины Октябрьской революции и в день открытия клуба»[1].

Крепкая связь с массами дала возможность советским профсоюзам во время гражданской войны и военной интервенции принять активное участие в борьбе советского народа за свою свободу и независимость, в создании Красной Армии, в организации ее снабжения. Профсоюзные организации отправляли на фронт своих лучших людей, которые героически сражались против интервентов и белогвардейцев.

В то же время профсоюзы активно участвовали в работе государственных органов управления промышленностью и транспортом. Участие профессиональных союзов в организации народного хозяйства на новых, социалистических началах сочеталось с заботой об охране труда и социальном страховании, с культурно-просветительной работой среди членов союза.

Вовлекая миллионные массы трудящихся в активное участие в социальном строительстве, профсоюзы стали приводными ремнями партии, осуществляя связь между рабочими массами и авангардом рабочего класса — Коммунистической партией.

---

[1] «Саранская правда», № 34, 1920.
[2] ЦГА МАССР, ф. 98, оп. 1, д. 14, л. 224.
[3] Ленин, Соч., т. 30, стр. 429.

---

[1] А. Киселев, Социалистическая культура Мордовии, 1959, стр. 121.

Е. А. Зиновьев

КРЕСТЬЯНСКИЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ МОРДОВИИ В ПЕРИОД ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 ГОДА

В аграрной программе Коммунистической партии уделяется важное место крестьянским комитетам. Ленинская аграрная программа могла быть разрешена лишь при условии активного революционного творчества крестьянских масс под руководством рабочего класса. Исторический опыт показал, что демократический пересмотр крестьянской реформы, т. е. окончательная ликвидация крепостнических отношений в деревне, должен находиться в руках крестьян, а не в руках помещиков. Вот почему учреждение крестьянских комитетов как боевой лозунг был включен в аграрную программу Коммунистической партии, принятую на II съезде РСДРП.

В обстановке подъема крестьянского движения III съезд РСДРП указал на более широкие задачи, стоявшие перед земельными комитетами:—«проведение всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета»[1].

В. И. Ленин рассматривал крестьянские комитеты «как непосредственный рычаг революционного крестьянского движения»[2], как «...зачатки органов революционной власти»[3]. Задачи комитетов не ограничивались только перестройкой земельных отношений. Они должны были политически организовать крестьян, разжечь и углубить классовую борьбу последних против помещиков. Особое значение крестьянских комитетов В. И. Ленин видел в объединении революционной борьбы рабочих и крестьян. Уничтожение помещичьего землевладения, свержение самодержавия и установление демократической республики могло быть лишь результатом совместных действий пролетариата и крестьянства.

[1] Протоколы III съезда РСДРП. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 476.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 10, изд. 4-е, стр. 255.
[3] Там же, стр. 258.

«Рабочие правительства в городах,— писал В. И. Ленин,— крестьянские комитеты в деревнях (превращающиеся в известный момент в выборные всеобщим и т. д. голосованием),— такова единственно возможная форма организации победоносной революции, т. е. диктатуры пролетариата и крестьянства. Неудивительно, что либералы ненавидят эти формы организации борющихся за свободу классов!»[1].

В. И. Ленин был глубоко убежден в том, что Советы рабочих депутатов, крестьянские комитеты и другие органы революционной власти, созданные в 1905—1907 гг. народом, получат еще большее развитие в грядущей русской революции. «...но если мы имеем действительное основание быть убежденными в подъеме революции,— писал В. И. Ленин,— то мы неизбежно также должны ждать и подъема, развития и успеха новых, еще более решительных, еще более связанных с крестьянством и пролетариатом органов революционной власти»[2].

В настоящей статье делается попытка на основе документальных материалов показать, как крестьянские земельные комитеты, возникшие на территории Мордовии непосредственно после победы Февральской буржуазно-демократической революции, под влиянием революционной агитации большевиков постепенно отрывались от системы буржуазных правительственных учреждений, высвобождались из-под влияния эсеров и меньшевиков и становились вместе с Советами органами революционной власти на селе, руководили борьбой трудящихся крестьян за землю.

* * *

Революция 1905—1907 гг. не разрешила аграрный вопрос в России. Столыпинская реформа и империалистическая война намного ухудшили положение трудящегося крестьянства.

Основным источником жизни трудящегося крестьянства Мордовии до Великой Октябрьской социалистической революции была земля. Но львиная доля ее находилась в руках помещиков, церкви, монастырей, буржуазно-помещичьего государства, сельской и городской буржуазии. Если к 1917 году в распоряжении сотен тысяч трудовых крестьянских хозяйств Мордовии имелось лишь 488 тыс.. десятин земли, то у 790 помещичьих хозяйств ее было 280 тыс. десятин. Церкви и монастыри сосредоточивали в своих руках 45 тыс., а кулаки — 356 тыс. десятин земли[3].

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4-е, стр. 359. Примечание.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 10, изд. 4-е, стр. 258.
[3] «Советская Мордовия», Очерки, посвященные 20-летию республики, Саранск, 1950, стр. 199.

Владея лучшими землями и угодьями, помещики держали крестьян в кабале. Крестьяне д. Потякши Краснослободского уезда указывали, что водопои и луга, без которых невозможно вести сельское хозяйство, принадлежали помещикам Александру и Григорию Рябининым. Лишенные этих угодий, они вынуждены были арендовать их у помещиков Рябининых за высокие цены[1].

Естественно, что трудящееся крестьянство продолжало бороться за землю и волю и в период жестоких репрессий в годы столыпинской реакции и империалистической войны. По неполным данным, с 1908 года до конца 1916 года на территории Мордовии произошло 274 выступления крестьян против царских властей, помещиков и кулаков[2].

На революционизирование крестьянских масс, на рост их политического сознания огромное влияние оказывала большевистская агитация, проводимая партийными организациями промышленных городов и большевистски настроенными солдатами, возвратившимися в свои деревни по ранению и инвалидности.

Большевики-агитаторы распространяли в Мордовии прокламации, выпускаемые ЦК РСДРП(б) и местными губернскими партийными организациями. Так, в Карсунском уезде зимой 1915—1916 гг. распространялась большевистская прокламация, которая разоблачала империалистическую политику царизма и призывала к революционному выходу из первой мировой войны. В ней указывалось, что для окончания войны необходимо свергнуть правительство, «состоящее из самых худших и злобных врагов народа»[3].

В феврале 1917 года рабочие и революционные солдаты Петрограда свергли ненавистную народу царскую власть.

В результате победы Февральской буржуазно-демократической революции в России возникло двоевластие: одновременно существовали диктатура буржуазии (Временное правительство) и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (Советы рабочих и солдатских депутатов).

Временное правительство, состоявшее из представителей буржуазии и обуржуазившихся помещиков и поддерживаемое меньшевиками и эсерами, не могло и не хотело удовлетворить основные требования трудящихся масс. По-прежнему продолжалась империалистическая война, в стране росли голод и разруха, аграрный вопрос остался неразрешенным и приобрел еще большую остроту.

[1] Центральный государственный архив Мордовской АССР, (ЦГА МАССР), ф. 30, оп. 1, д. 2, л. 18.

[2] Фирстов И. И., Диссертация «Аграрные отношения в Мордовии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема», М., 1951, стр. 336; «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, Саранск, 1955, стр. 480.

[3] «Мордовия в годы трех народных революций». Хроника революционных событий. Саранск, 1957, стр. 171.

Временное правительство всеми мерами стремилось сохранить помещичье, монастырское и кулацкое землевладение. В постановлении «Об охране посевов», опубликованном в «Вестнике» Временного правительства № 31 от 14 апреля 1917 года, оно угрожало крестьянству уголовной и гражданской ответственностью за захват земель, лесов, пастбищ, посевов, сена, скота, инвентаря, за снятие рабочих у помещиков и других землевладельцев[1].

Органы Временного правительства на местах при содействии меньшевиков и эсеров посылали отряды вооруженных солдат для охраны имущества помещиков, монастырей и кулаков-мироедов. Например, в марте 1917 года в село Монастырское Протасовской волости Саранского уезда для охраны имения помещика Уварова было послано 30 солдат[2].

Активный участник борьбы за победу Советской власти в Инсарском уезде П. В. Серков так рассказывает о положении дел, сложившихся после Февральской революции в Ново-Троицкой волости Инсарского уезда. «Для охраны помещиков в нашу волость были высланы два отряда солдат. В местных органах оставались те же помещики и кулаки. Председателем волостного комитета сначала был сын кулака — адвокат Вишняков, потом его сменил бывший жандарм Бусаров»[3].

Антинародная политика временного правительства вызвала дальнейший рост недовольства трудящихся масс крестьянства. Крестьянство под влиянием большевистской агитации и революционно настроенных солдат с новой силой поднимается на борьбу за землю и создание крестьянских революционных организаций.

Уже к концу марта 1917 г. в уездах Пензенской губернии были организованы крестьянские комитеты под различными названиями — исполнительных, продовольственных, земельных. Крестьянские комитеты под руководством большевиков становились органами революционной власти на селе.

7 марта 1917 года крестьяне Больше-Вьясской волости Саранского уезда собрались в волостное село для решения неотложных дел, вызванных революцией. Прежде всего они решили упразднить старое волостное правление, разоружить полицию и произвести у нее обыск. Для ведения дел в волости и охраны порядка собрание избрало исполнительный комитет в составе десяти человек и милицию. Собрание приняло ряд мер по улучшению торговли: объявило свободную продажу всех продуктов, установило время для торговли с 7 часов утра до 7 часов вече-

[1] ЦГА МАССР, ф. 30, оп. 1, д. 1, лл. 208—209.

[2] РФ Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, д. И-181, л. 78.

[3] «За власть Советов» (Сборник воспоминаний участников борьбы за установление и укрепление Советской власти в Мордовской АССР), Саранск, 1957, стр. 88.

ра, установило контроль над ценами, приняло меры, запрещающие производство и продажу спиртных напитков[1].

12 марта 1917 года крестьяне села Акшино Ново-Акшинской волости Инсарского уезда изгнали помещика Остапова, запретили управляющему имением продажу и вывоз имущества из имения, сняли администрацию. Помещик Остапов в своем прошении прокурору Пензенского окружного суда писал, что «вышеозначенные правонарушения в моем имении явились последствием преступного бездействия, а в некоторых случаях и превышения власти со стороны Ново-Акшинского волостного комитета во главе с председателем Захригиным»[2].

Крестьянские комитеты Симбирской губернии, вновь возникшие непосредственно после победы Февральской революции, также возглавили борьбу крестьян за землю.

9 апреля 1917 года симбирский губернский комиссар Головинский в телеграмме на имя председателя Государственной думы Родзянко сообщал, что «...повсеместно в Симбирской губернии постановлениями волостных и сельских комитетов землевладельцы, даже наиболее лояльные, и их управляющие, высылаются, арестовываются, рабочие снимаются; производится захват земли, устанавливаются произвольные аренды... Крестьянство и их органы—сельские и волостные комитеты, обманутые в земельном вопросе дважды старым правительством[3], не могут затаить недоверие в земельном вопросе и стремятся закрепить победы революции...»[4].

Показателем роста революционной сознательности и организованности трудящегося крестьянства служит постановление первого крестьянского съезда Пензенской губернии.

В Пензе 2—7 апреля 1917 года представители крестьян всех волостей губернии приняли резолюцию о конфискации под яровой посев части помещичьих земель. Вопросы временного распределения пахотных земель, лугов и т. д. должны были решаться местными исполнительными комитетами с участием заинтересованных лиц. Земли — государственные, удельные, Дворянского и Крестьянского поземельных банков и др.— передавались в распоряжение волостных комитетов. Часть сельскохозяйственного инвентаря также конфисковалась, превращалась в общественную собственность и передавалась в распоряжение комитетов. Съезд постановил добиваться в Учредительном собрании национализации всех земель[5].

[1] М. В. Дорожкин, Установление Советской власти в Мордовии, Саранск, 1957, стр. 81.

[2] Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 11 с/р 474, оп. 1, д. 136, лл. 2—3.

[3] Имеется в виду реформа 1861 года и столыпинская аграрная реформа в 1906 году.

[4] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии». Сборник документов, Ульяновск, 1957, стр. 33.

[5] ЦГА МАССР, ф. р-2, оп. 1, д. 1, л. 141.

Пензенская организация большевиков провела серьезную работу в деревне по подготовке к съезду. Она посылала своих представителей в уезды, которые выступали на сходах, собраниях и уездных съездах крестьян, призывая их к конфискации помещичьих земель[1].

Представитель пензенских большевиков на VII (Апрельской) Всероссийской конференции партии большевиков В. В. Кураев в своем выступлении рассказал, как пензенские большевики боролись за укрепление влияния Советов среди крестьян. С этой целью они наладили выпуск газеты и пригласили в Совет крестьянских представителей, а потом созвали первый общегубернский съезд, на котором приняли решение о частичной конфискации помещичьих земель. В. В. Кураев на примере пензенских крестьян показал, что на местах крестьянство поддерживает тактику пролетариата[2].

Исключительно большое значение решению первого губернского съезда крестьян в Пензе о немедленной конфискации под яровой посев части помещичьих земель и о передаче всего инвентаря помещиков в общественное пользование придавала большевистская газета «Правда». Она подчеркивала организованный характер проведения указанных выше мероприятий и советовала трудящимся крестьянам других губерний решать аграрный вопрос «...на тех основаниях, которые были приняты пензенским крестьянством»[3].

В. И. Ленин очень внимательно изучал первые попытки крестьянства использовать общественные способы обработки земли. В докладе по аграрному вопросу на VII (Апрельской) Всероссийской конференции партии большевиков 28 апреля 1917 года он говорил о крестьянах Пензенской губернии, которые отбирали сельскохозяйственный инвентарь у помещиков и превращали его в общественную собственность.

В. И. Ленин высоко оценивал этот почин крестьян Пензенской губернии[4]. Он предложил к проекту резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков включить следующие пункты:

...8. «Партия должна поддержать почин тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий, живой и мертвый, инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественно-регулированного использования по обработке всех земель.

9. Партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования

[1] А. Смирнов, Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Октябрьской революции. Госполитиздат, М., 1957, стр. 62.

[2] Протокол VII (Апрельской) конференции РСДРП, М., 1934, стр. 132—133, 117—118.

[3] «Правда», № 45, 30 апреля 1917.

[4] В. И. Ленин, Соч., т. 24, изд. 4-е, стр. 253—254.

из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств»[1].

В условиях борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к пролетарской революционные задачи крестьянских комитетов и Советов крестьянских депутатов сближались. Те и другие явились демократическими массовыми организациями крестьянства.

Борясь за создание Советов крестьянских депутатов в деревне, партия большевиков отнюдь не считала тогда Советы единственно возможной формой революционной организации трудящегося крестьянства.

Задача состояла в том, чтобы органы крестьянского революционного самоуправления на местах строились по инициативе самих крестьян, без чиновников, без опеки и надзора со стороны помещиков и их пособников, чтобы такие органы действительно выражали интересы основных масс крестьянства. В резолюции по аграрному вопросу, принятой на VII (Апрельской) Всероссийской конференции, подчеркивалось: «Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления»[2].

Временное правительство опасалось популярности идеи организации комитетов среди трудящегося крестьянства. Оно боялось, что трудовое крестьянство через комитеты возьмет дело уничтожения помещичьей собственности на землю в свои руки, а это не входило в расчеты буржуазно-помещичьего Временного правительства.

Стремясь отвлечь бедняцко-середняцкие массы крестьянства от решения земельного вопроса, Временное правительство еще 20 марта 1917 года направило своим губернским комиссарам инструкцию «О создании волостных комитетов, их составе, функциях и отношении к волостному управлению»[3].

По замыслу Временного правительства крестьянские комитеты должны были возглавить помещики и сельская буржуазия. «К работе этих комитетов,— говорилось в инструкции,— рекомендуется привлекать также местных землевладельцев и все интеллигентные силы деревни». Председатели комитетов, их помощники должны избираться из этой категории населения сельских местностей.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 259—260.
[2] Там же, стр. 258—259.
[3] П. Н. Соболев, Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции, Госполитиздат, М., 1958, стр. 37.

Волостные комитеты временно должны были выполнять функции волостного управления.

Временное правительство ставило своей целью отстранить волостные комитеты от решения земельного вопроса. Инструкция предусматривала их организацию «в целях безостановочного хода» дела снабжения армии, поддержания общественного порядка и сохранения в целости зданий и всего делопроизводства волостных правлений».

21 апреля 1917 года Временное правительство издало закон об учреждении земельных комитетов[1], как правительственных органов, работающих под контролем Министерства земледелия. Земельные комитеты якобы должны были готовить решение земельного вопроса в Учредительном собрании. Однако на деле Временное правительство намерено было использовать земельные комитеты для охраны частновладельческих земель от конфискации их крестьянством.

Организационная структура земельных комитетов Временным буржуазным правительством полностью была приспособлена к охране помещичьих, монастырских и кулацких имений.

Издав закон об учреждении земельных комитетов, Временное правительство тут же встало на путь ограничения деятельности последних, препятствуя главным образом организации сельских и волостных земельных комитетов. С этой целью оно давало указания о финансировании лишь части их за счет государства. Например, по Тамбовской губернии из 340 волостей кредиты были отпущены на организацию только 85 волостных земельных комитетов. Темниковскому уезду из 24 волостей были отпущены кредиты только на организацию 6 волостных комитетов. Спасскому уезду из 16 волостей — только 4 волостям[2]. На содержание 20 волостных и уездных крестьянских комитетов Краснослободского уезда Временным буржуазным правительством за 4 месяца вместо 43000 руб. было отпущено только 6200 рублей. «Столь скудные средства,— сообщал уездный крестьянский комитет Главному земельному комитету 23 сентября 1917 г.,— все время дурно отражались на работе земельных комитетов уезда; только при помощи кредита у разных учреждений и лиц (типография, магазины, содержатели лошадей и т. д.) и систематического неполучения жалованья личным составом земельных комитетов, да канцелярских служащих и сторожей работа все-таки шла»[3].

Крестьяне считали волостные комитеты наиболее близкими себе, и поэтому они были заинтересованы в их организации. Волостные земельные комитеты по инициативе самих крестьян создавались повсеместно. Многие комитеты попадали под влия-

[1] См. ЦГА МАССР, ф. 30, оп. 1, д. 1, лл. 221—224.
[2] Там же ф. 535, оп. 1, д. 1, лл. 63—64.
[3] Там же, ф. 15, оп. 1, д. 5, л. 164.

ние эсеров, что являлось некоторым тормозом в развязывании революционной инициативы трудовых слоев деревни. В этих условиях классовой борьбы в деревне перед Коммунистической партией стояла задача — вырвать ту часть крестьянства, которая находилась под влиянием эсеров, и направить ее на правильный путь революционной борьбы, на союз с последовательным революционным классом — пролетариатом.

Благодаря большевистской агитации, усилившейся в Мордовии после Апрельских тезисов В. И. Ленина и особенно после Апрельской конференции большевистской партии, крестьяне начали понимать, что решение вопроса о земле надо взять в свои руки.

15 мая 1917 года II крестьянский съезд Пензенской губернии принял решение о конфискации помещичьих земель и о передаче всего инвентаря в общественное пользование[1]. II крестьянский съезд сделал шаг вперед по сравнению с I съездом — вместо частичной конфискации земли крестьяне приняли решение о полной конфискации всех помещичьих земель.

Постановление II крестьянского съезда Пензенской губернии — это результат большой агитационной и организационной работы Пензенской организации большевиков среди крестьян. Сообщая об усилении крестьянского движения в связи с решениями II Пензенского губернского крестьянского съезда, «Вестник» Пензенского губисполкома 31 мая 1917 года отмечал, что: «Решительный перелом в настроении крестьянства в губернии произошел под влиянием агитации большевиков»[2].

Решения II Пензенского губернского крестьянского съезда переполошили помещиков, буржуазию и их слуг — эсеров и меньшевиков. Временное правительство приняло спешные меры с тем, чтобы приостановить проведение в жизнь решения крестьянского съезда. В уезды Мордовии 31 мая 1917 года из Пензы комиссаром Временного правительства была отправлена правительственная телеграмма, в которой говорилось, что «постановления Пензенского Совета крестьянских депутатов отменяют по существу право частной собственности на землю, инвентарь, на что правомочно только Учредительное собрание» и предлагалось руководствоваться постановлениями от 11 апреля. «Об охране посевов» и от 21 апреля «Об учреждении земельных комитетов»[3].

Пензенские эсеры, выполняя предписания Временного правительства, всячески препятствовали проведению в жизнь решений второго Пензенского крестьянского съезда. Они использовали все способы, чтобы потушить пламя разгоравшейся революционной борьбы трудящегося крестьянства. Так, комиссар в Пензенской губернии эсер Федорович и другие эсеры объявили решения второго губернского съезда крестьян «ошибкой» и повели решительную борьбу против их проведения в жизнь.

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), ф. 406, оп. 2, д. 212, лл. 58—59.
[2] «Мордовия в годы трех народных революций», стр. 212.
[3] ЦГА МАССР, ф. 30, оп. 1, д. 1, л. 38.

Уездные органы Временного правительства, при содействии меньшевиков и эсеров, созывали экстренные съезды и совещания для отмены решений второго Пензенского губернского крестьянского съезда. В Инсарском уезде 22 мая состоялось объединенное заседание земской управы, исполнительного и продовольственного комитетов и Совета солдатских и крестьянских депутатов. По поводу этого заседания эмиссар Временного правительства Унковский писал Временному правительству: «...Собрание выразило полное доверие Временному правительству. По отношению к постановлению Пензенского губернского Совета крестьянских депутатов от 15 мая 1917 г. оно высказалось в том смысле, что постановление это не есть закон, а лишь выраженное Советом пожелание»[2]. Такие же антинародные решения были протащены эсерами и меньшевиками на крестьянских съездах Саранского, Краснослободского и Наровчатского уездов.

Но несмотря на потуги эсеров, меньшевиков, помещиков и кулаков проводить в жизнь контрреволюционную политику Временного правительства, трудовое крестьянство Саранского, Краснослободского, Инсарского и Наровчатского уездов вопреки решениям уездных съездов на практике начинает осуществлять постановления второго Пензенского губернского крестьянского съезда.

Многие крестьяне Саранского уезда говорили, что постановления губернских съездов выше, чем уездного, и отбирали земли у помещиков и кулаков[3].

4—28 мая 1917 года состоялся I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. В резолюции, принятой съездом, предлагалось передать все без исключения земли в ведение земельных комитетов. Комитеты должны были полностью взять в свои руки установление новых земельных порядков на селе. Но эсеры, используя свое большинство, провели на съезде решение о том, чтобы отложить решение земельного вопроса до издания соответствующих законов Временным правительством (а они так и не были изданы).

На данном съезде присутствовал В. И. Ленин. В своей речи по аграрному вопросу, произнесенной 22 мая, В. И. Ленин говорил о необходимости ликвидации помещичьего землевладения. В качестве примера Владимир Ильич привел решения пензенских крестьян: «Надо помнить, что решение большинства кресть-

[1] А. Смирнов, Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Великой Октябрьской революции, стр. 64.
[2] ЦГАОР, ф. 398, оп. 2, д. 123, лл. 110—111.
[3] Там же, л. 110.

ян, которые в своих решениях довольно осторожны, есть законное и общегосударственное решение. В этом отношении на крестьян положиться можно. Например, у меня есть решение пензенских крестьян, которое от первого пункта до последнего проникнуто чрезвычайной осторожностью: никакого немедленного преобразования на всю Россию крестьяне не затевают, но они не хотят загонять себя в невыносимую кабалу, и в этом они правы. Самая большая кабала была помещичья и остается помещичьей, кабалой землевладельцев и угнетателей. И поэтому ни одной недели, ни одного часу ждать с устранением этой кабалы нельзя, но всякий захват должен быть захватом организованным, не в собственность, не в раздел, а только в общее пользование землей общенародной»[1].

Речь В. И. Ленина на съезде была поддержана многими делегатами. Она была замечательным образцом большевистской агитации и пропаганды среди крестьянства в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Речь В. И. Ленина, произнесенная на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, еще выше подняла борьбу трудовых слоев деревни за землю.

Выступление В. И. Ленина на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов оказало огромное революционизирующее влияние на трудящееся крестьянство Мордовии. Крестьяне многих сел и деревень приступили к организованному разделу помещичьей земли и распределению её среди малоземельных. 7 июня 1917 года в телеграмме на имя министра земледелия Чернова симбирский губернский комиссар Временного правительства сообщал, что «Постановление по земельному вопросу Всероссийского крестьянского съезда, состоявшегося при вашем участии, полностью проводится в жизнь в форме организованного захвата земель, инвентаря и прочих движимостей»[2].

17 июня 1917 года «Информационный листок отдела по делам местного управления» сообщал о массовом крестьянском движении в Пензенской губернии за конфискацию помещичьего землевладения[3].

Чтобы не допустить захвата помещичьих земель трудовым крестьянством, пензенский губернский комиссар Временного правительства решил потушить пламя аграрного движения посредством обещаний расширения функций крестьянских земельных комитетов и вступления крестьян в договорно-арендные отношения с помещиками[4].

15 июня 1917 года состоялось заседание бюро Пензенского губернского исполнительного комитета с участием представителя министра земледелия Акселя. В резолюции, принятой на этом заседании, предусматривалось некоторое расширение функций земельных комитетов по учету, заведыванию, распределению земли и инвентаря. Однако расширение функций земельных комитетов не выходило из рамок постановления Временного правительства «Об охране посевов» и «Об учреждении земельных комитетов». Пункты 2, 3, 4 резолюции предоставляли земельным комитетам право лишь «во избежании недосева» брать на учет и заведывание земли и сельскохозяйственный инвентарь помещиков. Но арендная плата за землю и плата за использование сельскохозяйственного инвентаря должна была поступать в руки владельцев, а не земельных комитетов, что вполне отвечало пункту 6 антинародного постановления Временного правительства «Об охране посевов»[1]. И только в «спорных случаях» арендная плата, за вычетом налоговых платежей, падающих на арендные участки, должна была храниться впредь до решения Учредительного собрания в местном казначействе»[2].

Исключительно фарисейским был пункт 5 резолюции, в котором говорилось: «Земля и инвентарь, уже перешедший во временное пользование крестьян, земельные комитеты берут на учёт на тех же основаниях»[3].

Все эти обманные уловки представителей Временного правительства и им послушного исполкома были разгаданы и разоблачены большевиками. Большевики призывали крестьян немедленно взять всю землю помещиков и не платить им никакой арендной платы. Крестьяне ряда сел Мордовии, следуя призывам большевиков, так именно и поступали. Но земельные комитеты по решению властей Временного правительства должны были брать на учёт уже перешедшие в руки крестьян земли и инвентарь помещиков и выколачивать с крестьян арендную плату в их пользу.

В интересах охраны собственности помещиков и кулаков-мироедов были пересмотрены ранее принятые решения по земельному вопросу исполнительными комитетами Саранского, Инсарского, Краснослободского, Наровчатского уездов[4].

По решению III Саранского крестьянского съезда (18—19 июня), принятого под давлением эсеров и буржуазии, над деятельностью земельных комитетов был установлен строгий надзор и контроль со стороны уездного комитета, открыто проводившего контрреволюционную политику Временного правительства. В пункте 7 постановления указывалось, что «размер платы, установленной волостными земельными комитетами за пользование

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 459.
[2] ЦГАОР, ф. 406, оп. 2, д. 232, лл. 45—46.
[3] «Мордовия в годы трех народных революций», стр. 215.
[4] Там же, стр. 215—216.

[1] ЦГА МАССР, ф. 30, оп. 1, д. 1, лл. 208—209.
[2] Там же, л. 189.
[3] Там же.
[4] Т. Купряшкин и В. Самаркин, 1917 год в Мордовии. Саранск, 1939, стр. 35.

взятым на учёт инвентарем, утверждается уездным земельным комитетом, каковой разрешает и спорные вопросы»[1].

В этом же пункте предлагалось земельным комитетам арендную плату за землю, лес и сено, принятых на учёт имений отдавать непосредственно помещикам[2].

В ходе борьбы за социалистическую революцию вокруг земельных комитетов разгорается борьба за их демократизацию, за превращение земельных комитетов из органов буржуазно-помещичьего Временного правительства в органы Советов, считавших решение земельного вопроса своей важнейшей задачей. По закону Временного правительства от 21 апреля представительство местных Советов в земельных комитетах не было предусмотрено, но Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под влиянием трудящихся масс крестьянства, вопреки закону Временного правительства, выделяли своих представителей и включали их в состав земельных комитетов. Представители Советов скоро заняли прочные позиции в земельных комитетах.

В июне 1917 года состоялось первое (учредительное) собрание Тамбовского губернского земельного комитета, на котором присутствовало лишь 8 представителей от Советов. Однако на этом заседании было принято решение пополнить состав губернского и уездных земельных комитетов, после чего из 39 членов Тамбовского губернского земельного комитета 17 были представителями Советов. В уездные земельные комитеты дополнительно было включено по шести представителей от Советов[3].

Усиление влияния Советов на земельные комитеты не могло не отразиться на направлении деятельности последних.

Земельные комитеты постепенно отрывались от системы правительственных учреждений и все больше попадали под влияние местных Советов, главным образом, Советов крестьянских депутатов.

Но то обстоятельство, что во многих Советах того времени в большинстве были меньшевики и эсеры, проводившие политику защиты частной собственности капиталистов и помещиков, определяло зачастую антидемократическое направление деятельности части земельных комитетов, особенно губернских и уездных.

С начала организации большинство губернских и уездных земельных комитетов провозгласили основными принципами своей деятельности свято блюсти законы Временного правительства, не допускать конфискации земель помещиков и добиваться соглашения крестьян с помещиками в интересах последних. Так, например, Тамбовский губернский земельный комитет

[1] ЦГА МАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 142.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 535, оп. 1, д. 1, лл. 56, 57.

на своем первом же заседании выступил ярым защитником интересов помещиков[1].

Желая оградить земли помещиков от захвата их крестьянами, губернские земельные комитеты призывали крестьян идти на соглашения с помещиками через посредничество примирительных камер земельных комитетов. Так, Темниковский уездный земельный комитет, на основе указаний Тамбовского губернского земельного комитета, в начале июня 1917 года предлагал волостным земельным комитетам все «недоразумения между сторонами разрешать примирительными камерами»[2]. При организации примирительных камер предусматривалось равное представительство в них крестьян и помещиков.

Охрана помещичьего, монастырского, церковного и кулацкого землевладения от захвата бедняцко-середняцкими массами крестьянства не ограничивалась только призывами к примирению крестьян с землевладельцами. Губернские и многие уездные земельные комитеты нередко открыто, всеми силами своей власти, защищали землевладельцев. Например, в первых числах июня 1917 года крестьяне д. Суховки Бабеевской волости Темниковского уезда пустили свой скот в луга Санаксарского монастыря. Темниковский уездный земельный комитет решил объявить крестьянам д. Суховки, что «поступок их недопустим, и предложил монастырю взыскать убытки судебным порядком»[3].

Низовые земельные комитеты (волостные и сельские), стоявшие ближе к трудовому крестьянству, в своем большинстве, отстаивали интересы основных масс крестьянства. Такие земельные комитеты регулировали земельные отношения в деревне: пересматривали условия аренды и оплаты труда сельскохозяйственных рабочих, увеличивали в принудительном для помещиков порядке площадь арендовавшейся крестьянами земли. Так, в июне 1917 года Бабеевский волостной земельный комитет Темниковского уезда установил арендную плату за пользование лугами Санаксарского монастыря крестьянами сел Старого города, Алексеевки и др. за каждую выкошенную десятину 3 рубля[4].

В Наровчатском уезде размер арендной платы на землю волостные комитеты устанавливали не дороже шести рублей за десятину[5].

По закону Временного правительства «Об охране посевов» арендная плата должна была вноситься владельцам. На этом же настаивал в своей инструкции и министр земледелия Временного правительства лидер эсеров Чернов. Но крестьяне-арендаторы предпочитали арендную плату вносить не помещи-

[1] ЦГА МАССР, ф. 535, оп. 1, д. 1, л. 58.
[2] Там же, л. 2.
[3] Там же,
[4] Там же, л. 3.
[5] ГАПО, ф. 309, оп. 1, д. 2, л. 24.

кам, а в комитеты, что являлось выражением ненависти крестьян к своим вековым угнетателям. Это обстоятельство подчеркивалось, например, в одном из докладов Наровчатского уездного земельного комитета Пензенскому губземкомитету[1].

Многие сельские и волостные земельные комитеты проводили организованный захват части помещичьих земель, лугов и выпасов. Например, в сводке главного управления по делам милиции о революционном движении крестьян Тамбовской губернии от 7 июня 1917 года сообщалось, что «в Устинской волости Спасского уезда по постановлению местного волостного земельного комитета рабочие были сняты с работ. Вся земля у помещиков отобрана. Крестьяне грозят отобрать живой и мертвый инвентарь»[2].

13 июня Тенишевский волостной земельный комитет Краснослободского уезда, ссылаясь на постановление волостного схода от 4 июня 1917 года о передаче всех земель собственников, не обрабатывающих их своим трудом, тем обществам, в план/которых они входят, вынес решение об отобрании у крупных землевладельцев Золотовых 1442 десятины земли в пользу Тенишевского общества[3].

Таким образом, попытка местных органов Временного правительства, эсеров и меньшевиков использовать земельные комитеты в интересах защиты собственности помещиков и кулаков не дала для них желаемых результатов. Многие комитеты, главным образом сельские и волостные, под влиянием революционной агитации большевиков проводили политику, которая шла вразрез с интересами господствующих классов, руководили борьбой бедняцко-середняцких масс крестьянства за землю.

Огромную помощь в революционной борьбе трудящимся Мордовии оказывали организации РСДРП(б) ряда промышленных городов страны.

Значительную работу по революционизированию трудящихся масс Мордовии проделало Московское областное бюро ЦК РСДРП(б). За апрель-июнь оно распространило 166924 брошюры и 93518 листовок. Бюро военной организации при Московском комитете большевиков с 1 мая по 15 июня отправило в деревню и воинские части тыла свыше 17 тысяч экземпляров газет и журналов и более 4 тысяч разных брошюр.

Из Москвы указанная выше литература отправлялась главным образом в Пензенскую, Тамбовскую, Нижегородскую и другие губернии[4].

---

[1] ГАПО, ф. 309, оп. 1, д. 2, л. 26.

[2] «Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии». Сборник документов. Тамбов, 1957, стр. 96.

[3] ЦГА МАССР, ф. 15, оп. 1, д. 5, л. 35.

[4] А. Смирнов, Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Великой Октябрьской революции, стр. 49.

Московское областное бюро ЦК РСДРП(б) имело группу постоянных разъездных инструкторов из числа опытных пропагандистов, которые проводили на местах большую работу. В этой работе участвовали такие руководители Московского областного бюро, как А. С. Бубнов и другие[1].

Большевистская партия постоянно разъясняла рабочим, солдатам и крестьянам задачи дальнейшего развития революционной борьбы в городе и деревне.

Создавались организации, ставившие своей главной целью оказать помощь трудящимся крестьянам в их политическом просвещении и революционной борьбе. Такими организациями явились землячества рабочих, солдат и матросов, создаваемые в промышленных и портовых городах нашей страны. Партия большевиков имела тесную связь с землячествами, она через них вела большевистскую агитацию и пропаганду среди трудящихся.

Через землячества большевики посылали в деревню политическую литературу, которая несла в деревню ленинскую правду, воспитывала крестьян в духе революционных идей. Многие землячества непосредственно проводили свою работу под руководством большевистских организаций. Например, Пензенское землячество в Петрограде, организованное в мае 1917 года, а также Пензенское землячество в Кронштадте находились под руководством большевиков. Большую помощь Пензенскому землячеству в Петрограде оказывали большевики-путиловцы[2]. П. В. Сернов, рассказывая о революционных событиях 1917 года, отмечает, что «Летом 1917 г. к нам в Ново-Троицкую волость Инсарского уезда чаще стали приезжать большевистски настроенные фронтовики и рабочие промышленных городов. Многим из нас открыли глаза на действительное положение в стране. В то время в волости партийных ячеек еще не было. Но большевистски настроенная группа товарищей во главе с большевиком Бусаргиным проводила большую разъяснительную работу путем групповых бесед и на митингах. Она вела также активную борьбу с эсеровской организацией, во главе которой стояли кулак Вишняков, аптекарь Курышев и провизор Шульгейфер»[3].

Посылка рабочих, солдат и матросов в деревню имела важное значение в революционном воспитании крестьянства, в упрочении союза рабочих и беднейшего крестьянства, в усилении пролетарского влияния на трудовые массы деревни.

---

[1] А. Смирнов, Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Великой Октябрьской революции, стр. 49.

[2] Там же, стр. 75—76.

[3] «За власть Советов», стр. 89.

* * *

Кровавые события 3—5 июля 1917 года в Петрограде — расстрел рабочих и солдат Временным правительством — означали конец двоевластия и переход всей власти в руки кучки буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Те Советы, во главе которых были меньшевики и эсеры, превратились в придаток Временного правительства.

После июльских дней, когда контрреволюция обрушилась на большевистскую партию, начала расправу с революционными рабочими и солдатами, усилились репрессии и в деревне. Временное правительство рассчитывало на полную победу над революционными силами. «В циркулярах министров Временного правительства — Чернова, Церетели, Пешехонова рекомендовалось применять принудительные меры для подавления крестьянского движения вплоть до посылки отдельных воинских частей. Но и эта мера показалась недостаточной министрам-«социалистам», и министр внутренних дел, меньшевик Никитин предложил направить в 20 губерний, охваченных крестьянским восстанием, кавалерийские части с фронта под предлогом улучшения продовольствия армии. План оказался невыполненным, так как не хватало надежных кавалерийских частей»[1].

На основании распоряжений министров Временного правительства Тамбовский губернский комиссар телеграфировал 15 июля 1917 года темниковскому уездному комиссару: «Следуя последним распоряжениям правительства, прекращайте беспорядки решительными мерами, арестовывайте зачинщиков»[2].

Помещикам и буржуазии в борьбе против революционного движения рабочих, солдат и крестьян Мордовии помогали меньшевики и эсеры. Например, саранские меньшевики и эсеры, стоявшие у руководства исполкомом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 21—23 июля 1917 года провели ряд мер по подавлению революционного движения в городе и уезде: были запрещены митинги, собрания и манифестации[3], стали преследовать большевиков. Саранские большевики вынуждены были временно уйти в подполье[4].

Не избежали преследований и земельные комитеты, которые выражали интересы бедняцко-середняцких масс крестьянства. В своей телеграмме, посланной в Пензу 24 июля, Церетели предлагал земельным комитетам «действовать в строгом соответствии с постановлением Временного правительства от 21 апреля и инструкцией Министерства земледелия от 16 июля, и никакое превышение ими своей власти допущено быть не может. Равным образом не может быть допущено вмешательство в их законную компетенцию каких-либо других организаций, составленных несогласно постановлению о земельных комитетах»[1]. Распоряжение центрального начальства подхватили губернские комиссары Временного правительства и стали всеми силами проводить их в жизнь. Им помогали губернские земельные комитеты, состоявшие главным образом из представителей соглашательских партий, лакеев буржуазии. Например, Пензенский губернский земельный комитет между 23—29 июля 1917 г. издал постановление, которым хотел усилить власть уездных земельных комитетов над волостными, а губернского — над уездными[2].

Для борьбы против революционного движения трудящихся крестьян помещики и кулаки объединялись в контрреволюционный «Союз земельных собственников». Так, «Союз земельных собственников» Пензенской губернии объединял 850 крупных землевладельцев. Кроме того, в Союз было принято более 10 тысяч кулаков-отрубников[3]. Через контрреволюционный Союз землевладельцы предъявляли крестьянам и волостным земельным комитетам многочисленные судебные иски о возмещении их убытков. Многие руководители революционной борьбы крестьян за землю были привлечены к судебной ответственности, многие арестованы. Например, было сфабриковано судебное дело на председателя Дубровского земельного комитета Наровчатского уезда Березнева[4]. 1 августа 1917 года в полном составе был арестован сельский земельный комитет мордовского села Андреевки Атяшевской волости Ардатовского уезда[5]. В середине августа 1917 года по решению Воеводского волостного комитета Саранского уезда крестьяне с. Дурасовки отобрали землю и часть лугов у помещика Моисеева. По распоряжению губернского прокурора Воеводский волостной комитет был привлечен к судебной ответственности[6].

Однако одни репрессивные меры не приводили к желаемым результатам. Поэтому губернские и уездные власти Временного правительства, эсеро-меньшевистские исполкомы посылали в деревню своих представителей, часто с вооруженными солдатами, для «внушения» крестьянам земельной политики Временного правительства.

Трудящиеся массы города и деревни все более убеждались в антинародной политике Временного правительства, меньшевиков и эсеров. В ряде случаев представители буржуазного пра-

[1] Кочетовская, Национализация земли в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 104.
[2] «Установление Советской власти в Мордовии», стр. 101.
[3] Там же, стр. 106—107.
[4] «За власть Советов», стр. 18.

[1] ЦГА МАССР, ф. 30, оп. 1, д. 1, л. 243.
[2] Там же, ф. 15, оп. 1, д. 5, л. 148.
[3] «Красный архив», № 2, 1937, стр. 104.
[4] ГАПО, ф. 309, оп. 1, д. 2, л. 9—10.
[5] ЦГАОР, ф. 406, оп. 2, д. 232, л. 76.
[6] ГАПО, ф. 11, с/р-474, д. 602, л. 1; ЦГАОР, ф. 478, оп. 6, д. 264, л. 23.

вительства и эсеро-меньшевистские агитаторы изгонялись или арестовывались. Так, 22 июля 1917 года член исполкома Темниковского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Рожков и член уездного земельного комитета Торгашев, прибывшие в село Мердуши, крестьянами были арестованы[1].

Резко возросшее недовольство трудящегося крестьянства Мордовии контрреволюционной политикой Временного правительства, эсеров и меньшевиков вынуждены были признать официальные представители Временного правительства. Эмиссар Временного правительства по Пензенской губернии Унковский писал о Саранском уезде: «Насколько удавалось весной устранять все попытки к захватам, настолько впоследствии выезды членов исполнительного комитета на места результатов тех не давали, так как по отъезде представителя комитета являлись вожаки, указывавшие на соседние южные уезды губернии и убеждали не слушать исполнительных комитетов... в конце концов подорвали в Саранском уезде «разумную» деятельность местных учреждений» (т. е. уездных органов Временного правительства — Е. З.)[2].

Несмотря на жестокие действия контрреволюции против трудового крестьянства и тех земельных комитетов, которые отстаивали интересы трудовых слоев деревни, борьба крестьян за землю не прекращалась. Так, например, 19 июля 1917 года крестьяне Кочкуровского общества Саранского уезда на основании постановления сельского комитета отобрали инвентарь у местного помещика[3]. Подобные выступления сельских и волостных крестьянских комитетов на территории Мордовии были частыми.

* * *

Огромное влияние на дальнейший подъем революционной борьбы рабочих и трудящихся крестьян Мордовии против господства помещиков и капиталистов оказали решения VI съезда партии большевиков (26 июля—3 августа 1917 года).

После июльских событий 1917 года мирное развитие революции и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, так как вся власть в стране полностью перешла в руки контрреволюционной буржуазии, а многие Советы в силу антинародной политики эсеров и меньшевиков превратились в бессильный придаток Временного правительства. В этих условиях VI съезд партии большевиков поставил задачу завоевания власти пролетариатом и беднейшим крестьянством путем вооруженного восстания. Лозунг «Вся власть Советам!» был временно снят. Одновременно съезд указал, что нет оснований считать исключенной возможность оживления Советов. Дальнейшие события полностью подтвердили правильность этого указания. В огне борьбы с корниловщиной Советы, освобождаясь из-под влияния меньшевиков и эсеров, становились большевистскими.

В связи с новой тактической установкой VI съезд большевистской партии призвал всех членов партии к усилению работы среди беднейшего крестьянства, к организации батрацких слоев и сплочению их вокруг рабочего класса. Принятая VI съездом экономическая платформа большевиков выражала насущные интересы рабочего класса и трудящихся масс крестьянства. В ней были развиты положения апрельских тезисов В. И. Ленина: национализация банков и крупной промышленности; рабочий контроль над производством и распределением; организация правильного обмена между городом и деревней; конфискация помещичьей и национализация всей земли в стране.

На основе решений VI съезда партии о подготовке пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию для свержения правительства помещиков и буржуазии, местные большевистские партийные организации усилили работу среди трудящихся масс. Например, Тамбовская губернская партийная организация после VI съезда партии приняла специальное решение о развертывании широкой агитации среди крестьян и организации для этой цели землячества рабочих и солдат[1].

Большевистские идеи охватывали все более широкие слои деревни. В августе 1917 года Тамбовский губернский крестьянский съезд пошел за большевиками, приняв решение о немедленной передаче частновладельческой земли крестьянским комитетам[2]. После VI съезда партии возросла роль саранских большевиков в Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[3].

Под влиянием революционной борьбы пролетариата в сентябре-октябре 1917 года аграрное движение переросло в крестьянское восстание. «В России,— писал об этом времени В. И. Ленин,— переломный момент революции несомненен. В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет *крестьянское восстание*. Это невероятно, но это факт»[4].

В период все нараставшей борьбы крестьян за землю и волю

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 62, оп. 1, д. 1, лл. 180—181.
[2] ЦГАОР, ф. 398, оп. 2, д. 123, лл. 109—110.
[3] РФ МНИИЯЛИЭ, д. И- 178, л. 3.

[1] А. Смирнов, Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 146.
[2] Там же, стр. 156.
[3] И. Д. Воронин, К вопросу возникновения коммунистической организации в Саранске. Статья в газ. «Советская Мордовия» от 6 мая 1958 г.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 26, изд. 4-е, стр. 55.

Тамбовский губернский земельный комитет, состоявший главным образом из эсеров и меньшевиков, сделал еще одну попытку к защите интересов крупных землевладельцев. Он дал волостным земельным комитетам строгое предписание о точном соблюдении распоряжения № 3, согласно которому никакие изменения в имениях помещиков не должны были производиться без разрешения губернского земельного комитета[1]. Губернский земельный комитет предлагал «решительным образом бороться против попыток решать земельные дела по постановлениям сельских и волостных сходов, исполнительных и других комитетов, отдельными обществами или группами граждан и т. п.»[2].

Органы Временного буржуазного правительства и эсеро-меньшевистские исполкомы Тамбовской губернии договорились о частичных уступках крестьянству. С согласия помещиков лишь часть земель, притом низкого качества, на арендных началах передавалась в пользование крестьян[3].

Таким образом, тамбовские власти Временного правительства и эсеро-меньшевистские исполкомы хотели ценой незначительных уступок крестьянству сохранить основы землевладения помещиков.

Если в весенне-летний период 1917 года под давлением революционной борьбы трудящихся масс эсеры еще делали вид, что борются за интересы трудового крестьянства, то в период реакции, начавшейся после июльских событий, они открыто перешли в лагерь контрреволюции, стали ярыми защитниками интересов частных землевладельцев, помощниками буржуазии в борьбе с революционными силами.

* * *

С победой социалистической революции был решен вопрос, который В. И. Ленин называл «вопросом жизни и смерти десятков миллионов людей»,— вопрос о выходе из первой империалистической войны. 26 октября 1917 года на II Всероссийском съезде Советов был принят декрет о мире. Соединение вооруженного восстания с окончанием ненавистной империалистической войны обеспечили Октябрьской социалистической революции активную поддержку со стороны крестьянской бедноты и большинства солдат.

Вслед за декретом о мире на II Всероссийском съезде Советов был принят декрет о земле, провозгласивший конфискацию помещичьей и национализацию всей земли в нашей стране.

На основе ленинского декрета о земле на территории Мордовии, как и в других районах России, развернулось мощное движение трудящегося крестьянства за полную ликвидацию помещичьего землевладения. В этих условиях ряд уездных земельных комитетов по-прежнему проводили политику защиты монастырского и помещичьего землевладения. Так, на основе указаний Совета главного земельного комитета, сделанных в телеграмме от 28 октября 1917 года тамбовским эсерам[1], Темниковский уездный земельный комитет требовал от волостных комитетов не допускать проведения в жизнь декрета о земле, принятого вторым Всероссийским съездом Советов[2].

В ходе революционной борьбы бедняки и середняки, руководимые большевиками, боролись не только против помещиков и кулаков, но и с теми земельными комитетами, которые пытались защищать политику Временного правительства. Например, крестьяне села Сивинь Краснослободского уезда изгнали из своего села волостной земельный комитет[3]. В отчетах Краснослободского уездного земельного комитета губернскому комитету подчеркивалось, что «отрицательное отношение Сивиньского сельского общества к земельным комитетам не единично», что аналогичные явления наблюдаются и в других селениях[4].

Если волостные земельные комитеты отказывались выносить решения об удовлетворении вековых чаяний крестьян, то в таких случаях деревенская беднота брала решение земельного вопроса в свои руки.

Она становилась инициатором созыва сельских и волостных собраний для проведения в жизнь великой земельной реформы, начало которой было положено ленинским декретом о земле.

Так, в конце октября 1917 года крестьяне с. Сивини Краснослободского уезда создали свою комиссию и взяли в свои руки имение Головых[5]. В с. Булаеве указанного выше уезда крестьяне отстранили всех служащих помещика и взяли охрану имения в свои руки. «Этот факт,— доносил уездный земельный комитет Пензенскому комитету,— уже проверенный. По слухам, такого рода настроение среди крестьян есть уже во многих местах. Охрана имения и распоряжение его посевной площадью, говорят крестьяне, должна производиться снизу, а не кем-либо сверху, вроде земельного комитета. О такого рода новом настроении крестьянства считаем долгом осведомить губернскую управу»[6].

Крестьяне с. Сузелятки Урейской волости Краснослободского уезда на своем сходе постановили взять в свои руки хутор Ковыляйского монастыря. В постановлении указывалось: «Хотя вышеозначенный хутор был принят на учет Урейским волостным земельным комитетом, но у нас не было уверенности, что он бу-

[1] ЦГА МАССР, ф. 536, оп. 1, д. 1, л. 29.
[2] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. 447.
[3] Там же, лл. 427—430.

[1] ЦГА МАССР, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. 490.
[2] Там же, лл. 488—489.
[3] Там же, ф. 27, д. 1, л. 62.
[4] Там же, л. 61.
[5] Там же, л. 49.
[6] Там же, л. 61.

дет цел, так как находился в руках и на ответственности того же монастыря. Согласно Великой Российской революции, как первого восстания, а в особенности второго восстания народа от 26 октября, все земли, недра, сельскохозяйственный инвентарь (живой и мертвый) объявлены всенародным достоянием и должны быть охраняемы всеми гражданами государства... При достаточном обсуждении сего единогласно постановили весь инвентарь и все постройки, принятые по описи волостным комитетом, взять на свою общественную... ответственность. Монашки должны уйти, а для охраны хутора мы избрали из среды своих контроль»[1]

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в промышленных районах страны, все более усиливавшаяся агитация большевиков в деревне способствовали революционизированию крестьянства. Во всей стране, в том числе и в Мордовии, происходит изгнание кулаков и их лакеев — эсеров из крестьянских комитетов. Многие из них под давлением революционной борьбы крестьянских масс принимали решения об удовлетворении требований трудовых слоев деревни. Например, Ардатовский уездный земельный комитет 30 октября 1917 года принял постановление о взятии на учет имений помещиков. Помещики и старая администрация совершенно отстранялись от управления имениями. Деятельность выборных управляющих имениями ставилась под строгий контроль специально созданных комиссий из представителей волостных земельных комитетов, волостных Советов крестьянских депутатов и бедноты[2].

* * *

Итак, контрреволюционная политика буржуазного Временного правительства и переход соглашательских партий — меньшевиков и эсеров — на сторону контрреволюционной буржуазии заставили трудящееся крестьянство в первые же дни после победы Февральской буржуазно-демократической революции встать на путь вооруженной борьбы за землю и волю.

Крестьянство Мордовии, следуя призывам большевиков, создавало революционные комитеты. В ряде мест бедняцко-середняцкие земельные комитеты решали земельный вопрос в интересах трудового крестьянства.

Временное правительство, опасаясь того, что крестьянские комитеты могут окончательно взять дело решения аграрного вопроса в свои руки, опираясь на меньшевиков и эсеров, пыталось установить над ними контроль и превратить их в органы защиты собственности помещиков и кулаков. Но уже в период

[1] ЦГА МАССР, ф. 27, д. 6, л. 10.
[2] ЦГА МАССР, ф. 313, оп. 2, д. 1, л. 57.

организации земельных комитетов шла борьба за такие земельные комитеты, которые служили бы делом и правдой интересам бедняцко-середняцких масс деревни.

На деятельность земельных комитетов все большее влияние оказывали большевистские организации и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, находившиеся под руководством коммунистов. Значительная часть земельных комитетов на территории Мордовии (в основном сельские и волостные) под влиянием большевиков выходила из-под эсеровского влияния и вместе с бедняцко-середняцкими массами крестьянства вела борьбу за землю и волю. В процессе борьбы революционные земельные комитеты организованно отбирали часть или все земли у отдельных помещиков. Но в силу контрреволюционной политики меньшевиков и эсеров, являвшихся защитниками политики Временного правительства, помещичье землевладение не было уничтожено вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Основное значение деятельности революционных крестьянских комитетов в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции заключается в том, что они вместе с Советами крестьянских депутатов организовывали деревенские массы на борьбу с помещиками и кулаками.

В процессе революционной борьбы росло политическое сознание деревни, сплачивалось разоренное крестьянство вокруг рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии. Упрочивался боевой союз рабочего класса с крестьянством, являющийся важнейшим фактором победы Великой Октябрьской социалистической революции и проведения в жизнь великой ленинской аграрной программы.

Л. Г. Филатов

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ и СЛУЖАЩИХ МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Железнодорожники Московско-Казанской железной дороги сыграли видную роль в первой русской революции. Они были застрельщиками грандиозной Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года. Они же являлись одной из решающих сил в борьбе с самодержавием в дни декабрьского вооруженного восстания.

Однако изучение революционной деятельности работников железнодорожного транспорта еще не нашло должного освещения в исторической литературе. Достаточно сказать, что этому вопросу в советской исторической науке посвящено лишь три диссертации, около 30 статей и воспоминаний, из которых всего несколько брошюр полумемуарного характера отведено событиям на Московско-Казанской железной дороге[1]. Особенно слабо в исторической литературе дано экономическое обоснование политической активности железнодорожников в первой русской революции. Из дореволюционных авторов в этом направлении кое-что сделали М. Богданов, П. Задерацкий, К. Кетриц, В. Верховский, А. Козловский[2] и др., вынужденные признать крайне тяжелое положение железнодорожников в предреволюционные годы. Защищая интересы господствующего класса, они советовали владельцам железных дорог, как лучше, а главное — безопаснее эксплуатировать рабочих. Н. Спенглер, например, так и назвал свою брошюру «Коэффициент прочности

[1] «1905 год на Казанке», М., 1925; А. Горчилин, 1905 год на Казанке, М., 1934; «За диктатуру пролетариата, за власть Советов. Декабрьское вооруженное восстание на Московско-Казанской железной дороге», М., 1930.

[2] Богданов, Очерки по истории железнодорожных забастовок в России, М., 1906; П. Задерацкий, Наши недуги, М., 1903; К. Кетриц, Нормировка работы и отдыха железнодорожных служащих, СПБ, 1904; В. Верховский, О продолжительности и регламентации работы железнодорожных агентов и служащих, СПБ, 1906; А. Козловский, Увольняемость железнодорожных служащих, СПБ, 1900.

при трехсменном восьмичасовом и двухсменном двадцатичетырехчасовом дежурстве»[1].

Из работ советских историков следует указать две монографии Н. Ростова, в которых он собрал некоторый материал о положении железнодорожников накануне Первой русской революции, а также статьи А. И. Рашина и И. М. Пушкаревой[2]. Но все же многие стороны экономического положения работников железнодорожного транспорта освещены довольно слабо, что особенно относится к истории отдельных дорог и, в частности, Московско-Казанской железной дороге, хотя событиям 1905—1907 гг. на этой магистрали посвящено немало страниц как в общих, так и в специальных работах местных исследователей.

Достаточно сказать, что средние данные о зарплате железнодорожников всей страны, приведенные в 1906 году М. Богдановым, повторяются в работах Н. Ростова, в сборнике «1905 год на Казанке», в статье М. Г. Сафаргалиева и др., что не способствует отражению некоторых особенностей положения рабочих и служащих отдельных железных дорог. Мало улучшают положение статьи А. И. Рашина и И. М. Пушкаревой, так как, во-первых, они также приводят цифры о средней зарплате железнодорожников всей России, причем А. И. Рашин берет период с 1884 по 1914 гг., а во-вторых, статья И. М. Пушкаревой написана с учетом данных сборника «1905 год на Казанке». Он же, имея в целом полумемуарный характер, кроме вышеуказанных недостатков, страдает рядом малоубедительных утверждений. В нем, например, наличие ужасных санитарно-гигиенических условий на Московско-Казанской железной дороге подтверждается данными заболеваемости и смертности среди... текстильщиков (?!) и т. п.[3].

Таким образом, если вопрос о зарплате железнодорожников России накануне Первой русской революции получил определенное решение в ряде статей советских историков, то этого нельзя сказать, например, об организации медицинского обслуживания, образования и т. д., хотя в работах Ростова поднимались и эти вопросы.

По истории Московско-Казанской железной дороги до настоящего времени нет специальной работы. Публикуемая статья является попыткой показать положение железнодорожников этой дороги накануне первой русской революции.

[1] Н. Спенглер, Коэффициент прочности..., СПБ, 1897 г.

[2] Н. Ростов, Железнодорожники в революционном движении 1905 г., М.—Л., 1926; его же. Железнодорожники в первой революции. Сб. «Пролетариат в революции 1905—1907 гг.», М.—Л., 1930, стр. 124—172.

А. И. Рашин, О заработной плате железнодорожников в 1884—1914 г. Вопросы планирования, экономики, статистики, М., 1957.

И. М. Пушкарева, Заработная плата железнодорожников накануне революции 1905—1907 гг. «История СССР», № 3, 1957.

[3] «1905 год на Казанке», М., 1925 г., стр. 8.

* * *

Перерастание «свободного» капитализма в капитализм монополистический вызвало резкое ухудшение положения рабочего класса.

Интенсивный процесс расслоения деревни в пореформенный период, сопровождавшийся разорением крестьянских масс, вел к быстрому росту промышленной резервной армии. Громадная масса разорившихся крестьян уходила работать на фабрично-заводские предприятия и железные дороги. В. И. Ленин, рассматривая процесс образования внутреннего рынка на рабочую силу, среди главнейших каналов ее поглощения указывал именно железные дороги, подчеркивая, что работники железнодорожного транспорта относятся «...к числу рабочих в крупных капиталистических предприятиях...»[1].

В связи с расширением сети железных дорог (1896—1900 годы) возросла и численность железнодорожных рабочих больше чем на 62%.

Интенсивная эксплуатация сети железных дорог привела к неслыханному обогащению железнодорожных монополий России, среди которых одно из значительных мест занимало общество частной Московско-Казанской дороги.

Накануне Первой русской революции Московско-Казанская железная дорога представляла собой крупнейшее монополистическое объединение. Его основной капитал в этот период составлял приблизительно 200 млн. рублей[2], тогда как крупнейшая монополия «Продамета» в 1910 году объединяла 30 предприятий и акционерных обществ с основным капиталом в 174 млн. рублей. А 13 крупнейших петербургских банков имели основной капитал около 550 млн. рублей[3].

Монополистическое объединение Московско-Казанской железной дороги представляло собой огромного хищника, который опутывал своими железными «щупальцами» 6 губерний России[4], ежегодно выкачивая из населения многомиллионные прибыли. Так, в 1901 году владельцы Московско-Казанской железной дороги получили чистого дохода 9.028.605 рублей, а в 1904 году — 11199238 рублей[5].

Значительному обогащению Московско-Казанской железной дороги способствовало то обстоятельство, что она проходила по благоприятным в географическом отношении районам страны: по густонаселенным земледельческим губерниям центральной России и Среднего Поволжья, где слабо была развита промышленность, а свободной рабочей силы имелось больше, чем достаточно. В подтверждение этого можно привести следующий пример. В гор. Саранске и его уезде в начале XX века насчитывалось только 19 промышленных предприятий, на которых работало всего лишь 528 рабочих[1], население же города составляло 13743 человека, из них 2749[2] было взрослых, рабочих мужчин. Следовательно, большая часть взрослого населения не была занята на работах в промышленных предприятиях. Аналогичная картина была в Лукоянове, Арзамасе, Алатыре, Сызрани и других городах, через которые проходила Московско-Казанская железная дорога.

Из губерний Среднего Поволжья, особенно со значительным национальным населением, в начале XX века ежегодно большое количество крестьян уходило на различные заработки. По сведениям уездных земских управ, за 1901 год только из трех уездов Пензенской губернии уходило на заработки 37932 человека[3]. А в 1902 году из двух уездов Тамбовской губернии ушло 30338 человек[4] и т. д. С территории современной Мордовской АССР накануне Первой русской революции, по подсчетам Т. Купряшкина, количество отходников можно определить цифрой около 100 тыс. человек[5]. Все это давало монополистам Московско-Казанской железной дороги огромное количество свободной рабочей силы и создавало дополнительную возможность для обогащения.

Об эксплуатации на промышленных предприятиях и железных дорогах можно судить хотя бы по следующему примеру. Так, статистические данные середины 90 годов указывают, что на предприятиях, подчиненных фабрично-заводской инспекции на подавляющем большинстве заводов и фабрик рабочий день длился 13—14—16 часов в сутки[6].

Еще более тяжелую картину в этом отношении представляли железные дороги страны. В депо и мастерских Московско-Казанской железной дороги, где работало 5585[7] человек, рабо-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 435.

[2] Указатель действующих в империи акционерных предприятий, СПБ, 1907, стр. 2199.

[3] П. Лященко, История народного хозяйства СССР, изд. 2, т. 2, М., стр. 303, 358.

[4] Московская, Рязанская, Пензенская, Симбирская, Тамбовская, Казанская.

[5] Архив Московско-Казанской железной дороги (далее АМКЖД), 1905, д. 2768, лл. 13—15.

[1] А. В. Погожев, Учет численности и состава рабочих России, СПБ, 1906, стр. 143.

[2] Принято считать, что количество взрослых мужчин обычно составляет около одной пятой всего населения.

[3] Подсчет произведен на основании данных, приведенных Т. Купряшкиным. См. Т. Купряшкин, Указ. соч., стр. 36.

[4] Подсчет произведен на основании данных, приведенных в «Сборнике-календаре Тамбовской губ. на 1903 г.», Тамбов, 1903, стр. 45.

[5] Т. Купряшкин, Указ. соч., стр. 37.

[6] «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России», СПБ, 1896, стр. 92, 95, 145, 146.

[7] «Отчет о врачебно-санитарном состоянии эксплуатируемых железных дорог за 1904 год», СПБ, 1906, стр. 12.

чий день длился 16 часов. Но это был не предел. В среднем на дороге для рабочих станционной службы, поездной прислуги рабочий день продолжался 28—36 часов[1], хотя 21 февраля 1891 года и было запрещено МПС двадцатичетырехчасовое дежурство для железнодорожников[2].

Специально созданная в 1901 г. (в связи с крушением воинского поезда) комиссия для «расследования непорядков» на Московско-Казанской железной дороге установила, что подобное положение вызвано не случайными и преходящими моментами, а хорошо продуманным составлением расписания поездов, предусматривающее на участках Рязань—Сасово, Сасово—Рузаевка, Рузаевка—Арапово (Ковылкино) нахождение поездов в пути до 36 часов[3].

Почти круглосуточно работали телеграфисты, а ряд должностей, например, путевые и барьерные сторожа, были вообще связаны с неограниченным рабочим днем[4].

В среднем, с учетом времени отдыха после дежурства, рабочий день на Московско-Казанской железной дороге составлял 17—19 часов. За этот многочасовой изнурящий труд рабочие Московско-Казанской железной дороги получали очень низкую зарплату. В. И. Ленин, останавливаясь на экономической взаимосвязи между этими двумя факторами, отмечал: «Низкая плата и длинный рабочий день всегда идут рядом и одно без другого невозможно... Если рабочее время непомерно длинно,— поясняет далее В. И. Ленин,— то оплата всегда будет низка, потому что при длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне...»[5]

Но прежде чем перейти к вопросу о размере зарплаты железнодорожников, необходимо сделать некоторые предварительные замечания.

Данные о зарплате рабочих и служащих на железных дорогах страны за 1895—1905 гг. представляют значительный интерес, они показывают динамику и размер зарплаты важнейшей и крупнейшей группы пролетариата России, насчитывающей к 1905 г. 751197 человек[6].

При этом нельзя не отметить и того факта, что в организации учета зарплаты на железнодорожном транспорте имелись существенные пробелы и недостатки. В главном источнике по этому вопросу — «Статистических сборниках МПС» нет разделения между рабочими и служащими, а следовательно, и разделения в получении ими зарплаты. Сведения о получении

[1] АМКЖД, 1905, д. 2668, л. 11.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 49, л. 24.
[3] АМКЖД, 1905, д. 2668, л. 18.
[4] «1905 год на Казанке», стр. 28.
[5] В. И. Ленин, Соч., том 2, стр. 257.
[6] «Статистический сборник МПС», вып. 89, таб. XII, стр. 11.

зарплаты рабочими и служащими даны обобщенно. Поэтому нельзя определить, сколько получал рабочий и сколько служащий. К тому же при определении числа поденных рабочих применялись условные расчеты, поскольку данные о размерах зарплаты министерство интересовало лишь как одна из статей издержек производства. Вследствие этого возникает интерес и необходимость изучения оплаты труда ж/д рабочих по годовым отчетам и другим материалам.

Чтобы составить представление о материальном уровне железнодорожных рабочих накануне 1905—1907 годов, необходимо определить в начале их номинальную месячную зарплату, размер которой показывает приводимая таблица 1[1].

№№ пп.	Должность	Зарплата в месяц (руб).		1904 год в % к 1895 году
		1895	1904	
1.	Управляющий дороги	2200	2400	108,4
2.	Начальники служб	750—800	900	113,9
3.	Начальники станций	40—125	40—125	100
4.	Машинисты	25—45	25—45	100
5.	Кочегары поездные	9	10	110
6.	Проводники	10,93—13	10,3—13	100
7.	Стрелочники	10—12	10—12	100
8.	Путевые сторожа	11—12,5	11—12,5	100
9.	Барьерные сторожа	2—2,5	3	106,7
10.	Постоянные ремонтные рабочие	14	13,5	96,4
11.	Телеграфисты	28,8—18,6	28,8—18,6	100

В приведенной таблице прежде всего обращают на себя внимание чрезмерно большие оклады высшей категории служащих и слишком ничтожные — рабочих и служащих низшей категории, что было обычным явлением для России того времени.

Так, управляющий Московско-Казанской железной дороги С. И. Михин получал, например, в 1902 г. 2190 руб., т. е. почти столько же, сколько 217 стрелочников. Оклады верхушки железнодорожной администрации по своей экономической природе являлись не зарплатой, а прибавочной стоимостью, созданной рабочими, что вместе с огромными прибылями владельцев дороги довольно наглядно говорит о нищенском положении железнодорожников накануне Первой русской революции.

Слишком большое различие в оплате труда рабочих на железных дорогах, как показывает таблица, достигалось искус-

[1] Таблица составлена на основании данных АМКЖД, 1905, д. 2750, лл. 12—14, 16—24, 38—54, 100—124.

ственным дроблением профессий на классы и разряды, введением премий за счет уменьшения окладного содержания и т. д.[1]. Так, машинист первого класса получал на Московско-Казанской железной дороге 45 рублей, а машинист четвертого класса — 25 руб; старший стрелочник — 20—23 руб., младший — всего 10—11 руб.[2]. Машинист получал в год поверстных 100%, помощник машиниста — 40,2%, кочегар — 12,4%[3]. Эта система вызывала снижение зарплаты рабочим дороги в целом, на которой в 1895 г. было всего 5 машинистов первого класса[4], из 893 машинистов и их помощников[5]. Больше того, не было одинаковой оплаты за равный труд рабочих одной и той же специальности и квалификации. Так, осмотрщики вагонов ст. Рязань получали в месяц 25 руб., ст. Арапово (Ковылкино) — 26 руб, ст. Сарапск — 28 руб., ст. Алатырь — 27 руб. и т. д.[6]. Имелось различие в зарплате рабочих двух отделений Московско-Казанской железной дороги. Так, если сцепщик вагонов на Московско-Рязанском отделении в среднем получал 18 руб. в месяц, то на Рязано-Казанском отделении—15 руб. в месяц[7]. Квалифицированный рабочий московских мастерских получал приблизительно 30 руб. в месяц, а алатырских—24—26 руб.[8]. Это объясняется тем, что Рязано-Казанское отделение проходило по районам с мордовским, татарским, чувашским населением, которое подвергалось более хищнической эксплуатации, чем население районов, прилегающих к другим участкам дороги. Причем рабочие этих национальностей были заняты на самой тяжелой работе. Так, на станциях Арапово (Ковылкино), Рузаевка, Тимирязево (Красный Узел) рабочие-мордва работали грузчиками, кочегарами, обтирщиками паровозов и вагонов[9]. Многочисленные строительные и ремонтные работы выполняли на дороге, особенно на Рязанско-Казанском отделении, рабочие-татары и др.[10].

Зарплата работников транспорта отличалась необыкновенной стабильностью. За десятилетие, предшествовавшее революции 1905—1907 гг., она почти не увеличилась, если не считать едва заметного роста средних окладов в отделении тяги[11]. Но это не меняло дело, так как произошло понижение зарплаты у постоянных ремонтных рабочих[12]; на Московско-Казанской же-

[1] «Материалы по рабочему движению на ж. д. до 1905 г.» Сб. № 3, 1925, стр. 77.
[2] «Отчет по эксплуатации М-К ж. д. за 1895 г.» М., 1896, ст. 14.
[3] «Материалы по рабочему движению»... стр. 88.
[4] «Отчет по эксплуатации»..., отдел 5, стр. 6.
[5] «О числе служащих и рабочих на русских ж. д.» СПБ, 1906, стр. 76—79.
[6] «Отчет по эксплуатации»..., отдел 5, стр. 30.
[7] «Отчет по эксплуатации»..., отдел 4, стр. 54, 122.
[8] АМКЖД, 1905, д. 2768, лл. 9, 11, 14.
[9] Там же, д. 3136, л. 7.
[10] Г. Ибрагимов, Татары в революции 1905 г. Казань 1926 г., стр. 259.
[11] «Железнодорожная неделя», 1900 г., № 11, стр. 167.
[12] «Материалы по рабочему движению на ж. д. до 1905 г, стр. 86.

лезной дороге она уменьшилась с 13—14 руб. в 1895 г. до 12.5—13 руб. в 1904 г., что объясняется возросшей ролью в производстве временных и поденных рабочих, труд которых оплачивался ниже[1].

Подавляющая часть (92,8%) рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги в 1904 г. получала в среднем 22 руб. в месяц. Правда, из этого числа следует исключить еще 893 машиниста, помощников машинистов, небольшое число пассажирских кондукторов, получавших более 30 руб. в месяц. Они составляли приблизительно 6% от всего числа рабочих и служащих дороги, т. е. 86,8% работников Московско-Казанской железной дороги получали оклад до 22 руб., тогда как 77,6% рабочих и служащих железнодорожного транспорта России получали в месяц по 30 руб.[2]. Это говорит об особенно тяжелом положении рабочих Московско-Казанской железной дороги.

В этом отношении интересно сравнить зарплату железнодорожников с зарплатой рабочих других отраслей промышленности. Но прежде чем перейти к цифрам, необходимо сказать, что специфика работы на транспорте чрезвычайно затрудняет подобные сравнения. Действительно, громадный штат железнодорожников, обслуживающий поезда, находясь в разъездах, вынужден был вести двойной расход: на пропитание семьи и самого рабочего.

Совмещение различных обязанностей на железной дороге было обычным явлением: стрелочники довольно часто выполняли работу сцепщиков, составителей и сторожей. Агенты станционной службы сплошь и рядом занимались коммерческими операциями по отправке пассажиров, багажа и грузов[3]. При этом почти все железнодорожники несли регулярно ночные дежурства и работали круглый год, включая и праздничные дни. Все это значительно затрудняет тарификацию труда в обычном понимании этого слова. Только в отношении рабочих мастерских и депо можно провести довольно определенную параллель с зарплатой рабочих в родственных производствах других отраслей промышленности. Так, на Коломенском паровозостроительном заводе квалифицированный слесарь за 12-часовой рабочий день получал в месяц 27 руб. 25 коп., токарь — 31 руб. 50 коп., в среднем же для всех заводов Московской губернии рабочие этих специальностей получали соответственно: 31 руб. 81 коп., 34 руб. 64 коп., в Рязанской губернии: 30—31 руб., 32—34 руб[4]. На Московско-Казанской железной дороге высококвали-

[1] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 23, лл. 14, 17.
[2] И. Пушкарева, Заработная плата железнодорожников накануне революции 1905—1907 гг., «История СССР», 1957, № 3, стр. 161.
[3] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, 27, л. 3.
[4] «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России», СПБ., 1896, стр. 103, 149.

фицированный слесарь в среднем получал 20—22 руб., токарь— 20—25 руб.[1].

По подсчетам И. М. Кузьминых-Ланина, на предприятиях Московской губернии 88,1% фабрично-заводских рабочих получала в месяц до 30 руб., причем свыше 30 руб. зарабатывало 46% металлистов и лишь 1,6% текстильщиков[2], а на Московско-Казанской железной дороге только 6% высококвалифицированных, долго проработавших и имеющих особое расположение начальства, рабочих и низших служащих получала более 30 руб. в месяц.

Таким образом, если сравнить номинальные оклады работников Московско-Казанской железной дороги с оплатой фабрично-заводских рабочих Московской губернии, наиболее типичной в определении зарплаты всех фабрично-заводских, то становится ясно, что подавляющая часть железнодорожников рассматриваемой дороги получала зарплату на 8—10 руб. в месяц ниже рабочих металлообрабатывающей промышленности и приблизительно настолько же выше, чем рабочие текстильной промышленности, причем больше общего у железнодорожников было с последними, так как рабочие мастерских и депо на дороге составляли 25,9%.

Однако номинальная зарплата еще не может свидетельствовать о материальном положении рабочего класса хотя бы потому, что она значительно снижалась штрафами и различными взысканиями, которые являлись, как отметил В. И. Ленин[3], не только средством жестокой каторжной дисциплины, но и крупным источником доходов империалистической буржуазии. О том, какие огромные суммы получали от штрафов монополии России, подтверждают сведения по железным дорогам страны, на которых в 1903 г. 90% всех железнодорожников было оштрафованными[4]. На Московско-Казанской железной дороге штрафы взимались за неисправную работу, за утерю расчетной книжки, за свист и шум в депо и мастерской, за самовольную отлучку и т. д. Один из старых рабочих насчитывал свыше 11 причин, «дававших право» администрации штрафовать железнодорожников[5].

Размеры штрафов на Московско-Казанской железной дороге составляли в среднем 25% оклада, сплошь и рядом достигая 30—50%. Дело доходило до того, что, не имея возможности заплатить штрафы в один месяц, железнодорожники погашали их на протяжении нескольких месяцев[6].

[1] АМКЖД, 1905, д. 2775, л. 2.
[2] И. М. Кузьминых-Ланин. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии, М., 1911., стр. 2.
[3] См. В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 20.
[4] П. Задерацкий, Наши недуги, М., 1903., стр. 96.
[5] ЦГАОР и СС, ф. 6, оп. 1, д. 27, лл. 35, 36.
[6] АМКЖД, 1905, д. 2774, лл. 17—24.

Кроме штрафов, на железных дорогах широко практиковались вычеты. С машинистов, например, очень много удерживали за перерасход топлива, что при тогдашней технике и нормировке угля было повальным явлением[1]. За каждый перерасходованный сверх нормы пуд угля с машиниста вычитали по 2 коп.[2]. Норма, установленная в 1896 году, при плохом качестве угля, делала это почти неизбежным. Кроме того, нормировка угля 1896 г. была рассчитана на вагоны с грузоподъемностью в 600 пудов, а их в рассматриваемое время почти не было на дороге, вследствие чего машинист, ведя, например, состав из 30 вагонов с подъемной силой каждого по 750 пудов, уже имел в составе 6,5 «лишних вагонов», не предусмотренных нормой 1896 года. Поэтому приходилось машинисту вести эти 6,5 вагона за свой счет. Таким образом, получался замкнутый круг: или плати удержание, или подкупай за свой счет дополнительный уголь.

Если же при помощи различных «хитростей», куда входила непременная подкупка угля, удавалось создать видимость экономии и получить возможность на получение премии, то в первую очередь ее получали начальники депо, у которых она составляла в год 1500—1700 рублей, а у машинистов 100—125 руб[3]. Заметим, что если в 1904 г. премиальные поездным бригадам за экономию топлива оставались на уровне 1896 г., то вычеты значительно возросли.

Наряду со штрафами владельцы Московско-Казанской железной дороги практиковали систему прямого обсчета и обмана рабочих. Так, в 1901 г. артель ремонтно-строительных рабочих обратилась с жалобой в МПС, в которой сообщила, что ее обсчитали на 1225 руб.[4].

Большое распространение на Московско-Казанской железной дороге имели различного рода поборы на строительство бань, больниц, школ и даже на организацию молебнов[5].

Промышленный кризис 1900—1903 гг., а затем русско-японская война еще более ухудшили экономическое положение железнодорожников, с которых ежемесячно стали отчислять деньги на «нужды войны» и 1% — в «Красный Крест», не считая частых единовременных сборов для фронта[6]. По свидетельству дореволюционной железнодорожной печати, штрафы, массовый обсчет, обман и сборы уменьшали фактический размер зарплаты железнодорожников на 20—25% и более.

Еще в большей мере, чем от штрафов и вычетов, реальная зарплата зависела от цен на предметы потребления. У нас нет

[1] ЦГИАЛ, ф. 6, оп. 12, 1905, д. 328, лл. 22—24.
[2] «Железнодорожник», 1905, № 87, стр. 7.
[3] Там же.
[4] АМКЖД, 1905, д. 2117, л. 34.
[5] «1905 год на Казанке», стр. 8.
[6] «Железнодорожник», 1905, № 90, стр. 14—15.

статистических данных, позволяющих судить о реальной зарплате всех железнодорожников Московско-Казанской железной дороги. Поэтому здесь приходится ограничиться иллюстративным материалом, т. е. определить реальную зарплату железнодорожников выборочно, по отдельным губерниям, сведения о которых есть в источниках.

На Рязанско-Рузаевском участке дороги накануне революции среднемесячная зарплата линейных рабочих и служащих составляла 13 руб. 70 коп., на которую должна была существовать семья в среднем в 5 человек[4]. Насколько же обеспечивала эта зарплата удовлетворение самых необходимых потребностей рабочих? Если взять за основу нормы основных элементов питания, необходимых для поддержания организма в состоянии нормальной работоспособности и жизнедеятельности[2], и даже минимальные цены на продукты питания за 1900—1903 гг., то стоимость лишь одного стола семьи железнодорожника из 5 человек (отец, занятый тяжелой работой, мать, тоже работающая, и трое детей) составляла на МКЖД в среднем 35 руб., а в среднем по стране —36 руб. 40 коп.[3]. В таких условиях мясо ели ежедневно, т. е. по скоромным дням 13%, два раза в неделю — 7,5%, а остальные семьи железнодорожников не ели его совсем. Главным продуктом питания служила ржаная мука[4]. Осенняя цена на рожь[5] за 1901—1905 г. в Пензенской и Симбирской губернии была 75 коп. за пуд, Тамбовской — 61 коп. и т. д.[6], мука ржаная на московском рынке в 1900—1904 гг. стоила 96—90 коп.[7], а в среднем по дороге —68 коп. за пуд.

Основным обеденным блюдом семьи железнодорожника была мурцовка[8], постные щи и суп; холостые рабочие обычно в обед ели картошку с огурцом и пили кипяток, если он был[9]. Так жила подавляющая часть линейных рабочих Московско-Казанской железной дороги. Для характеристики материального положения рабочих дороги в целом приведем примерный месячный расход семьи железнодорожника в пять человек[10]:

[1] АМКЖД, 1905, д. 2119, лл. 5—3.
[2] См. А. М. Кирхенштейн, Что необходимо знать о полноценной пище, М., 1952.
[3] П. Задерацкий, указ. соч., стр. 61.
[4] АМКЖД, 1905, д. 2119, л. 7.
[5] Железнодорожники часто покупали зерно на рынках, чтобы избежать дорожную лавку.
[6] «Юго-Восток Европейской России». СПБ, 1911, стр. 68.
[7] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 49 и 79.
[8] Холодная вода, куда крошится хлеб, и все это заправлялось луком и растительным маслом.
[9] А. И. Горчилин, 1905 на Казанке, стр. 5.
[10] Подсчитано на основании данных «Железнодорожник» № 4—6 за 1903 г.; АМКЖД, 1905 г., д. 3214, лл. 2, 6, 9 и 11; «Юго-Восток Европейской России», стр. 68—71; ЦГАОР и СС. ф. 6865, 1, д. 119, лл. 3—6, 8, 17.

Стол	28 руб. 20 коп.
Вода	1 рубль.
Дрова	4 руб. 30 коп.
Керосин	2 руб. 40 коп.
Баня и др. бытовое обслуживание	2 рубля.
Итого:	37 руб. 90 коп.

В среднем номинальная зарплата рабочих Московско-Казанской железной дороги равнялась 22 руб. Следовательно, только стоимость питания даже по самым низким ценам по крайней мере почти вдвое превышала номинальный заработок 86,8% железнодорожников Московско-Казанской железной дороги. Многие же рабочие, как отмечалось выше, получали одну треть и даже четверть той суммы, которая требовалась для приобретения необходимого количества питания.

Но фактическая стоимость питания была значительно выше указанных сумм, во-первых, потому, что при подсчете взят самый низкий уровень цен, какой только существовал в течение года; во-вторых, железнодорожнику не всегда удавалось покупать продукты по минимальной цене; тогда же, когда ему приходилось пользоваться «услугами» дорожной лавки, да еще в кредит, ему приходилось переплачивать за продукты от 10 до 35 процентов[1]. Причем, если номинальная зарплата железнодорожников почти не повысилась по сравнению с 90-ми годами, то цены на товары широкого потребления непрерывно росли, о чем сообщали со всех дистанций Московско-Казанской железной дороги. Так, рабочие и телеграфисты ст. Алатырь, собравшись для обсуждения данного вопроса, вынесли постановление, в котором отметили, что «вследствие прогрессивно возрастающей дороговизны жизни... получаемые оклады так малы, что существовать на 26 руб., даже без семьи, почти невозможно»[2].

Особенно это чувствовалось в таких крупных железнодорожных узлах, как Москва, Рязань, Казань, Пенза и др. Так, стоимость продуктов питания в Москве поднялась (с 1897 по 1903 гг). в среднем от 25 до 60 процентов[3]. Вздорожания достигли таких размеров, что об этом вынуждены были официально доносить в МПС управляющие дорогами России[4].

Наглядное представление об изменении цен на продукты и товары первой необходимости в целом по стране дает следующая таблица, приведенная Н. Рубакиным по подсчетам Финн-Енотаевского[5]. Цены 1890—1899 гг. приняты за 100%:

[1] «Железнодорожник», 1904, № 39, стр. 4—5.
[2] АМКЖД, 1905, д. 3139, л. 29.
[3] «Русские ведомости», 13 февраля 1905 г.
[4] ЦГИАЛ, ф. 273, д. 345, л. 15, д. 343, л. 27, д. 373, л. 50.
[5] Н. Рубакин, Россия в цифрах, СПБ, 1912, стр. 191.

	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907
1. Хлебные продукты	99,3	106,7	111,2	101,1	105,2	115,4	120,8	144,3
2. Животные	117,8	115,3	121,8	121,9	121,7	127,8	137,3	148,4
3. Масличные	108,0	132,1	113,3	94,7	96,7	102,0	115,4	109,5
4. Прядильные	124,5	131,0	124,8	130,0	134,1	127,0	139,8	146,4
5. Москательные	103,2	101,5	99,4	98,9	102,7	105,3	112,7	121,0
6. Бакалейные	102,2	106,4	102,3	103,3	108,0	111,3	110,4	106,5
7. Ископаемые	131,1	109,1	96,5	98,2	106,9	119,0	137,9	141,8

Таким образом, за 1899—1904 гг. цены на продукты питания и товары первой необходимости в среднем выросли на 15,4%, а к 1907 г.— на 31,1%, в то время как номинальная зарплата, за небольшим исключением, оставалась на прежнем уровне, т. е. за годы, предшествовавшие первой русской революции, реальная зарплата стала ниже; происходило абсолютное обнищание пролетариата, по поводу которого В. И. Ленин указывал: «Рабочий нищает *абсолютно*, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать...»[1].

Особенностью абсолютного обнищания железнодорожников являлось то, что здесь на уровень зарплаты не оказывал такого большого влияния, как в фабрично-заводской промышленности, женский и детский труд, так как среди работников железнодорожного транспорта удельный вес их был сравнительно невысок. Правда, с развитием железнодорожной сети и дальнейшим наступлением капитала на материальный уровень рабочих женщины стали играть более значительную роль на железнодорожном транспорте, работая в основном сторожами, конторщиками, телеграфистами, рабочими по охране и ремонту пути. К 1905 г. число женщин на железных дорогах страны превышало 33 тыс. человек[2]. На Московско-Казанской железной дороге из 21593[3] рабочих и служащих работало 1943 женщины[4].

Аналогичное явление наблюдалось и с детским трудом.

Так, в 1899 г. на железной дороге страны среди поступивших на работу детей было всего 0,4%, а 71,9% — в возрасте от 20 до 35 лет[5].

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 405.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 49, л. 74.
[3] «О числе служащих и рабочих...», стр. 76—79.
[4] Подсчитано автором на основании данных АМКЖД, 1905, д. 1949, лл. 16—27.
[5] Подсчитано автором по данным журнала «Железнодорожная неделя», 1900, № 46, стр. 724—725.

Второй особенностью железнодорожного производства, оказывавшей серьезное влияние на материальное положение рабочих, было большое количество служащих, получавших зарплату, черпаемую из прибавочной стоимости, созданной рабочими. Накануне революции на Московско-Казанской железной дороге 1562 служащих работало в центральном и местном управлении[1]. Эта часть персонала дороги, особенно 556 человек центрального управления, получала довольно значительные, в несколько десятков раз превышающие зарплату рабочих, оклады.

На снижение реальной зарплаты постоянных железнодорожников оказывала влияние все возрастающая роль временных и поденных рабочих. Так, в службе пути и строений на Московско-Казанской железной дороге в 1904 году из 8829 рабочих[2] временных и поденных насчитывалось свыше 51%, что было характерным для всех служб и всех железных дорог страны. Труд временных рабочих оплачивался ниже постоянных. Следует заметить, что эта категория рабочих в среднем получала на казенных ж/дорогах по 21 рубл. в месяц, а на частных — 20 рублей[3]. Больше того, поденные и повременные рабочие и служащие получали не повременную, а сдельную оплату, что было очень выгодно для железнодорожных монополий, так как установление заниженных расценок на сдельную работу увеличивало интенсивность труда рабочих и служащих, стремившихся повысить свой дневной заработок. Не случайно поэтому на железных дорогах страны эта категория железнодорожников составляла 46%[4].

Зарплата железнодорожников снижалась еще и потому, что рабочие и служащие пути получали небольшие земельные участки, размеры которых зависели от окладов и колебались на Московско-Казанской железной дороге от 1 до 3 десятин[5].

Хотя обладание небольшим участком земли несколько и облегчало материальное положение рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги, но в целом это являлось средством снижения зарплаты всех железнодорожников, т. к. первые представители, как говорил В. И. Ленин, типичных рабочих с наделом[6], который к тому же привязывал рабочего к земле, что было в условиях огромной текучести рабочей силы на железнодорожном транспорте также немаловажным фактором для предпринимателей. При этом не следует забывать, что на Московско-Казанской железной дороге земельные наделы получали лишь 20—25% всех линейных рабочих и служащих.

[1] «О числе служащих и рабочих...», ст. 66—68.
[2] Там же, стр. 50—51, 60—61.
[3] «Статистический сборник МПС», вып. 89, таб. XII, ст. 1, стр. 10—11.
[4] Там же, вып. 89, таб. XII, стр. 10—11
[5] АМКЖД, 1905, д. 3106, лл. 11—13.
[6] См. В. И. Ленин, Соч., том 2, стр. 371.

Земля выдавалась не бесплатно, а в рассрочку на несколько лет[1]. Следовательно, это тоже вело к снижению реальной зарплаты.

Наряду с указанными выше обстоятельствами на абсолютное обнищание пролетариата влияло ухудшение жилищных условий рабочих. На частных железных дорогах[2] вопрос о получении квартиры полностью зависел от произвола управляющего дорогой. На Московско-Казанской железной дороге казенные квартиры или квартирные деньги имели инженерно-технический состав, высшие и средние служащие и очень незначительное число мелких служащих и рабочих: всего на дороге таких насчитывалось 7241 человек, или 33,5% всех штатных рабочих и служащих[3].

О том, что представляли из себя «квартиры» рабочих, красноречиво говорит железнодорожная печать того времени. «Квартиры служащих,—сообщалось в одной статье,— не просторнее гроба, удобства в них, как в самом плохом хлеву»[4]. «Квартиры это или сарай?»— спрашивалось в другой[5] и т. д. И действительно, на ст. Рузаевка существовало единственное «артельное помещение размером в 8,34 кв. сажени», в котором ютилось 14 штатных рабочих[6]. Верхом благоустройства считался барак, в котором на каждого человека приходилось 3—5 кв. метров[7]. Подавляющая часть рабочих Московско-Казанской железной дороги жила или в деревнях, находящихся зачастую за много километров от железной дороги, или в бараках и землянках, построенных из старых шпал, или в товарных вагонах[8].

Хуже дело обстояло в этом отношении в Москве, Рязани, Казани, Симбирске и др. городах, где зачастую за однокомнатную квартиру приходилось платить от 15 до 30 рублей в месяц, да за керосин и дрова 4—6 руб.[9]. Вследствие такой высокой стоимости жилищ снимать даже убогую, отдельную квартиру, могли лишь наиболее квалифицированные железнодорожники. Основная же масса рабочих ютилась по чердакам и подвалам, «каморкам и «углам».

Резкое повышение интенсификации труда, отсутствие элементарной техники безопасности, невыносимые жилищные условия оказывали губительное действие на здоровье железнодорожников и их семей. Особо следует остановиться на условиях труда рабочих Московско-Казанской железной дороги. Здесь было очень слабое верхнее строение пути, большая часть которого уложена рельсами давно устаревшего типа—IV, IVа и даже IIIа. Во многих местах, особенно на Рязано-Казанском отделении, на поворотах не имелось, вопреки техническим требованиям, дополнительных костылей, а на Симбирском участке их не было совсем[1]. Мало средств отпускалось на ремонт пути, особенно на участках Рязань — Казань, Сызрань — Рузаевка, Рузаевка — Пенза. Так, на ремонт пути Московско-Рязанского участка в 1900 г. ассигновалось по 3168 руб. на версту, а на Рязано-Казанском — лишь по 754 руб.[2].

На дороге совершенно не соблюдалась техника безопасности. Не удивительно, что Московско-Казанская железная дорога в ряду дорог приблизительно одинаковой с нею протяженности и пробега занимала по числу происшествий наиболее угрожающее положение. Так, например, в 1900 г. на ней было 1129 различных происшествий и несчастных случаев, тогда как на Либаво-Роменской — 796, на Сызрано-Вяземской — 438, на Харьково-Николаевской — 738.[3] Дело доходило до совершенно курьезных случаев, когда в 1905 г. близ ст. Перово произошло столкновение трех поездов, в результате которого 11 рабочих были тяжело ранены, 20 получили серьезные травмы и ушибы, а один скончался.[4] Не менее «выдающийся» случай произошел в 1903 г., когда поезд наехал на пассажирское здание ст. Рязань, так как из 5 тормозящих (на большинстве поездов был ручной тормоз, как сообщали в печати) только 3 тормозили[5]. Дело в том, что из 152 паровозов Московско-Казанской железной дороги только 20 были приспособлены для непрерывного торможения поездов и 19 паровозов — с аппаратурой для изменения хода поезда[6]. В этом крылась одна из причин частых крушений на Московско-Казанской железной дороге. Поэтому не случайно по количеству ушибов, получаемых рабочими, Московско-Казанская железная дорога стояла на 8 месте из 33 железных дорог страны. На нее в 1904 году падало 3678 подобных случаев из 96837 зарегистрированных[7].

Продолжительное нахождение в пути, отсутствие столовых и буфетов, а зачастую и хорошей питьевой воды сказывалось также на здоровьи железнодорожников. В 1904 г. на Москов-

[1] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 50, л. 3.
[2] На казенных железных дорогах право штатных рабочих и служащих на квартиру или дополнительные квартирные деньги определялось положением 1891 г.
[3] Подсчитано автором по данным «О числе служащих и рабочих...», и АМКЖД, 1905, д. 3226, лл. 2—4.
[4] «Железнодорожник», 1905, № 90, стр. 14.
[5] Там же, 1904, № 37, стр. 11.
[6] АМКЖД, 1905, д. 3112, л. 4.
[7] ЦГАОР и СС, ф. 6965, оп. 1, 49, л. 47.
[8] Там же, лл. 47—51.
[9] См. «Железнодорожник», 1905, № 90, стр. 14; «Железнодорожная неделя», 1900, № 1, стр. 8—9; «Железнодорожная неделя», 1900, № 8, стр. 122—123.

[1] АМКЖД, 1905, д. 3118, лл. 15, 81.
[2] Там же, д. 189, л. 18.
[3] Там же, л. 24.
[4] «Железнодорожное дело», № 1, 1906 г., СПБ, стр. 11.
[5] Там же, СПБ, 1906, № 8, стр. 106—107.
[6] «Статистический сборник МПС», вып. 46, СПБ 1897, таб. III, стр. 10.
[7] «Отчет о врачебно-санитарном состоянии эксплуатируемых ж. д. за 1904 г...», стр. 119—120.

ско-Казанской железной дороге было 7526 больных только желудочно-кишечным катаром[1] из 20209 служащих и постоянных рабочих, т. е. болел только желудочными болезнями почти каждый 3-й человек. Не лучше было положение в депо и мастерских дороги, где в тяжелых антисанитарных условиях работало 5585 рабочих[2]. В депо было холодно, дуло, не хватало света, вспоминал машинист Байкузов, поступивший в 1900 г. в депо ст. Рузаевка[3]. Канавы почти нигде не очищались, дополнял Иванов, работавший в депо ст. Сасово, приходилось лазить под паровозами в грязи и холодной воде, смешанной с мазутом и копотью[4].

На дороге не хватало депо и гаражей (стойл) для паровозов, поэтому ремонт и осмотр паровозов приходилось делать в любое время года на открытом воздухе. Так, на ст. Рузаевка в 1900 г. было всего 12 гаражей для находившихся в эксплуатации 39 паровозов, на ст. Арапово (Ковылкино)—7 гаражей на 27 паровозов и т. д.[5].

Мастерскими назывались тогда, вспоминает Ф. А. Нусбаум, работавший в предреволюционные годы в Перовских мастерских, насквозь промерзшие и прокопченые сараи, по которым носились хлопья снега, сажи и дыма[6]. Еще более тяжелые условия были в Алатырских мастерских, где совершенно отсутствовала вентиляция, в некоторых цехах стоял страшный грохот, канавы не очищались неделями, рабочие мокрые, по колено в грязи ремонтировали паровозы и вагоны.

Не случайно поэтому был высок на Московско-Казанской железной дороге процент кожных заболеваний. В 1903 году только чесоткой болело 3095 человек. Дорога занимала по числу этих заболеваний 4-е место из 32 и 6-е место — по болезням уха[7].

Совершенно хищническое отношение монополистов Московско-Казанской железной дороги к здорвью рабочих становится еще очевиднее при знакомстве с организацией медицинского обслуживания. Каждая дорога во врачебно-санитарном отношении делилась на участки, которыми заведовали участковые врачи.

На Московско-Казанской железной дороге их было 13. Средняя протяженность участков равнялась 159 верстам, что значительно превышало среднеустановленную норму (60—120 верст) и дорога в этом отношении занимала «первое» место в России. В свою очередь, каждый врачебный участок делился

[1] Отчет о врачебно-санитарном состоянии эксплуатируемых ж. д. за 1904 г...», стр. 119—120.
[2] Там же, стр. 12.
[3] АМКЖД, д. 2675, л. 17.
[4] АМКЖД, 1905, д. 3134, л. 4; ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 27, л. 4.
[5] Там же 1905, д. 3118, л. 2.
[6] Там же, л. 1—3.
[7] «Очет о врачебно-санитарном состоянии....,» стр. 230—231.

на околодки, находившиеся в ведении фельдшеров. На Московско-Казанской железной дороге было 24 фельдшерских и 11 акушерских околодков, на которые приходилось соответственно 86 и 188 верст при норме от 30 до 50 верст[1]. В среднем на врачебный участок приходилось 5324 человека, на фельдшерский околодок — 2884 человека при 4013 и 1898 в среднем для всех частных железных дорог[2].

В состав врачебного персонала входило 19 врачей, 35 фельдшеров, 11 акушерок и 33 человека обслуживающего персонала. И это на 69218 человек населения дороги.[3]

На Московско-Казанской железной дороге была всего одна больница на ст. Арапово (Ковылкино) с 10 койками и 25 приемных покоев с 42 койками.[4] Ежегодно лечилось в больнице не более 4—7% всех больных, процент которых нередко падал еще ниже, как это было в 1901 г., когда на дороге лечилось всего 2,11%.[6] В 1904 г. среди 12 дорог, имевших наибольший процент больных, куда входили рабочие, служащие и их семьи, Московско-Казанская железная дорога занимала второе место. Что же касается заболеваемости самих рабочих и служащих, то здесь уже не первый год первенствовала Московско-Казанская железная дорога, которая на 185,2% превышала средний уровень заболеваемости на всей железнодорожной сети страны.

Наибольшую поражаемость среди железнодорожников давали службы: телеграфная, поездная, депо-поездная и станционная, среди болезней на первом месте шли болезни пищеварения, дыхательных путей, заразные, травматические повреждения, болезни нервной системы. Инвалидность выше средней наблюдалась в поездной службе и депо-поездной[8].

В среднем на одного больного на Московско-Казанской железной дороге расходовался 1 рубль 07 коп., тогда как по всем дорогам — 1 руб. 53 коп.[9], в то время как в отдельном корпусе пограничной службы на «охрану здоровья лошади» ежегодно тратилось 4 руб. 85 коп.[10] Это как нельзя лучше характеризует постановку медицинского облсуживания на железнодорожном транспорте России.

Об абсолютном обнищании рабочего класса накануне Первой русской революции говорит почти полная неграмот-

[1] «Отчет о врачебно-санитарном состоянии... за 1904 г. «СПБ», 1906, стр. 16—17.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 4—5, 16—17.
[4] Там же, стр. 17.
[5] Там же, стр. 22—23.
[6] Там же, стр. 18.
[7] «Отчет о врачебно-санитарном состоянии...», стр. 18.
[8] Там же, стр. 17—18.
[9] АМКЖД, 1905, д. 3143, л. 4.
[10] Н. Ростов, Железнодорожники в революционном движении 1905 г. М.—Л., 1926 г., стр. 14.

ность среди железнодорожников страны, не имевших средств для образования. Среди них до 1904 года даже не учитывалось количество детей школьного возраста.

В 1904 г. число детей железнодоржников школьного возраста составляло 218421, на Московско-Казанской железной дороге — 6921 человек. На всех железных дорогах страны было всего 332 школы, в которых училось лишь 45921 человек[1], или 21% от всего количества детей железнодорожников[2]. На Московско-Казанской железной дороге было всего две школы, в которых работало с 334 учащимися 8 учителей[3]. Школ не было даже на таких крупных станциях, как Сасово, Ковылкино, Лукояново, Зеленодольск и т. д.[4].

На одну школу Московско-Казанской железной дороги приходилось 3017 детей 7—14-летнего возраста при 782 по всем частным железным дорогам страны. Московско-Казанская железная дорога занимала последнее место в России по количеству верст дороги: на одну школу — 996 верст[5], что больше чем в 4 раза (208,3) превышало в среднем для всех частных дорог.

Чрезвычайную важность для рабочих имел вопрос платы за обучение. На различных дорогах разрешался он в высшей степени разнообразно, но ясно одно (это признавала печать того времени), «что средств на обучение детей положительно не хватает»[6]. Из 32 железных дорог страны только на 7 существовало бесплатное обучение (Балтийской, Баскунчакской, Пермской, Риго-Орловской, Средне-Азиатской, Уссурийской и Московско-Казанской)[7], на остальных была установлена плата, размеры ее колебались от 2 до 24 руб. в год за каждого ученика[8]. Но что стоило бесплатное обучение на 7 вышеуказанных дорогах, если оно исключало подавляющее большинство детей школьного возраста, охватывая, например, на Московско-Казанской железной дороге всего 4,9% всех детей школьного возраста. Поэтому не удивительно, что по официальным, значительно преуменьшенным данным, в 1903 году на дороге было неграмотных 33,1% и малограмотных детей лишь 2,3%[9].

Необходимо отметить, что за счет таких городов, как Москва, Рязань, Казань, Пенза, а также железнодорожных станций Коломна, Саранск, Арзамас и др., где были городские школы, процент грамотности повышался, на линии же дороги он составлял не более 25—30%.

На Московско-Казанской железной дороге не было ни библиотек, ни читальных залов, не говоря уже о железнодорожном клубе и других культурно-просветительных учреждениях.

Большей забитости, обезличенности, как на железнодорожном транспорте, трудно было найти в других отраслях промышленности. На Московско-Казанской железной дороге администрация не считала рабочих и служащих за людей, не признавала за ними никаких человеческих прав. На дороге процветало рукоприкладство и т. п.

Беспредельна была власть железнодорожной жандармской полиции. Ни один человек не мог быть принят на железнодорожную службу без разрешения железнодорожной полиции, причем поступающий обязан был явиться в жандармское управление, внимательно следившее за «благонадежностью» рабочих.

Таким образом, тяжелое экономическое положение, низкий уровень жизни, бесправие обострили классовую борьбу на Московско-Казанской железной дороге и обусловили активное участие железнодорожников данной магистрали в первой русской революции.

---

[1] «Журнал Министерства народного просвещения», апрель, 1907, ч. VIII, СПБ, 1907, стр. 117, 138—139.

[2] При сборе данных сведений принимались в расчет данные восьми возрастных групп: 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 лет.

[3] См. «Журнал Министерства народного просвещения», стр. 138—139.

[4] АМКЖД, 1905, д. 3117, л. 4.

[5] См. «Журнал Министерства народного просвещения», стр. 138—139.

[6] «Железнодорожник», 1904, № 39, стр. 3—5.

[7] «Журнал Министерства народного просвещения», стр. 138—139.

[8] ЦГАОР и СС, и ф. 6865, д. 64, лл. 131—134.

[9] «Журнал Министерства народного просвещения», стр. 119.

[10] Там же, лл. 47—51.

Л. Г. Филатов

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКЕ 1905 ГОДА

До настоящего времени еще нет специальных исследований, посвященных революционной борьбе рабочих Московско-Казанской железной дороги. Хотя авторы ряда статей[1], сборников[2] и воспоминаний[3], а также общих работ[4] о первой русской революции касаются этого вопроса[5], но недостаточно полно освещают ход революционных событий на этой магистрали, рассматривают лишь отдельные эпизоды борьбы железнодорожников Москвы, Перова, Сасова, Рузаевки, что не позволяет создать цельное представление о силе и размахе стачечного движения на всей дороге, определить ее место и значение в общем революционном движении работников железнодорожного транспорта всей России.

Кроме того, в указанных работах недостаточно четко и полно показано влияние и руководство большевиков и пролетариата Москвы, Н.-Новгорода, Казани, Сызрани и Батраков на развитие революционного движения среди рабочих и служащих линии Московско-Казанской железной дороги, большая часть которой проходила по промышленно отсталым национальным районам Поволжья. Особенно слабо во всех работах раскрывается период подготовки октябрьской всеобщей забастовки.

В данной статье делается попытка показать период подготовки и проведение Октябрьской стачки 1905 года на Московско-Казанской железной дороге в целом и среди железнодорожников Мордовии в частности.

* * *

Рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги принимали активное участие в первой русской революции. Но на различных ее этапах степень этого участия была далеко не одинаковой. Так, четырехдневная январская забастовка (с 14 по 17 января) железнодорожников данной магистрали не вышла даже за пределы Московской губернии. Она охватила только 3—3,5 тыс. рабочих Московских и Перовских мастерских и частично Московского депо[1].

В феврале 1905 года железнодорожный пролетариат Москвы и ближайших станций увлек за собой уже не только своих служащих, но и железнодорожников линии, в частности Мордовии. Стачка в целом по всей дороге продолжалась 20 дней, с 4 по 24 февраля[2]. В ней участвовало 8—9 тыс. рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги[3].

По революционной активности среди работников железнодорожного транспорта России Московско-Казанская железная дорога в феврале занимала уже третье место[4].

Однако первый январо-февральский натиск революции был не настолько сильным, чтобы свалить самодержавие. Поэтому большевистская партия во главе с В. И. Лениным сразу же приступила к организации нового штурма, придавая большое значение в его подготовке и проведении железнодорожникам.

Огромное значение в деле выбора форм и методов революционной работы среди железнодорожников, в определении их места и задач в период свержения самодержавия сыграл III съезд РСДРП, проходивший под руководством В. И. Ленина. Съезд разработал план вооруженного восстания, одним из важнейших пунктов которого было проведение массовых политических ста-

---

[1] Б. Кругляков, Революционное движение среди железнодорожников в 1905 г., «Пролетарская революция» № 11, (46,) 1925; его же, Профессиональное движение железнодорожников в 1905—1907 гг., «Красная летопись», № 3 (18); *М. Г. Сафаргалиев* «Участие рузаевских рабочих в революции 1905—1907 гг., «Литературная Мордовия» № 10, Саранск, 1955; И. М. Пушкарева, Железнодорожники России — активные участники Октябрьской политической стачки 1905. «Вопросы истории», № 12, 1958.

[2] 1905 год на Казанке, М.—Л., 1925; 1905 год, т. 2, М.—Л., 1925; Железнодорожники в 1905 году, М., 1940.

[3] 5-й год. Сборник второй, М.—Л., 1926; А. И. Горчилин, 1905 год на Казанке, М., 1934.

[4] Н. Ростов, Железнодорожники в революционном движении 1905 г, М.—Л., 1926; его же, Железнодорожники в первой революции. Сб. Пролетариат в революции 1905—1907 гг. «М.—Л., 1930; И. В. Спиридонов, Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года, М, 1955; *И. И. Фирстов*, Мордовия в годы первой русской революции, Сараиск, 1955 г. и др.

[5] Здесь не названы сборники документов и материалов, касающихся данной темы.

[1] Архив Московско-Казанской железной дороги. Далее АМКЖД, 1905. д. 3246, лл. 3—5, 9.

[2] Н. Ростов, Железнодорожники в революционном движении 1905 г., М.—Л., 1926, стр. 37.

[3] Подсчитано автором по данным АМКЖД, 1905, д. 3257, № 6, 11, 19, 24, 36.

[4] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 63, лл. 340—346.

чек, в организации и участии которых огромное значение придавалось всеобщей забастовке железнодорожников.

III съезд РСДРП подчеркнул также особую важность агитационной и пропагандистской работы партии и поручил ЦК принять ряд мер в этом направлении. Некоторые из них непосредственно относились к работе большевиков Московско-Казанской железной дороги. Так, съезд поручил ЦК «...в) принять меры к организации разъездных групп агитаторов и пропагандистов для содействия местным центрам; г) озаботиться изданием пропагандистской ...литературы на жаргоне и других языках...»[1].

Решения III съезда были встречены большинством партийных организаций как боевая программа борьбы за победу революции и легли в основу всей практической деятельности большевистской партии.

Большевики Московско-Казанской железной дороги развернули большую пропагандистскую и организационную работу по подготовке всеобщей железнодорожной забастовки. Для руководства революционной борьбой железнодорожников в середине мая 1905 года на конференции большевиков-железнодорожников был создан железнодорожный районный комитет большевистской партии во главе с членом МК РСДРП Н. Н. Мандельштамом[2]. Новый райком партии объединял все партийные организации Московского железнодорожного узла, но его влияние и руководство распространялись далеко за пределы Москвы. От Московско-Казанской железной дороги в райком были избраны Горчилин, Коротков, Белоруссов и Котляренко[3]. Представители этой магистрали играли наиболее активную и ведущую роль во вновь созданном райкоме.

МК РСДРП, придавая большое значение развитию революционного движения на Московско-Казанской железной дороге, уделял ей особое внимание. Так, на одной из конференций был заслушан отчет большевика А. И. Горчилина о результатах проведения кратковременных митингов на МКЖД, чтобы затем передать опыт революционной работы железнодорожникам других магистралей. А. И. Горчилин закончил свое выступление словами, образно и точно характеризующими силу и размах революционного движения на дороге: «Казанцы показали свою организованность на деле: действовали как гренадеры»[4].

Революционной борьбой железнодорожников и подготовкой всеобщей железнодорожной стачки на Московско-Казанской железной дороге руководили несколько организаций и групп большевистской партии.

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7-е, стр. 83—84.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 117, л. 6.
[3] АМКЖД, 1905, д. 2875, л. 16.
[4] А. И. Горчилин, 1905 год на Казанке. М., 1934, стр. 14.

В Москве хорошо сплоченную и активную большевистскую организацию возглавляли Горчилин, Белоруссов и Котляренко. Руководство и влияние этой партийной организации распространялось не только на рабочих и служащих депо, мастерских и станции Москва, но простиралось до Рязани и дальше, куда столичные большевики часто посылали своих агитаторов[1].

В Перове большевистская группа в тесном контакте с москвичами развернула активную работу по подготовке всеобщей стачки среди рабочих мастерских и железнодорожников ближайших станций и линий. Наибольшую активность здесь проявляли рабочий-инструментальщик Нусбаум и маляр Прокофьев[2]. Успешно развивали свою деятельность по сплочению и организации сил железнодорожников большевистские группы Егорьевска, Коломны, Сызрани и Алатыря[3].

Однако влияние и руководство большевистской партии революционным движением железнодорожников по всей линии Московско-Казанской железной дороги было далеко неравномерным и охватывало главным образом ее Московско-Рязанское отделение. Среди рабочих и служащих Рязано-Казанского отделения дороги руководство большевистской партии было значительно слабее. Только в Алатыре имелась небольшая большевистская группа во главе с Г. П. Балятинским и Н. К. Воронковым[4], причем деятельность этой организации в основном ограничивалась лишь алатырскими мастерскими и ближайшими разъездами.

Особенно остро ощущался недостаток в конкретном повседневном партийном руководстве в районе Арапово (Ковылкино) — Рузаевско-Атяшевского и Сурского участка Московско-Казанской железной дороги.

Основной причиной, тормозившей дело улучшения и расширения большевистского руководства рабочим движением Мордовии и всего Среднего Поволжья, в то время являлся серьезный недостаток в опытных партийных руководителях. Положение осложнялось еще и тем, что в этом индустриально отсталом районе было сравнительно мало крупных промышленных предприятий с большим революционным прошлым. Уделяя большое внимание росту революционной борьбы во всех районах страны, в частности Поволжья, В. И. Ленин, ЦК большевистской партии неоднократно указывали своим организациям в Н.-Новгороде, Казани, Пензе и Тамбове пути преодоления этих трудностей. «Надо в работу втягивать побольше народу, воспитывать людей на работе»,— писала Н. К. Крупская Нижегородскому комитету РСДРП[5].

[1] АМКЖД, 1905, д. 3597, лл. 2, 10, 17.
[2] Там же, лл. 4—5.
[3] Там же, д. 3620, лл. 11, 26, 74.
[4] Там же, д. 3621, л. 17.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 13, д. 19781, л. 1.

Весной и летом 1905 года большевистские комитеты крупных революционных центров провели большую работу по укреплению и созданию новых партийных организаций. Огромное значение в этом сыграло создание в августе 1905 года самостоятельной руководящей партийной организации Московской губернии — окружного комитета РСДРП. В состав ОК РСДРП входили: А. В. Шестаков, много и активно работавший среди железнодорожников этой дороги, П. Г. Смидович, С. А. Бородицкий, С. В. Модестов и др. Окружной комитет партии оказал действенную помощь большевикам Московско-Казанской железной дороги, проделав значительную работу по укреплению и созданию партийных организаций и групп в Егорьевске и Коломне, которые развернули[1] энергичную деятельность среди железнодорожников за подготовку всеобщей стачки.

Нижегородский комитет РСДРП восстановил летом 1905 г. большевистскую группу в г. Арзамасе[2], что значительно приблизило партийное руководство к железнодорожникам Мордовии. Этой организацией руководила пропагандистка Нижегородского окружного комитета РСДРП М. В. Гоппиус[3].

Однако укрепление и расширение большевистского руководства революционным движением в районе Московско-Казанской железной дороги и на самой магистрали тормозилось отсутствием достаточной согласованности между большевистскими организациями Москвы, Н.-Новгорода, Казани, Пензы, Симбирска и Тамбова. Недостаточна была их связь и с ЦК большевистской партии.

Для налаживания и улучшения согласованности в работе местных большевистских организаций, особенно Московского промышленного района и Поволжья, была предназначена по заданию В. И. Ленина летняя поездка видного деятеля большевистской партии М. Н. Лядова[4].

Благодаря принятым ЦК партии мерам работа большевистских организаций на Московско-Казанской железной дороге и в прилегающих районах значительно оживилась, приняла более целенаправленный характер. В конце августа 1905 года в ЦК РСДРП с большим удовлетворением отмечали, что «...работа в партии страшно растет, у комитетов теперь громадные связи... недурно идет работа в Нижнем...[5]

Важное значение для дальнейшего расширения влияния большевистской партии на железнодорожников Московско-Казанской железной дороги имел тот факт, что большевикам до-

[1] И. В. Спиридонов, Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955, стр. 30.
[2] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, д. 5, 22, 1905, л. 3.
[3] «Арзамасская правда», 1955, 23 октября.
[4] М. Лядов, Из жизни партии, М., 1956, стр. 84—85.
[5] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, д. 5, ч. 27, 1905, лл. 145—146.

роги удалось сплотить вокруг себя довольно значительное количество беспартийных железнодорожников. Среди них в московских мастерских были рабочие А. Малистов, А. Токарев; в Перове — И. Гаврилов, Кондаков; в Рузаевке — Байкузов, Макаров, Власов; в Алатыре — Мошкин, Касаткин и многие другие[1]. Особенно важное значение это имело для Рязано-Казанского отделения дороги, где было мало большевистских организаций, здесь беспартийные, сочувствующие большевикам, оказывали революционизирующее влияние на массы. Так, железнодорожники Рузаевки летом 1905 года установили связь с транспортным Бюро ЦК РСДРП Восточного района, находившегося в то время в Саратове, с Пензенской группой РСДРП, улучшили связи с МК РСДРП[2]. На станции и в ее районе все чаще стали появляться большевистские листовки и воззвания, брошюры и газеты «Вперед», «Новая жизнь».

Немалое значение в подготовке всеобщей забастовки играли профсоюзы. В них все большее влияние завоевывали большевики и примыкавшие к ним беспартийные активисты, выдвинутые революционным творчеством восставшего народа.

Придавая огромное значение роли профсоюзов в революционном сплочении железнодорожников, большевистская партия развернула работу по созданию профсоюзов. Еще в феврале МК РСДРП в листовке «Ко всем железнодорожным рабочим» указывал на необходимость создания железнодорожного союза, на важность руководства им со стороны большевистской партии[3].

Огромная разъяснительная и организационная работа большевиков-железнодорожников Московского узла дала первые результаты. В начале апреля 1905 года был организован Союз железнодорожных служащих Московского узла при МК РСДРП[4], который объединял только железнодорожных рабочих и служащих низшей категории московского узла и ближайших станций. Союз успешно боролся с меньшевистской проповедью нейтральности профсоюзов, за руководство ими со стороны большевистской партии.

В ходе дальнейшего развития революции все больше сказывалась необходимость создания союза железнодорожников всей страны, тем более, что идея объединения давно уже овладела массами работников железнодорожного транспорта России. Такой союз был создан 20—21 апреля 1905 года в Москве на Первом железнодорожном съезде, в котором участвовали пред-

[1] АМКЖД, 1905, д. 3625, лл. 1—3, 18, 117, 119.
[2] М. Г. Сафаргалиев, Участие рузаевских рабочих в революции 1905—1907 гг., «Литературная Мордовия». № 10, Саранск, 1955, стр. 202.
[3] «Листовки московских большевиков в период первой русской революции». М., 1955, стр. 77.
[4] См. «Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 г., вып. 2, 1924, стр. 185—186.

ставители 10 дорог. Создание Всероссийского железнодорожного союза (ВЖС) было серьезным шагом вперед в деле организации и сплочения неоднородной по своему социально-экономическому и политическому положению 750-тысячной армии работников железнодорожного транспорта.

Устав и программа ВЖС, разработанные на первом съезде, показали, что в Центральном бюро союза большую роль играли эсеры и «освобожденцы». Так, в программе ВЖС в качестве основного политического требования выдвигались лишь общедемократические требования свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек и т. д.[1]. Главной же целью организации ВЖС считал улучшение материального и служебно-правового положения работников железнодорожного транспорта, имея в виду главным образом интересы высшей и средней категории служащих, а также наиболее высокооплачиваемых служащих и рабочих.

Такая позиция ЦБ ВЖС серьезно осложнила работу большевистской партии среди железнодорожников и потребовала от большевистских организаций немедленных мер противодействия.

Большевики Московско-Казанской железной дороги сразу же повели решительную борьбу и в ЦБ ВЖС и в местных отделениях Союза на дороге с мелкобуржуазными эсеровскими и меньшевистскими взглядами. В многочисленных листовках и в устной агитации они разоблачали либеральные замашки руководства Союза и призывали железнодорожников еще теснее сплотиться вокруг большевистской партии[2].

При создании профсоюзных организаций на линии дороги большевики взяли инициативу в свои руки. Они повели энергичную и дружную работу по вовлечению железнодорожников в союз, ведя упорную борьбу как с эсеровским влиянием ЦБ ВЖС, так и с политической отсталостью некоторой части железнодорожников, особенно на Рязано-Казанском отделении дороги и территории современной Мордовии. Для организации местных профгрупп большевики посылали своих представителей, иногда даже не членов партии, а сочувствующих ей и на деле проводивших линию партии. Так, в Сасове, Арапове (Ковылкино) и Рузаевке профсоюзы создавались при непосредственной помощи Ухтомского и Воробьева, которые в конце мая 1905 года были направлены профсоюзным комитетом дороги[3].

Между тем некоторые историки считают, что профсоюзные организации на Московско-Казанской железной дороге стали

[1] ЦГАОР и СС, ф. 6865. оп. 1, д. 28—а, лл. 6—8; д. 63, лл: 33—36 и др.
[2] АМКЖД, 1905, д. 3587, лл. 18, 21, 114.
[3] Там же, д. 3597, л. 36.

возникать лишь в ноябре 1905 г.[1]. Ошибка этих авторов заключается в том, что они путают два этапа в развитии профсоюзного движения на этой магистрали. Дело в том, что в ноябре 1905 г. после Всероссийской политической стачки, в ходе которой ЦБ ВЖС сыграл по существу предательскую роль, дав сигнал к прекращению железнодорожной забастовки, большевики предложили, а железнодорожники поддержали идею создания социал-демократического железнодорожного союза, всецело стоявшего на платформе большевистской партии, что в отличие от ВЖС и подчеркивалось первой половиной названия нового профсоюза.

Успехи профсоюзного движения говорили о серьезных качественных изменениях в рабочем движении железнодорожников Московско-Казанской железной дороги, что способствовало нарастанию нового революционного подъема.

Опираясь на партийные и профсоюзные организации, руководствуясь решениями III съезда РСДРП, большевики Московско-Казанской железной дороги развернули активную подготовку всеобщей стачки. Готовя рабочих и служащих к новой схватке с самодержавием, они проявили при этом гибкость и разнообразие форм в воспитании мужества, смелости, оперативности. Еще с весны 1905 года по предложению Васильева-Южина[2] они стали организовывать сначала в Москве у ворот мастерских, депо и станции так называемые летучки, т. е. массовые митинги железнодорожников сразу же после работы. Дело это было новое и требовало большой организованности, смелости и решительности. Каждую минуту можно было ждать столкновения с полицией или черносотенцами. «У нас на Казанке,—вспоминает А. И. Горчилин,— риск был двойной, т. к. рядом на станции всегда был наготове дежурный пост жандармерии»[3]. Тем не менее весной и летом 1905 года такие митинги в мастерских и депо на Московско-Казанской железной дороге проводились довольно часто[4]. МК РСДРП, железнодорожный райком оказывали большевикам-казанцам большую помощь в организации и проведении митингов.

Перед рабочими и служащими Московско-Казанской железной дороги выступали З. А. Литвин-Седой, Н. Н. Мандельштам, А. В. Шестаков, М. Н. Васильев-Южин и другие[5].

Летучки-митинги значительно расширяли влияние большевистской партии на работников железнодорожного транспорта, так как правдивое, зовущее к борьбе слово большевиков доходило теперь до самых широких кругов железнодорожников, ох-

[1] См. И. И. Фирстов, Мордовия в годы первой русской революции. Саранск, 1955, стр. 144.
[2] М. Васильев-Южин, В огне первой революции, М., 1955, стр. 56.
[3] «Железнодорожники в 1905 г.», М., 1940, стр. 94.
[4] АМКЖД, 1905, д. 2875, лл. 17, 96, 101.
[5] Там же.

ватывая и тех, кто не посещал собраний и сходок, вследствие чего политически отсталые слои рабочих и служащих также начали втягиваться в революционное движение.

Митинги-летучки воспитывали железнодорожников не бояться полиции, т. к. наглядно показывали ее бессилие в борьбе с хорошо организованной и сплоченной массой рабочих и служащих, которая, слушая на митингах большевистские речи, все больше проникалась верой в неизбежность падения самодержавия и капитализма. Такие мероприятия большевиков значительно повышали сплоченность и организованность железнодорожников, укрепляли связь руководителей революционного движения с массами.

Организацию митингов-летучек большевики Московско-Казанской железной дороги больше и чаще практиковали на крупных железнодорожных станциях таких, как Москва, Перово, Рязань, Казань, Пенза, Сызрань[1], где весной и летом 1905 года уже сложились довольно определенные, объединяющие передовых рабочих и служащих, революционные коллективы железнодорожников.

На линии этой магистрали, особенно на ее Рязано-Казанском отделении и на территории современной Мордовии и Чувашии основными средствами его формирования и подготовки всеобщей стачки по-прежнему оставались собрания, массовки, митинги и распространение большевистских листовок, газет и брошюр.

В Рузаевке активная подготовка ко всеобщей забастовке началась первомайской массовкой 1905 г. С утра недалеко от станции, в кустарнике, собрались железнодорожники. Народу пришло много, были заняты все лужайки. Перед собравшимися выступило несколько ораторов, чьи революционные речи сопровождались злыми остротами рабочих в адрес самодержавия и полиции[2]. Опасаясь провала и арестов, руководители первомайской массовки в Рузаевке собрались еще раз вечером 1 Мая на митинг в глиняном карьере. Здесь они разъяснили железнодорожникам политическое положение в стране и призвали активно готовиться к всеобщей забастовке. Митингом руководили Байкузов и Макаров[3].

Летом 1905 года несколько собраний и массовок провели в лесу на берегу р. Суры железнодорожники Алатыря, чью революционную энергию умело и последовательно направляли в русло подготовки всеобщей стачки большевики Г. П. Балятинский и Н. Воронков[4].

Несмотря на огромные трудности и опасности, сопряженные с организацией митингов, собраний и массовок, железнодорожники проводили их также на станциях Сасово, Арапово (Ковылкино), Тимирязево (Красный Узел), Арзамас, Зеленый Дол и т. д.[1].

Серьезную помощь рабочим и служащим этих станций оказывали железнодорожники Москвы, которые не только посылали сюда большевистскую литературу и агитаторов, но и передавали свой богатый опыт революционной борьбы, навыки и приемы революционной борьбы. В течение лета, например, в Рузаевку с этой целью несколько раз приезжали Ухтомский и Воробьев[2], что способствовало не только росту организованности, сплоченности, но и пролетарской солидарности всех железнодорожников Московско-Казанской железной дороги.

Собрания, митинги и массовки, на которых обсуждались вопросы подготовки всеобщей железнодорожной стачки, проходили и на Московско-Рязанском отделении дороги, но здесь они были более организованны и многочисленны, носили боевой наступательный характер, нередко перерастая в открытые демонстрации. Так, за лето 1905 года 5—6 массовок в Терлецком, Голосеевском и Баулинском лесу организовали железнодорожники Перова. Особенно выделяется последняя массовка, на которую собралось более 200 железнодорожников. На ней выступил приехавший из Москвы М. И. Логинов, а также перовские большевики и рабочие Нусбаум, Прокофьев и Афонцев, призвавшие железнодорожников к практической подготовке стачки. Массовка затем вылилась в мощную, еще невиданную ранее в Перове, демонстрацию. С красным знаменем и пением революционных песен демонстранты прошли по Перову, нагоняя страх на местную буржуазию[3].

Огромную роль в дальнейшем развитии революционного движения на Московско-Казанской железной дороге, в подготовке всеобщей железнодорожной стачки играла большевистская печать. Листовки и газеты, брошюры и прокламации уже с весны 1905 года в большом количестве распространялись среди железнодорожников. Так, 28 февраля на ст. Егорьевск Рязанской губернии было разбросано свыше 600 листовок, подписанных Егорьевской группой РСДРП, в которых рабочие призывали к организованной борьбе с самодержавием, к подготовке всеобщей забастовки[4]. В течение февраля в Сызрани четыре раза было расклеено множество прокламаций «О политической свободе», «Что такое народное правление?», «Кто должен победить?» и т. д.[5]. 2, 10, 14 марта и 9 апреля большевистские листовки были распространены в другом районе Московско-Казанской железной дороги — в Рузаевке. Среди прокламаций

[1] АМКЖД, д. 3476, лл. 31—36, 105—109.
[2] Там же, 1905, д. 3519, лл. 16—18.
[3] Там же, л. 19.
[4] Там же, д. 3521, лл. 76—79.

[1] АМКЖД, д. 3521, лл. 14, 38, 117.
[2] Там же, д. 3624, лл. 4,6, 17, 43.
[3] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905, д. 2540, л. 13.
[4] Там же, ф. ДП, 00, 1905, д. 5, ч. 55, л. 6.
[5] Там же, лл. 3—4.

находились «Правда о войне», издание ЦК РСДРП и призывавшие к прекращению войны; «Ко всем рабочим», подписанные Самарским комитетом РСДРП, которые призывали к подготовке всенародного восстания; «Слово и дело русского самодержавия» — с призывом к свержению царизма и борьбе за всенародное Учредительное собрание и т. д.[1]. 12 марта большевистские листовки появились в Алатыре, 6 апреля — на станции Арапово (Ковылкино), 20 апреля — на станциях Лукоянове и Арзамас. Листовки были подписаны комитетами большевистских организаций Москвы, Н.-Новгорода, Саратова и Казани[2].

Выпуск большевистской литературы, звавшей к всеобщей стачке, рос с каждым месяцем. Только в августе Союз железнодорожных служащих Московского узла распространил 17 листовок в количестве 9598 экземпляров[3]. Железнодорожный райком РСДРП за сентябрь выпустил и распространил среди рабочих и служащих 10200 листовок, среди них 260—«О всеобщей стачке», 1660— «Ко всем рабочим и работницам» и т. д.[4]. Это не считая 119 экземпляров брошюр и газет, среди которых было 25 экземпляров «Известий о III съезде партии», 12 экземпляров — «Коммунистического манифеста» и т. д.[5]. Многие из этих документов были распространены среди железнодорожников Московско-Казанской железной дороги. Летом 1905 года листовки выпустили также Казанский и Нижегородский комитеты РСДРП, Тамбовская и Пензенская группы РСДРП и т. д.[6].

Таким образом, рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги как в крупных железнодорожных мастерских, станциях и депо, так и на самых отдаленных участках дороги находились под активным воздействием большевистской партии, звавшей их к всеобщей забастовке.

Правдивое и доходчивое слово большевиков собирало и сплачивало рабочий класс Московско-Казанской железной дороги, поднимало его на борьбу против самодержавия и империалистической буржуазии. Так, рабочие и служащие Сызрани 7 апреля после обсуждения большевистской листовки единогласно постановили готовиться к всеобщей забастовке, так как «только в борьбе,— писали они,— можно добиться улучшения своего положения»[7].

---

[1] Сб. «Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии», Саранск, 1955, стр. 48.
[2] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905, д. 5, ч. 53, лл. 7—11.
[3] «Пролетарий», 1905, 11 (24) октября.
[4] «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.» Документы и материалы, ч. 1, М.—Л., 1955, стр. 104—105.
[5] Там же.
[6] «Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г.». Сборник документов и материалов, М., 1955, стр. 268—270, 305—308, 375—381.
[7] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 115, л. 74.

Не менее показателен другой факт, имевший место среди линейных рабочих Мордовии, где большевистские листовки были буквально зачитаны до такой степени, что их трудно было читать[1].

Идеи большевистской партии все больше овладевали железнодорожниками Московско-Казанской дороги. Революционное движение на этой магистрали поднялось на новую ступень своего развития. За лето 1905 года значительно сократился разрыв в степени революционной активности между рабочими и служащими Московско-Рязанского и Рязано-Казанского отделений дороги. Подтягивались к передовым и железнодорожники Мордовии.

Под давлением большевиков и все растущего рабочего движения несколько оживило свою деятельность и ЦБ ВЖС, роль которого в этом отношении заключалась в том, что оно обещало оповестить железнодорожников о начале стачки, договориться с профорганизациями дорог о взаимной сигнализации на время забастовки, способствовать обеспечению служащих и рабочих продовольствием и т. п.[2]. О значении и «размахе» работы ВЖС в деле подготовки всеобщей железнодорожной стачки красноречиво говорит и его издательская деятельность. Так, за июль-август 1905 г. он выпустил незначительным тиражом всего-навсего 2 листовки, в которых довольно нерешительно призывал железнодорожников к организации стачки[3]. Поэтому ЦБ ВЖС не пользовалось авторитетом среди железнодорожников[4].

Между тем некоторые историки, например, Сафаргалиев М. Г. и Фирстов И. И., продолжают придерживаться ошибочного мнения о большой роли ВЖС в процессе подготовки и проведения всеобщей железнодорожной стачки[5]. Они не подчеркивают также, что в отличие от большевиков, для которых всеобщая политическая стачка являлась лишь этапом в развитии революции, непосредственно предшествовавшей, а затем перерастающей в вооруженное восстание, руководители ВЖС расценивали ее как главное и последнее средство давления на самодержавие, как итог всей борьбы. Поэтому история всеобщей Октябрьской железнодорожной стачки является вместе с тем историей жесточайшей борьбы большевистской партии с либерально-эсеровской политикой ЦБ ВЖС. Огромное значение для большевиков в этой борьбе имела вышедшая в свет в июле 1905 года книга В. И. Ленина «Две тактики социал-де-

---

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905, д. 5, ч. 55, лл. 19—21.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 63, лл. 54—57.
[3] И. В. Спиридонов, Указ. соч., стр. 73.
[4] Б. Кругляков, Профессиональное движение железнодорожников в 1905—1907 гг. «Красная летопись», № 3(18), 1926, стр. 80.
[5] См. И. И. Фирстов, Указ. соч., стр. 100; М. Г. Сафаргалиев, Указ. соч., стр. 203.

мократии в демократической революции», вооружившая их научно обоснованной программой борьбы за дальнейшее развитие революции.

Таким образом, ВЖС играл второстепенную, подсобную роль в подготовке всеобщей железнодорожной стачки, организатором и вдохновителем которой являлась большевистская партия.

Летом 1905 года МК РСДРП и его железнодорожный райком партии провели на ряде подмосковных станций и в Тюфелевой роще несколько собраний, на которых обсуждался вопрос о подготовке всеобщей стачки.[1]

Особого внимания заслуживает совещание железнодорожного актива Московского узла, состоявшееся 21 июля в дачном поселке Вешняки, на котором было несколько представителей с периферии. Большевики Московско-Казанской железной дороги принимали самое активное участие в организации и работе совещания. Наряду с большевиками Мандельштамом, Шестаковым, Горчилиным, Котляренко, Белоруссовым и др. на совещании присутствовали эсеры Печковский, Шибаев, Гречаников, а также беспартийные Беднов, Михельсон, Кривошеин и др.[2]

Рассчитывая на предсъездовское настроение железнодорожников, эсеры хотели свести всю работу совещания к обсуждению вопроса об организационных формах построения ВЖС и его устава. Но большевики, гораздо лучше знавшие положение на транспорте страны, сумели значительно расширить повестку дня съезда, включив в нее вопрос о подготовке всеобщей забастовки и нежелательности отдельных выступлений и стачек. Большинство участников совещания пошло за большевиками, было принято постановление готовиться к всеобщей железнодорожной стачке.[3]

Идея проведения всеобщей стачки была воспринята и II съездом ВЖС, начавшим свою работу 22 июля в Малаховке.

Если на первом съезде Союза были представлены всего 10 дорог, то на втором съезде участвовали представители уже 22 дорог, что несомненно говорило о новом серьезном организационном достижении рабочего движения железнодорожников.

Несмотря на то, что большевики (так же, как эсеры и меньшевики) присутствовали на съезде только с правом совещательного голоса, им все же удалось склонить делегатов, а под их давлением и ЦБ ВЖС — к принятию решения о подготовке забастовки и к бойкоту булыгинской думы[4].

В это время наступал новый этап в развитии первой русской революции. Ход событий в стране заставил самодержавие издать манифест о так называемой булыгинской думе, при-

[1] АМКЖД, 1905, д. 3622, лл. 9, 11, 15—17.
[2] Там же, лл. 12—14.
[3] Там же, л. 36.
[4] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 118, л. 403.

званной по замыслу царизма внести разложение в лагерь революции, отколоть от нее колеблющиеся слои, перевести революционное движение на путь монархических реформ, а затем задушить революцию.

Большевистская партия сразу же повела энергичную работу по разоблачению антинародного, контрреволюционного характера булыгинской думы и призвала трудящихся к ее бойкоту. Булыгинская дума, писал В. И. Ленин, «...была приманкой, долженствующей отвлечь народ от революции»[1]. Вождь революции указывал партии на важность использования кампании против думы в процессе подготовки всеобщей стачки и вооруженного восстания. «Лучшего момента для широкой агитации за восстание нельзя себе представить...»,— подчеркивал В. И. Ленин[2].

Большевистская партия, В. И. Ленин учили местные партийные и профсоюзные организации, что тактика активного бойкота рассчитана не только и не столько на срыв выборов в Думу, сколько на дальнейшее развитие и углубление революции, на подготовку вооруженного восстания[3].

Большевики Московско-Казанской железной дороги, используя специфику железнодорожного транспорта, проделали огромную работу по претворению в жизнь указаний В. И. Ленина и ЦК партии о бойкоте булыгинской думы и подготовке всеобщей стачки. Машинисты, их помощники, кочегары, кондукторы и проводники еще энергичнее принялись за распространение листовок и воззваний большевистской партии, призывавшей к решительной схватке с царизмом. Только в сентябре было выпущено и распространено среди железнодорожников и рабочих листовок «О Государственной думе» Железнодорожного райкома РСДРП — 1900 экземпляров, ОК РСДРП — 3700 экземпляров и т. д.[4]. Против думы, за подготовку всеобщей стачки и вооруженного восстания издали листовки большевистские организации Казани, Сормова, Тамбова, Пензы и др.[5]. Все участки Московско-Казанской железной дороги были охвачены большевистской агитацией за дальнейшее развитие революции, что способствовало новому революционному подъему на этой магистрали страны.

Не дремали и силы контрреволюции. Особый комитет при управлении Московско-Казанской железной дороги спешно разрабатывал план подавления революционного движения. Составлялись списки для арестов наиболее активных партийных и профсоюзных руководителей, усиливались полицейские наря-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 17.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 160.
[3] См. «Большевики во главе Всероссийской стачки»..., стр. 148—149.
[4] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 104—105.
[5] «Большевики во главе Всероссийской стачки...», стр. 268, 270, 378—381.

ды, делались запросы в правительство о присылке войск и запасных железнодорожных батальонов[1].

Наряду с этим царское правительство совместно с железнодорожными монополиями решило созвать съезд для обсуждения мероприятий по улучшению работы пенсионных касс, что явно было рассчитано, выражаясь языком железнодорожников, на перевод стрелки революционной борьбы на мирные рельсы незначительных, а главное, совершенно несвоевременных реформ. Крупнейший железнодорожный воротила Покотилов и начальник Управления железных дорог Думитрашко горячо взялись за подготовку этого съезда, открытие которого намечалось на конец сентября 1905 года[2].

Этому съезду предшествовали съезды работников дорожных пенсионных касс. На Московско-Казанской дороге он прошел в августе. Состав съезда наполовину состоял из делегатов от служащих, а остальную часть составляли заведующие отделениями пенсионных касс, назначенных правлением дороги. Рабочих среди делегатов было буквально единицы, но и они представляли наиболее высокооплачиваемые категории железнодорожников: машинистов, пассажирских кондукторов и т. п.[3]. Так, например, от станции Рузаевка были делегированы: от службы пути — инженер Молинари, от депо — машинист Байкузов и от службы движения — ревизор Коротченко[4].

Работу дорожного съезда возглавляли служащие правления. Состав и руководство съезда предопределили характер и значение его работы. Несколько исправив редакцию Устава пенсионной кассы, вспоминает Байкузов, и избрав делегатов на Всероссийский съезд, мы разъехались[5].

Но большевики Московско-Казанской железной дороги даже в этих узких рамках съезда организовали, хотя и не большой, но все же протест против либеральной политики его руководителей.На Всероссийский съезд были избраны, как намечалось накануне, не видные служащие столичного правления, а представители линейной администрации: начальник 9-й дистанции, инженер Л. П. Нецепин, начальник депо Голутвин, инженер К. Ф. Курицын и помощник начальника службы пути инженер Г. П. Сергеев[6].

Под действием агитации большевиков многие сознательные железнодорожники Москвы, Перова, Сасова, Рузаевки, Сызрани, Казани и Пензы бойкотировали не только выборы на съезд и реформу пенсионных касс, но и сам съезд, как далеко отставший от жизни и не могущий улучшить положение рабочих и служащих[1].

Однако съезд все же сыграл известную положительную роль в деле подготовки всеобщей забастовки. Для наиболее отсталой и мало организованной части железнодорожников Московско-Казанской железной дороги — линейных рабочих и служащих — он еще раз показал силу и значение объединения, с чем вынуждено было считаться даже царское правительство, разрешив проведение съезда. С другой стороны, решения съезда лишний раз показали железнодорожникам беспочвенность надежд на улучшение их положения мирными переговорами.

Всеобщая октябрьская железнодорожная стачка явилась следствием большого революционного подъема, решающую роль в подготовке и организации которого сыграла большевистская партия. Первым массовым движением этого революционного подъема, первой молнией грозы, по определению В. И. Ленина, была сентябрьская стачка московских рабочих.

Выступление московского пролетариата оказало сильное влияние на железнодорожников. Так, 27 сентября в Москве забастовали рабочие Брестских мастерских[2]. Железнодорожный райком организовал в этот же день ряд собраний и митингов в в мастерских Московско-Казанской, Московско-Курской и Московско-Ярославской железных дорог.

Железнодорожники-большевики призвали к бойкоту булыгинской думы, к борьбе за Учредительное собрание, к свержению царизма[3].

Движение железнодорожников стало выходить за пределы Московского узла. Так, например, на станции Егорьевск Московско-Казанской железной дороги и в ее окрестностях ОК РСДРП организовал в конце сентября несколько массовок и собраний под лозунгом «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!»[4].

Борьба обострялась. В двадцатых числах сентября хозяева Московско-Казанской железной дороги первые нанесли удар: были уволены Ухтомский, Кривошеин, Гречанинов, Воробьев и др. известные своей революционной деятельностью железнодорожники.[5]

Большевики Московско-Казанской железной дороги понимали, что в предстоящей стачке многое будет зависеть от того, насколько энергично и дружно поддержат рабочих и служащих Московского узла их товарищи с линии: железнодорожники Рязани, Сасова, Рузаевки, Алатыря, Сызрани и др. Большое значение приобрела в этом свете согласованность и одновре-

[1] АМКЖД, 1905, д. 3622, лл. 3—6, 19—21, 47—52.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 116, л. 31.
[3] АМКЖД, 1905, д. 2947, лл. 16, 18, 26.
[4] «1905 г. на Казанке», стр. 147.
[5] АМКЖД, 1905, д. 2763, л. 2.
[6] «Железнодорожник», № 121, 1905, стр. 5.

[1] АМКЖД, 1905, лл. 15, 20, 31, 47, 89.
[2] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 85—86, 99—100.
[3] ЦГИАМ, ф. 63, 1905, д. 797, т. 7(1), лл. 87—88, 95—99.
[4] «Всероссийская стачка», ч. 1, стр. 109.
[5] АМКЖД, 1905, д. 3652, л. 2.

менность выступления. Поэтому большевики столицы установили непрерывную связь со всеми станциями дороги, предупредив местные партийные и профсоюзные организации, что сигнал о начале забастовки будет дан из Москвы[1].

Для улучшения и ускорения организации стачки на Московско-Казанской железной дороге сразу же после увольнения на линию выехали Ухтомский и Воробьев. Побывав в Голутвине, Рязани, Сасове, Арапове (Ковылкине) и Рузаевке, они 2 октября прибыли в Сызрань[2]. Многолюдные митинги и собрания, прошедшие на этих станциях в дни приезда посланцев Москвы, ярко и убедительно продемонстрировали единодушное желание начать забастовку.

Не отставала и организационная сторона ее подготовки. Повсюду вырабатывались планы проведения стачки, создавались стачечные фонды, устанавливалась связь с другими железнодорожными узлами и магистралями[3].

Так обстояло дело на линии Московско-Казанской железной дороги и на Московском участке. В Московских и Перовских мастерских обстановка была еще напряженнее. «Во второй половине сентября,— вспоминает Горчилин,— революционное настроение рабочих мастерских Казанки повысилось настолько, что объявление неизбежной политической забастовки ожидалось со дня на день. Наши партийные собрания были заняты выработкой политических и экономических требований»[4].

Железнодорожники показывали пример не только в решении организационных вопросов предстоящей стачки. 3 октября началась забастовка рабочих-литейщиков казанских мастерских, потом ярославских мастерских, кондукторов Курской станции[5]. В борьбу втягивались все новые и новые отряды железнодорожников. В это же время бастовали заводы и фабрики Москвы.

Московский комитет РСДРП, своевременно оценив обстановку, принял решение «во что бы то ни стало превратить начавшуюся забастовку во всеобщую..., все члены партии были мобилизованы для осуществления этой грандиозной задачи»[6]. МК РСДРП обратился к железнодорожникам с листовкой, в которой призвали их вместе с рабочими других отраслей промышленности выступить на борьбу с самодержавием[7].

Однако разрозненные и малочисленные по количеству участников первые забастовки железнодорожников Москвы не могли привести к всеобщей стачке. Казалось бы, что в этот решающий

[1] АМКЖД, 1905, д. 3652, л. 76.
[2] Там же, л. 76.
[3] Там же, лл. 81, 87, 90, 101 и др.
[4] «Железнодорожники в 1905 г.», стр. 96.
[5] «Большевики во главе Всероссийской стачки...», стр. 391—392.
[6] М. Н. Васильев-Южин, В огне первой революции, стр. 64.
[7] «Большевики во главе Всероссийской стачки...», стр. 395.

момент большевикам должен был оказать помощь ВЖС, но он показал не только растерянность, но и полное незнание происходящих событий на железнодорожном транспорте. Вначале ЦБ ВЖС назначало несколько явно неоправданных моментов объявления всеобщей стачки, затем решило призвать к ней 4 октября, предполагая при этом застрельщиком стачки железнодорожников Ярославской дороги[1], за которую как раз беспокоились большевики, не знавшие, «сможет ли она остановиться (т. е. забастовать — Л. Ф.) без посторонней помощи»[2].

Большевики явились организаторами всеобщей стачки. Застрельщиками Октябрьской всеобщей железнодорожной забастовки являлись железнодорожники Московско-Казанской железной дороги. Они начали ее 6 октября 1905 года. И только тогда, когда уже возникла стачка, под давлением все растущего движения, как признавали сами руководители ВЖС, к забастовке вначале призвал узловой комитет ВЖС, а 7 октября— ЦБ ВЖС[3].

На Московско-Казанской железной дороге стачку начали 6 октября в 2 часа дня машинисты товарных поездов[4]. В десятом часу этого же дня к ним присоединились железнодорожники Николаевки, в ближайшие часы прекратили работу рабочие и служащие еще трех станций дороги: Сокольников, Перова и Сортировочной[5]. Так что стачка еще ночью 6 октября вышла за пределы Москвы.

Но все же окончательно решило судьбу забастовки выступление закаленного в борьбе многотысячного коллектива московских мастерских. 7 октября в 11 часов утра, как было накануне намечено на собрании большевиков, по сигналу-звонку большевика Короткова прекратили работу московские мастерские[6]. Начался митинг, на котором присутствовало свыше 2,5 тысячи рабочих. С горячей речью к ним обратился член МК РСДРП, железнодорожного райкома РСДРП и дорожной большевистской организации А. И. Горчилин. От имени большевистской партии он призвал железнодорожников к стачке, к свержению самодержавия, сказав, что в этой великой борьбе рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги выступают вместе с рабочим классом всей России[7].

Выступивший после Горчилина эсер Шибаев хотел несколько сгладить энергичный и решительный призыв большевиков к стачке, предложив вначале связаться с ЦБ ВЖС[8]. Но железно-

[1] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 117, д. 36.
[2] Горчилин, указ. соч., стр. 18.
[3] Очерки по истории железнодорожных забастовок в России, М., 1906, стр. 31; «Железнодорожник», 1905, № 127, стр. 2.
[4] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 210, 414.
[5] Там же.
[6] АМКЖД, 1905, д. 3626, д. 13.
[7] А. А. Горчилин, Указ. соч., стр. 19—20.
[8] АМКЖД, 1905, д. 2665, л. 6.

дорожники отвергли это соглашательское предложение. Большевик С. Белоруссов зачитал политические и экономические требования железнодорожников, ранее рассмотренные и обсужденные на цеховых сходках.

Митинг закончился выборами депутатов в стачечный комитет, в него вошли четыре большевика: Горчилин, Белоруссов, Котов, Шапуров и эсер Шибаев[1]. Это показало огромный рост авторитета и влияния большевистской партии среди рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги.

К 3 часам дня 7 октября 1905 года на станции Москва Московско-Казанской железной дороги полностью остановилось товарное и пассажирское движение, не работали мастерские, замерла работа в управлении и конторах[2].

С неотвратимостью стремительно надвигающейся лавины, по сигналу из Москвы, разливалась стачка на Московско-Казанской железной дороге, вовлекая в борьбу все новые слои рабочих и служащих линии, станций, депо и мастерских. Так, 7 октября забастовали машинисты, слесари и телеграфисты Сасова, а также железнодорожники всей линии от Н.-Новгорода до Тимирязева (Красный Узел)[3], 8-го служащие телеграфа, службы движения и рабочие депо в Сасове, Рузаевке, Сызрани, Батраках, Пензе, Казани. 10-го началась стачка в Рязани и на Рязанском участке дороги. 11 октября приостановилось движение на всей Московско-Казанской железной дороге[4]. Около 21 тыс. рабочих и служащих включились в активную борьбу с самодержавием.

Борьба сразу приняла ожесточенный характер. Учитывая силу и зрелость рабочего движения в Москве и на Московско-Рязанском отделении Московско-Казанской железной дороги, правительство стало спешно стягивать сюда войска и пыталось арестами руководителей стачки обезглавить движение. Ночью 6 октября были арестованы Ухтомский, Беднов и еще пять человек активных рабочих дороги[5]. Утром следующего дня по требованию бастующих полиция вынуждена была освободить арестованных[6]. Днем 7 октября, надеясь хотя бы несколько затормозить развитие стачки и выиграть время, администрация прибегла к помощи немногочисленных штрейкбрехеров. Но забастовщики силой заставили их прекратить работу, а неповинующихся просто избивали[7].

Учитывая нарастание революционного движения масс, московские власти еще 25 сентября затребовали у правительства

[1] АМКЖД, 1205, д. 3645, лл. 17—19.
[2] ЦГИАМ, ф. 59, МЖПУ ж. д., д. 9, лл. 467—467 об.
[3] «Всероссийская стачка», ч. 1, стр. 267.
[4] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 101, лл. 16, 21.
[5] АМКЖД, 1905, д. 3718, л. 2.
[6] Там же, л. 6.
[7] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 63, лл. 90—93; ф. 116, л. 15.

«ввиду ожидающихся беспорядков» наряд войск в составе 26 рот, 5 экскадронов и 7 сотен[1]. Войска на Московско-Казанской железной дороге стали рассредоточиваться с момента возникновения забастовки. Вечером 6 сентября линия охранялась от Москвы до Сортировочной, утром 8 октября войска были расставлены уже до Перова[2]. 9 октября, видя невозможность наличными силами подавить стачку, управление дороги вызвало крупные воинские подразделения. В распоряжение начальника жандармского отделения Московско-Казанской железной дороги был дополнительно выделен батальон пехоты и полсотня казаков[3]. Спешно стягивались и полицейские силы дороги; только 8 октября с линии прибыло в Москву 50 жандармов[4].

С целью прекращения стачки была применена замена бастующих железнодорожников солдатами железнодорожных батальонов. В течение 8—9 октября на Московско-Казанскую дорогу прислали 10 паровозных бригад и 30 телеграфистов[5]. Но и это не спасло положение. Бастующие всячески тормозили деятельность военных железнодорожников, которые к тому же не проявляли особого желания наладить работу дороги. Тогда полиция, надеясь внести растерянность в ряды забастовщиков, в ночь на 9 октября произвела аресты. На Московско-Казанской железной дороге арестовали шесть железнодорожников, в том числе Ухтомского и Беднова[6]. Однако ни штрейкбрехеры, ни войска, ни аресты не сломили сопротивления рабочих. Стачка росла и ширилась с каждым днем.

Иную тактику применяло правительство на Рязано-Казанском отделении дороги, где слабее было рабочее движение и не было промышленных предприятий с большими революционными традициями. Здесь оно старалось расколоть бастующих железнодорожников путем подкупа и запугивания. Так, в Сасове подобными средствами пытались сорвать стачку начальник станции Хоциалов, участковый ревизор движения Грязнов и помощник начальника депо Рихтер. Они подговаривали отдельных рабочих отказаться от участия в стачке, обещая за это продвижение по службе и денежное вознаграждение[7]. Аналогичный факт имел место на станции Тимирязево (Красный Узел) и т. д.[8].

Но никакие средства не могли остановить развитие забастовочного движения на Московско-Казанской железной дороге. Рабочие и служащие этой магистрали не только с успехом

[1] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 440, л. 177.
[2] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 267.
[3] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, 1905, д. 2555, л. 125.
[4] АМКЖД, 1905, д. 3719, л. 10.
[5] Там же, д. 3720, лл. 11—13, 29, 32.
[6] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 64, л. 243; д. 63, лл. 88—90.
[7] АМКЖД, 1905, д. 2865, л. 19.
[8] Там же, лл. 11, 18, 48, 51.

отбивали все попытки правительства подавить забастовку, но и активно помогали ее распространению на другие дороги. Так, при непосредственной помощи казанцев забастовали железнодорожники Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железных дорог[1]. При этом железнодорожники Московско-Казанской железной дороги проявили не только чувство пролетарской солидарности, но и большое революционное мужество, смелость и решимость довести дело до победного конца. Они, например, 8 октября буквально прорвались сквозь стену полиции и солдат в здание управления Курской железной дороги и организовали здесь митинг[2]. Так же поступили казанцы и в Батраках, где сходились Московско-Казанская и Самаро-Златоустовская железные дороги. Решительно выступили рабочие на станциях Сызрань, Рязань, Пенза[3], что несомненно способствовало быстрому росту железнодорожной забастовки. К 17 октября она переросла во всеобщую стачку, охватив 41 железную дорогу. В борьбу включилась почти вся 750-тысячная армия работников железнодорожного транспорта.

Железнодорожники Московско-Казанской дороги помогали организовать стачку не только товарищам по профессии, но и рабочим других отраслей промышленности. В Москве, например, только с приходом казанцев началась забастовка на заводе Вейхельта[4], в Рязани железнодорожники подняли на борьбу рабочих заводов Ажнина и Темпеля[5]. Под непосредственным влиянием и руководством казанцев в Алатыре забастовали рабочие лесопильного завода и ряда мельниц и т. д.[6].

Таким образом, рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги являлись не только застрельщиками и активными участниками октябрьской железнодорожной стачки, энергично способствовавшими ее перерастанию во всеобщую забастовку, но и оказали большое революционное влияние на рабочих других отраслей производства.

В свою очередь революционное движение на заводах и фабриках значительно усиливало стачку железнодорожников, повышало их революционную сознательность и организованность, чувство ответственности передовых борцов революции.

Всеобщая октябрьская железнодорожная стачка придала новое качественное направление всему рабочему движению, она подняла его на новую ступень развития и привела к Всероссийской октябрьской политической стачке 1905 года.

Забастовка на Московско-Казанской железной дороге способствовала пробуждению и развертыванию крестьянского

[1] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 00, 1905, д. 2555, т. 3, л. 124.
[2] Там же, лл. 124—125.
[3] АМКЖД, 1905, д. 3721, лл. 17, 25, 31.
[4] Там же, д. 3723, л. 4.
[5] «Всероссийская стачка...», стр. 214, 692 и др.
[6] АМКЖД, 1905, д. 3722, л. 52.

движения в центральной России и особенно в Поволжье. Это влияние распространялось по различным каналам и проявлялось в разных формах. Так, на станциях Сасово, Арапово (Ковылкино), Рузаевка, Тимирязево (Красный Узел), Лукоянове, Базарная и др. на митингах железнодорожников широкое участие принимали крестьяне[2], на которых они знакомились с большевистскими лозунгами по крестьянскому вопросу, начинали понимать необходимость совместной с рабочими борьбы против самодержавия.

Железнодорожники Московско-Казанской дороги посылали в деревни своих агитаторов, которые на крестьянских сходках разъясняли смысл происходящих в стране событий и призывали к борьбе с царизмом.

Еще большее влияние железнодорожников было в тех случаях, когда среди крестьян вели революционную работу выходцы из их сел. Так, например, крестьяне мордовского села Шокша (ныне Теньгушевского района Мордовской АССР) братья Черашевы, работавшие на Московско-Казанской железной дороге, развернули успешную агитацию и распространение большевистских листовок в селах Шокша, Мельсетьево, Широмасово, Сакаево и др.[3].

Под влиянием железнодорожной стачки осенью 1905 г. в Московской, Рязанской, Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Казанской губерниях все сильнее и шире разрасталось крестьянское движение[4]. Оно в свою очередь также оказывало влияние на железнодорожную забастовку.

Столь сильное и широкое влияние железнодорожной забастовки, ее боевой и наступательный характер обеспечивался руководством большевистской партии.

Огромное теоретическое и революционно-практическое значение для дальнейшего развития революции имели решения III съезда РСДРП. Исходя из этого, ЦК партии к 11 октября издал и широко распространил среди местных партийных организаций полный текст протоколов III съезда РСДРП, где впервые были опубликованы написанные В. И. Лениным проекты решений съезда и произнесенные им на съезде доклады и речи[5]. 13 октября В. И. Ленин пишет статью «Всероссийская политическая стачка», в которой высоко оценивает революционную борьбу железнодорожников и призывает их к восстанию[6].

Центральный орган большевистской партии газета «Пролетарий» в течение всей забастовки также направляла работу

[1] И. И. Фирсов. Указ. соч., стр. 104.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 138, лл. 3, 8, 52.
[3] Т. Купряшкин. Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовской АССР, стр. 101.
[4] «Всероссийская стачка...», ч. 2, стр. 336, 369 и др.
[5] «Большевики во главе Всероссийской стачки», стр. 859.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 361—364.

большевиков-железнодорожников, ставила перед ними задачу по воспитанию работников железнодорожного транспорта в пролетарском духе[1].

Многогранную политическую и организационную работу среди железнодорожников развернули МК, ОК РСДРП и особенно Железнодорожный райком, объединявший еще летом 1905 г. свыше 500 членов партии[2]. В своей деятельности райком опирался на восемь железнодорожных парторганизаций, среди которых выделялась своей многочисленностью и активностью объединенная партийная организация Московско-Казанской железной дороги. Она имела свои ячейки в мастерских, депо и в управлении дороги[3].

Учитывая значение для всей стачки идущих впереди железнодорожников Московско-Казанской дороги, Железнодорожный райком много сил и внимания уделял рабочим и служащим этой магистрали. 8 октября в 12 часов дня здесь был проведен второй массовый митинг, в котором участвовало свыше 3 тыс. железнодорожников. Выступившие на нем рабочие заявили о твердой решимости продолжать забастовку. Затем к собравшимся обратился с речью Н. Н. Мандельштам, раскрывший им огромное значение стачки. В заключение он призвал работников Московско-Казанской дороги к дальнейшей стойкой и дружной борьбе с силами контрреволюции[4].

Зная, что сила и размах стачки во многом зависят от повседневной работы среди забастовщиков, большевики Московско-Казанской дороги провели на этом митинге постановление об организации ежедневных митингов. Для того, чтобы повысить у железнодорожников чувство организованности и дисциплины, а главное уверенность в свои силы, было назначено на весь период стачки одно время митинга — 12 часов дня[5]. Тем самым как бы подчеркивалось, что нет никакой силы, способной помешать забастовщикам проводить свои мероприятия.

На этих митингах разрабатывались и утверждались политические и экономические требования, намечалась тактика борьбы с происками контрреволюции, заслушивалась информация о забастовочном движении на дороге, в Москве, Н.-Новгороде, Сормове, Казани, Пензе, Тамбове, Сызрани и других городах страны. Митинги и собрания регулярно проходили в Москве, Перове, Голутвине, Рязани, Сасове, Арапове (Ковылкине), Рузаевке, Лукоянове, Арзамасе, Алатыре, Сызрани[6].

Эти собрания и митинги, являющиеся большой школой

[1] «Вперед» и «Пролетарий», вып. 6, стр. 67.
[2] Угаров И. Ф., Большевики во главе всеобщей политической стачки рабочих в октябре 1905 г. «Вопросы истории», № 10, 1955, стр. 9.
[3] АМКЖД, 1905, д. 2865, лл. 14, 27.
[4] Там же, д. 3728, л. 16; «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 677.
[5] АМКЖД, 1905, д. 3728, л. 18.
[6] Там же, лл. 43, 56, 71; д. 3730, лл. 4—6, 16—19.

политического воспитания железнодорожников, проходили под руководством большевистских организаций и стачечных комитетов, находившихся под влиянием большевистской партии. Большую помощь при этом железнодорожникам линии оказывали большевики Н.-Новгорода, Казани, Сызрани, Сормова, Пензы и особенно Москвы.

Большевики успешно использовали для этой цели специальные поезда, на которых разъезжали по линии представители дорожного стачечного комитета. Они несколько раз за время октябрьской стачки посетили железнодорожников Голутвина, Рязани, Сасова, Арапова (Ковылкина), Рузаевки, Батракова и Сызрани[1]. Особенно важно было значение таких поездок для рабочих и служащих Рязано-Казанского отделения. Там, где останавливались посланцы Москвы и других промышленных центров, на многолюдных митингах и собраниях они разъясняли цели и задачи всеобщей забастовки, помогали организации и сплочению революционных сил, передавали опыт борьбы стачечных комитетов, создавали их, если они отсутствовали[2].

Представители Москвы широко распространяли на Московско-Казанской железной дороге большевистские листовки, среди которых была и «Всеобщая забастовка». Она призывала к вооруженному восстанию[3].

Все это организовывало и сплачивало железнодорожников, расширяло и усиливало революционное движение на Московско-Казанской дороге, что являлось результатом преобладающего влияния на нее большевистской партии. Это были вынуждены признать даже эсеро-меньшевистские руководители ВЖС[4]. Поэтому октябрьская железнодорожная стачка на этой магистрали носила ярко выраженный политический, наступательный характер. Она проходила под лозунгами: «Долой царское правительство!», «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует вооруженное восстание!» и т. д.[5].

Однако сила и размах стачки в целом и на Московско-Казанской железной дороге, в частности, несколько снижались из-за нерешительности и колебаний эсеро-меньшевистского руководства ВЖС, которое боялось, что стачка перерастет в восстание. Поэтому ЦБ ВЖС с первого дня забастовки стало ориентировать железнодорожников на переговоры с правительством, настоятельно рекомендуя железнодорожникам «...ждать от правительства предложения вступить с ним в переговоры»[6].

[1] АМКЖД, 1905, д. 3729, лл. 6, 11, 13, 56 и др.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 259, лл. 2—4, 8.
[3] «Большевики во главе стачки...», стр. 391.
[4] В. В. Романов, Движение среди служащих и рабочих русских железных дорог, журнал «Образование», 1907, № 6, стр. 52.
[5] «Большевики во главе Всероссийской стачки...», стр. 396, 398, 427, 431, 476, 509 и др.
[6] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 202.

На таких же позициях стоял в большинстве своем и первый делегатский съезд железнодорожников, начавший свою работу 20 сентября 1905 года. Чем выше поднималась волна всеобщей стачки, тем дальше скатывалось на либеральные позиции большинство съезда, состоявшее в основном из делегатов служащих, администрации и инженерно-технического персонала[1]. Часть наиболее последовательных и демократически настроенных делегатов под влиянием большевиков предложила съезду взять руководство стачкой в свои руки, энергично приступить к созданию стачечного фонда и т. д. Однако большинством голосов эти предложения были отвергнуты[2], так как подавляющая часть делегатов так же, как и ЦБ ВЖС, видела во всеобщей стачке конечную цель борьбы и не допускала мысли о перерастании ее в вооруженное восстание[3].

Призывы ВЖС и постановления первого делегатского съезда железнодорожников ясно показывали, что они думали не о свержении царизма, а о сделке с ним. Первый делегатский съезд и ЦБ ВЖС стремились несколько сгладить и выхолостить решительный характер требований железнодорожников, направленных на съезд для обработки и дальнейшего представления правительству. Требования железнодорожников состояли из 15 пунктов, два из которых (14 и 15) в свою очередь еще были развернуты на 24 подпункта[4]. Они носили явные следы борьбы наиболее последовательной и демократической части делегатов съезда, ведущую роль среди которых играли большевики, с либеральной частью делегатов, не желавшей идти дальше некоторого обновления и улучшения пенсионного устава. Это была попытка отвлечь железнодорожников многочисленными экономическими требованиями от активной политической борьбы. Характерно, что перечень требований начинался с экономических вопросов. Они составляли подавляющее число.

Экономические требования включали: повышение заработной платы; отмену штрафов; уравнение в правах штатных и нештатных железнодорожников; установление 8-часового рабочего дня; улучшение медицинского обслуживания и бесплатного начального образования для детей железнодорожников и т. д.[5].

Но либералам Первого делегатского съезда все же не удалось окончательно «пригладить» требования железнодорожников, они вынуждены были считаться с настроением масс и волей большевиков — делегатов съезда.

---

[1] «1905 г. на Казанке», 1925, стр. 148.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 70, л. 10.
[3] «Железнодорожник», 1905, № 128 (Бюллетень № 11 Первого Всероссийского делегатского съезда железнодорожных служащих).
[4] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 203—206.
[5] Там же.

Делегатский съезд ежедневно получал приветствия, о характере и содержании которых можно судить по телеграмме рабочих и служащих Рузаевки: «С замиранием сердца прислушиваемся мы к словам защитников интересов наших... Желая успехов в делах ваших,— писали железнодорожники,— мы обращаем внимание ваше, товарищи, на многомиллионные взоры трудящейся армии...»[1]. Это был явный намек съезду опираться в своей деятельности на 750-тысячную, готовую к бою, армию железнодорожников, что подтверждает в своих воспоминаниях автор телеграммы Байкузов[2]. По словам делегата Московско-Казанской железной дороги, инженера Непенина приветствие рузаевцев произвело большое впечатление на съезд[3].

Ясно, что такие телеграммы с мест и деятельность большевиков-делегатов подхлестывали работу съезда. Поэтому был включен в экономические требования параграф о создании бюро служащих для разбора спорных вопросов с администрацией[4]. Это придало требованиям наступательный характер.

Политические требования железнодорожников предусматривали: объявление законодательным порядком свободы совести, слова, печати, стачек, союзов, собраний и манифестаций; неприкосновенности всех участников забастовок, национальное равноправие уничтожение железнодорожной полиции и т. д.[5].

Таким образом, политические требования носили общедемократический характер. Сведенные в единые требования и непосредственно предъявленные правительству от имени всех железнодорожников, они имели значительное влияние на дальнейшее расширение и углубление первой русской революции. Этому способствовали и представители железнодорожной демократии, подготовившие, по словам В. И. Ленина, *«...критику делом* — политическую стачку...»[6].

Однако судьба стачки решалась народными массами, одним из передовых отрядов которых являлись железнодорожники Московско-Казанской дороги.

Для непосредственного руководства стачкой на этой дороге творчеством ее рабочих и служащих при всесторонней помощи и руководстве большевиков создавались стачечные комитеты — органы революционной борьбы железнодорожников. Так, 7 октября в Москве на трехтысячном митинге, постановившем начать забастовку, был выбран и стачечный комитет. В его состав вошли большевики Горчилин, Белоруссов, Котов, Шапуров и эсер Шибаев, затем в него вошли Котляренко и др.[7].

---

[1] «1905 г. на Казанке», М., 1925, стр. 143.
[2] АМКЖД, 1905, д. 2762, лл. 1—3.
[3] Там же, д. 2766, л. 4.
[4] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 204—205.
[5] Там же, стр. 205—206.
[6] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 362.
[7] «1905 г.», т. 2, М.—Л., 1925, стр. 281.

В ходе развертывания стачки стачечные комитеты организовывались и на других станциях дороги. 8 октября, например, в 600 км. от Москвы рабочие и служащие Рузаевки, среди которых было много мордвы и татар, объявив забастовку, выбрали стачечный комитет во главе с энергичным и волевым слесарем депо Макаровым[1].

Однако не везде на Московско-Казанской железной дороге стачечные комитеты организовывались в начале или в ходе забастовки.

Еще в период завершения подготовки стачки большевики дороги приступили к созданию стачечных комитетов. В это время, например, ввиду обширности железнодорожного района орган революционной борьбы был выбран в Рязани[2]. Заранее были намечены члены стачечных комитетов на станциях, где недостаточно сильным было влияние большевистской партии или чувствовалась некоторая нерешительность инициативной группы железнодорожников. Так, например, обстояло дело в Сасове. Для организации здесь стачечного комитета приезжал из Рузаевки Байкузов. Под его руководством и был намечен состав комитета из 7 человек[3].

Накануне стачки образовались стачечные комитеты и на передаточных станциях, где сходились разные дороги. Так, в конце сентября был создан стачком в Батраках[4], где сходились Московско-Казанская и Самаро-Златоустовская дороги.

На небольших станциях и отдельных участках Московско-Казанской железной дороги самим ходом революционной борьбы выдвигались волевые и энергичные руководители забастовки. Так, на линии Н.-Новгород — Тимирязево (Красный Узел) начавшуюся утром 9 октября стачку возглавил начальник станции Медериков и т. д.[5].

Всего на Московско-Казанской железной дороге в дни всеобщей октябрьской политической стачки, по нашим подсчетам, действовало 15 стачечных комитетов. Они различались по времени их возникновения, количественному составу и охвату железнодорожников, т. е. были или только дорожными (Сасово, Рузаевка, Алатырь, Зеленый Дол и т. д.), или узловыми (Рязань, Батраки).

Различен был их профессиональный состав. Так, на участке дороги Казань—Зеленый Дол в стачком были избраны: смотритель зданий Коротченко, кассир товарной станции Александров, конторщик Тарасов и др.[6]. В Рязани наряду с железнодорожниками в стачкоме работали монтер депо Данилов, заведующий

[1] Сб. «Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии», стр. 107.
[2] АМКЖД, 1905, д. 3526, л. 31.
[3] Там же, д. 3524, л. 16.
[4] Там же, д. 3596, л. 53.
[5] Там же, д. 3621, л. 73.
[6] Там же, д. 3526, л. 65.

товарной конторой Тюхаев, акушерка М. П. Васильева и др.[1]. В Сасове в стачкоме активно участвовал инженер-строитель шоссейных дорог Юмашев и др.[2]. Таким образом, в стачечные комитеты входили представители от средних и низших служащих, рабочие мастерских и депо, машинисты, инженеры, работники медицинской службы. Это, с одной стороны, расширяло социальную базу революционного движения на железнодорожном транспорте и во многом объясняло общедемократический характер требований железнодорожников, а с другой — вносило в деятельность стачкомов некоторую нерешительность и непоследовательность.

Однако руководящее положение почти во всех стачкомах Московско-Казанской железной дороги занимали рабочие. Так, в Рязани из 30 членов стачечного комитета 22 были машинисты и рабочие депо, его председателем и секретарем являлись машинисты Г. М. Орлов и В. М. Зенкин; в Рузаевке председателем был слесарь Макаров; в Сасове из 7 членов стачкома 5 были рабочие; аналогичная картина имела место в Ковылкине, Тимирязеве, Алатыре и т. д. Различный социально-профессиональный состав стачечных комитетов объясняется, во-первых, социальной пестротой работников железнодорожного транспорта, во-вторых, значительное количество средних и низших служащих в них являлось следствием некоторой политической незрелости железнодорожников, особенно небольших станций и линейных рабочих, которые все еще мало верили в свои силы, нуждались в руководстве «начальства»; в-третьих, это было некоторым результатом влияния ВЖС.

Различной была и партийная принадлежность членов стачечных комитетов Московско-Казанской железной дороги. Во многих из них работали большевики, как, например, в Москве, Перове, Голутвине, Рязани, Алатыре, Сызрани, Батраках, Арзамасе[3]. Они практически претворяли в жизнь решения III съезда РСДРП о перерастании всеобщей политической стачки в вооруженное восстание. В некоторых стачечных комитетах встречались эсеры. Большую часть членов стачечных комитетов составляли беспартийные железнодорожники, которые находились под влиянием большевистской партии. Различный партийный состав комитетов несколько снижал их революционную активность, затрудняя деятельность большевиков. Однако влияние и руководство большевистской партии в октябре 1905 года на широкие трудящиеся массы было бесспорно решающим и обеспечивало энергичное развитие забастовочного движения на Московско-Казанской железной дороге.

В расширении и усилении большевистского влияния на стачкомы этой магистрали немалую роль играли беспартийные, со-

[1] АМКЖД, 1905, д. 3596, л. 21.
[2] Там же, д. 3465, л. 17.
[3] Там же, д. 3645, лл. 1, 4, 10, 13, 17 и др.

чувствовавшие большевикам железнодорожники, имевшие многолетние и прочные связи с большевиками Москвы, Пензы, Тамбова и Саратова. Так, например, в Рузаевке не было большевистской организации, поэтому большевики не были в стачкоме, но их влияние на железнодорожников этой крупнейшей узловой станции не вызывает сомнения.

Стачечные комитеты Московско-Казанской железной дороги непосредственно руководили забастовкой железнодорожников. Работа их была обширной и разнообразной, но подчиненной главной задаче — дальнейшему развитию стачечной борьбы.

Стачечные комитеты собирали забастовочные фонды, разрабатывали тактику революционной борьбы, находили способы активизации рабочих и служащих, вырабатывали экономические и политические требования и т. д.

Развитие революции ставило все новые задачи перед стачечными комитетами, заставляло вторгаться в сферу экономических вопросов, способствовало перерастанию их в органы новой власти. Так, в Москве большевик Горчилин, узнав, что с 13 октября лавочники перестали отпускать в кредит хлеб семьям железнодорожников, от имени стачкома направил хозяевам булочных записки с категорическим требованием прекратить саботаж и обеспечивать продовольствием рабочих и служащих до конца стачки. Торговцы выполнили приказ представителя стачкома[1]. Интересно, что каждую субботу стачком решал бытовые вопросы железнодорожников. В Рузаевке вся станция находилась в полной власти стачечного комитета. Он назначал дежурных, распоряжался (в случае надобности) движением поездов и т. д. Стачком запретил продажу крепких напитков в буфете станции и закрыл винные лавки в деревне Рузаевка[2], установил на станции и в рабочем поселке строгий революционный порядок.

Рузаевка играла в этот период заметную роль на всем протяжении Рязано-Казанского отделения дороги. Байкузов, например, ездил организовывать стачком в Сасове. В Рузаевку одновременно с Москвой обратились из Сызрани за подтверждением срока о начале октябрьской стачки[3] и т. д.

Все вышеотмеченное убедительно раскрывает серьезные качественные изменения, происшедшие в забастовочном движении железнодорожников в октябре 1905 г. Оно поднялось на новую более высокую ступень развития, когда практически встал вопрос о захвате власти. Это наглядно подтверждало вывод В. И. Ленина о том, что назревает восстание, что «...оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки»[4]. При этом вождь большевистской партии с огромным

[1] А. И. Горчилин, указ. соч, стр. 25.
[2] «Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии», стр. 107.
[3] АМКЖД. 1905, д. 3520, л. 6.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 363.

удовлетворением отмечал, что бастует Поволжье (Саратов, Симбирск, Нижний), разрастается стачка в центральных земледельческих губерниях и в промышленном центре[1].

Ведущей революционной силой Всероссийской октябрьской политической стачки были железнодорожники. Оценивая роль и значение революционной борьбы работников железнодорожного транспорта, В. И. Ленин указывал: «Российская всеобщая железнодорожная забастовка приостановила железнодорожное движение и самым решительным образом парализовала силу правительства»[2].

Стачка железнодорожников смертельно напугала самодержавие и буржуазию. «Забастовка дорог,— сообщили Булыгину 10 октября из Москвы,— создала безвыходное положение и грозит катастрофой...»[3].

Царское самодержавие, вынужденное под могучим революционным натиском идти на уступки, издало манифест 17 октября. В нем правительству поручалось: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов[4]. Манифест обещал «по мере возможности» «привлечь теперь же к участию в Думе» те классы населения, которые согласно положению о булыгинской думе были лишены избирательного права[5]. В последнем пункте манифеста царь обещал дать Государственной думе законодательные функции, а «выборным от народа» — возможность» действительного участия в надзоре «за деятельностью властей»[6].

Таким образом, в результате Октябрьской всеобщей политической стачки, пролетариат России одержал первую победу в революции 1905—1907 годов.

Издание манифеста 17 октября не означало, конечно решительной победы революции и капитуляции самодержавия, отступившего лишь на новые исходные позиции и лихорадочно собиравшего силы для разгрома революции. Большевистская партия предвидела подобный маневр царизма. 18 октября ЦК большевиков выпустил и широко распространил листовку «К русскому народу», в которой беспощадно разоблачал реакционную сущность манифеста 17 октября и призывал к восстанию[7]. В. И. Ленин высоко оценил эту листовку, назвав ее манифестом РСДРП[8].

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 362.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 240.
[3] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905, д. 2555, л. 148.
[4] Законодательные акты переходного времени 1904—1908 гг. Спб. 1909, стр. 150.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 151.
[7] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 196—198.
[8] См. В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 400—401.

МК РСДРП, приняв утром 18 октября решение о продолжении забастовки, обратился к рабочим и железнодорожникам с рядом листовок, подводивших итог всеобщей стачки и определявших пути дальнейшей борьбы с самодержавием. «Стачка сорганизовала свою великую рать,— говорилось в одной из них,— она дала все, что могла дать... Стачка нанесла царскому правительству страшный удар, но вместе с тем она ярко доказала нам, что одной забастовкой убить его, стереть с лица земли нельзя...»[1]. Выход один — вооруженное восстание.

Большевистские листовки, быстро распространившиеся по Московско-Казанской дороге, наряду с указанием Железнодорожного райкома, сыграли большую роль в деле разоблачения царского манифеста и дальнейшего развития забастовки. Котляренко, рассказывая о работе большевиков дороги после 17 октября, пишет: «Мы организовали здесь несколько коротких митингов, где всеми отмечалось, что манифест вырван у царизма, что последний постарается взять реванш и надуть (т. е. обмануть — Л. Ф.), что поэтому необходимо быть всем настороже и готовыми к бою.[2]

Рабочие и служащие Москвы, Перова, Рязани, Сасова, Арапова (Ковылкина), Рузаевки, Арзамаса и Алатыря 18 октября возобновили забастовку[3] и стали явочным порядком вводить политические свободы.[4] Впереди шли железнодорожники Москвы, Перова и других станций. Они добились 18 октября освобождения Котляренко, Ухтомского, Кривошеина, Печковского и Беднова[5]. Совместно с рабочими других предприятий железнодорожники Московско-Казанской дороги участвовали в освобождении 75 борцов революции из Бутырской тюрьмы[6] и т. д.

В этот же день рабочие и железнодорожники Н.-Новгорода также двинулись к тюрьме, чтобы дать свободу своим товарищам. Но, не дожидаясь прихода железнодорожников, царские власти сами освободили заключенных[7].

Другой наиболее характерной формой революционного движения этого времени и одним из средств дальнейшей активизации и организации сил революции были демонстрации.

В Москве, например, 19 октября на Московско-Казанской железной дороге произошла многотысячная демонстрация, в которой участвовали также рабочие и служащие Перова, Сортировочной и Люберцев. Закончилась она призывом большевиков к новой вооруженной забастовке[8].

[1] «Большевики во главе стачки...», стр. 430.
[2] 1905 г., т. 3, М. Л., 1925, стр. 10.
[3] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 281.
[4] АМКЖД, 1905, д. 3646, лл. 1—2, 17—19, 71—73.
[5] Там же, д. 3642, л. 3.
[6] МОГИА, ф. 6/46, оп. 3, т. 1, д. 30, л. 47.
[7] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905, д. 2540, л. 73.
[8] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 116, л. 30; «Русское слово», 20 октября 1905 г.

Аналогичная демонстрация состоялась в Пензе[1]. В Казани дело пошло еще дальше: рабочие и железнодорожники решили с оружием в руках добиваться удовлетворения своих прав. У здания окружного суда они попытались разоружить солдат, но после открытия огня последними вынуждены были отступить[2].

Это были не обычные демонстрации, которые сопровождались освобождением из тюрем политических заключенных, призывами к восстанию, попытками разоружения солдат и т. д. Это было нечто большее, чем демонстрации, — быстрое назревание нового революционного подъема, переходящего в вооруженное восстание.

Так развертывались события на крупных станциях Московско-Казанской железной дороги, которые находились в важных революционных центрах страны, где железнодорожники совместно с рабочими других предприятий, под руководством большевиков грандиозными демонстрациями ответили на царский манифест.

В Сасове, Арапове (Ковылкине), Рузаевке, Саранске, Тимирязеве (Красном Узле), Зеленом Доле, Алатыре и т. д. революционное движение железнодорожников было более сдержанным по форме и менее решительным по характеру.

И здесь непрерывно происходили митинги и собрания, но они носили в основном характер обсуждения манифеста и проявления недовольства им[3].

Напуганные ходом революционной борьбы, владельцы Московско-Казанской железной дороги в один голос заявляли, что после 17 октября «настроение служащих (подразумеваются все железнодорожники — Л. Ф.) опять изменилось к худшему»[4]; т. е. они признавали новый революционный подъем на дороге.

Однако этот период был очень краток по времени (4—5 дней) и менее многочисленен по составу его участников, так как часть мелких и средних служащих уже отходила от революционного движения, надеясь на манифест 17 октября и дальнейшие уступки самодержавия. Иллюзии на этот счет усиленно поддерживались меньшевиками, эсерами и буржуазией.

В то время как большевики призывали и готовили массы к вооруженному восстанию, меньшевики и эсеры прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить дальнейшего развития революции и задушить забастовку. 18 октября стачечный комитет Московского узла, предав революцию, постановил прекратить стачку и призвал к этому всех железнодорожников[5]. Стремясь отвлечь народные массы от революционной борьбы, царское правительство, возглавляемое С. Ю. Витте, пошло на новые

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1905, д. 2540, л. 56.
[2] Там же, л. 73.
[3] АМКЖД, 1905, д. 36500, лл. 3—6, 115—117.
[4] ЦГИАМ, ф. 59, МЖПУ, д. 9, лл. 471—473.
[5] АМКЖД, 1905, д. 3652, л. 2.

лживые обещания. 21 октября по указанию Витте МПС разослало по всем дорогам телеграмму за № 15294, в которой обещало принять «решительные и безотлагательные меры к улучшению быта низших служащих дорог»[1]. Затем было послано по Московско-Казанской дороге еще несколько подобных телеграмм, рассчитанных на «успокоение умов»[2]. Но стачка продолжалась. Видя, что такими средствами нельзя сорвать забастовку, правительство, продолжая уступать на словах, начало наступление на деле. Несмотря на заверения в том, что участники железнодорожной стачки не будут подвергаться репрессиям, департамент полиции спешно собирал данные о всех ее руководителях и активных участниках[3]. На Московско-Казанской железной дороге этот «учет» начался еще с момента возникновения забастовки[4].

Другим средством для подавления революционного движения являлось применение так называемых исключительных законов — введение в отдельных районах усиленной и чрезвычайной охраны и даже военного положения, что давало в руки местных властей широкие карательные полномочия. В районе Московско-Казанской железной дороги положение об усиленной охране в октябре 1905 года действовало только в Москве и Московской губернии[5], что, естественно, сказалось на революционном движении железнодорожников этого участка дороги. Так, при усиленной охране власти имели «право» арестовывать любое лицо на срок до 3 месяцев или оштрафовать до 500 рублей; при чрезвычайной охране — заключать в тюрьму до 3 месяцев или оштрафовывать до 3 тыс. рублей[6].

Наряду с этим местные власти могли запрещать все митинги, демонстрации и даже частные собрания; высылать любого человека из данной местности; полицейские получали неограниченные права арестов и обысков и т. д.[7].

Для подавления революционного движения в стране царское правительство широко использовало черносотенцев. Сигнал к их выступлению подали московский митрополит Владимир и епископ Никон, призвавшие к черносотенным погромам в своей печатной и широко распространенной проповеди «Что нам делать в эти тревожные дни?»[8]. Еще до опубликования «манифеста» контрреволюционные громилы и убийцы знали, что им делать. По всей стране прокатилась волна погромов, инспирированных царскими властями и организованных черно-

[1] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 666.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 116, л. 35.
[3] ЦГИАМ, ф. 63, 1905, оп. 14, д. 797, т. 2, л. 32.
[4] АМКЖД, 1905, д. 2966, л. 2.
[5] «Всероссийская стачка», ч. 1, стр. 666—667.
[6] ПСЗ, т. XIV, СПб, 1890, стр. 54—55.
[7] Там же, стр. 55—56.
[8] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 681.

сотенцами. 18 октября в Москве ими был убит видный деятель большевистской партии Н. Э. Бауман. Погромы также имели место в Рязани, Сызрани, Арзамасе, Казани, Н.-Новгороде и других городах и железнодорожных станциях[1].

Особую опасность шовинистический угар и кровавые погромы таили в себе в многонациональном районе Поволжья. Характерно, что здесь погромщики открыто выступали против железнодорожной стачки, т. к. рабочие и служащие этой магистрали ввиду отсутствия других промышленных предприятий представляли передовой отряд борющегося народа. Так, купцы г. Саранска открыто говорили, что в забастовке на Московско-Казанской железной дороге участвуют «не русские служащие, а поляки и евреи» и в телеграмме в МВД просили обратить на это внимание[2]. 26 октября секретарь Саранского полицейского управления организовал черносотенное шествие. К собравшимся с погромной речью обратился архимандрит монастыря, призывавший «защищать царя-батюшку от изменников»[3], т. е. от забастовщиков. Затем был организован «Союз защиты личности»[4], куда вошли местные купцы, лавочники, помещики и кулаки ближайших сел.

Этот объединенный фронт контрреволюции от членов дома Романовых до последнего провинциального лавочника пытался также голодом задушить забастовку. Так, московские поставщики продуктов питания заявили, что «в случае продолжения забастовки они прекратят доставку провизии[5]». А на Московско-Казанской железной дороге еще с 14 октября отказались выдавать хлебные изделия бастующим железнодорожникам. Однако силам контрреволюции не удалось сразу подавить революционное движение в стране и, в частности, забастовку на Московско-Казанской железной дороге.

Резкое изменение обстановки наложило свой отпечаток на революционное движение железнодорожников, открыв новый этап в их забастовочной борьбе.

События после 20 октября выдвинули как основную форму рабочего движения железнодорожников Московско-Казанской железной дороги — стачку, поставив на второй план демонстрации, митинги и собрания. Обращает на себя внимание и сам тип забастовки, носивший уже оборонительный характер, но со специфическими особенностями. Одна из них состояла в том, что приступавшие формально к работе железнодорожники, как это, например, имело место 19 октября в московских и перовских мастерских, фактически не работали, а продолжали бас-

[1] АМКЖД, 1905, д. 3720, лл. 3—5, 33—35, 62.
[2] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 233, д. 2555, т. 2, л. 199.
[3] ЦГА МАССР, ф. 20, д. 386, лл. 14—15.
[4] Там же, л. 12.
[5] «Торгово-промышленная газета», 8 октября 1905 г.

товать, о чем со страхом и недоумением доносил правительству фон Мекк, охарактеризовавший довольно метко этот вид борьбы железнодорожников как «хронически пассивную стачку»[1].

Вторая особенность стачки заключалась в том, что бастующие железнодорожники направили свой основной удар на материальные ценности данной монополии. Они портили маневровые паровозы, организовывали сходы паровозов на стрелках, заклинивали дымогарные трубы и т. д.[2]. Таким образом, нанося материальный ущерб хозяевам дороги, они вынуждали их к скорейшему удовлетворению своих требований, а главное оттягивали конец забастовки. Этот вид борьбы принял такой массовый характер на Московско-Казанской железной дороге, что иногда паровозы оказывались испорченными на всей узловой станции[3].

Отсюда вытекает третья особенность забастовки. Она заключалась в том, что забастовка охватывала в основном узловые станции, такие, как Рязань, Сызрань, Рузаевка, Батраки и т. д.[4]. Если железнодорожники крупных городов, как Москва, Н.-Новгород, Казань, Пенза и др. стали после 18 октября постепенно сдавать свои позиции, то на узловых станциях борьба еще продолжалась, и их влияние распространялось на всю Московско-Казанскую дорогу.

Вместе с тем своеобразие заключительного этапа октябрьской железнодорожной стачки довольно отчетливо показало, что исправить положение, перевести забастовку в вооруженное восстание было уже невозможно, так как в целом революционное движение в стране пошло на убыль.

Большевики, руководители забастовки, правильно оценили создавшуюся ситуацию. 19 октября МК РСДРП предложил временно прекратить стачку и готовиться более тщательно к вооруженному восстанию[5]. Железнодорожный райком и большевики Московско-Казанской железной дороги широко распространили специально выпущенную по этому поводу листовку среди железнодорожников этой магистрали. Стачка постепенно угасала. Закончилась в основном она на Московско-Казанской железной дороге 23 октября[6]. В этот же день начали действовать заводы и фабрики Москвы, 25 октября открылось нормальное движение почти на всех дорогах Московского узла[7]. Но на Московско-Казанской железной дороге повсеместно возобновилось движение лишь 26 октября. Последними включились в

[1] АМКЖД, 1905, д. 3748, л. 2.
[2] Там же, л. 4.
[3] Там же, лл. 5, 7, 9—11.
[4] Там же, лл. 19—21, 43.
[5] «Большевики во главе стачки...», стр. 430.
[6] «Всероссийская стачка...», ч. 1, стр. 228.
[7] ЦГАОР и СС, ф. 6865, оп. 1, д. 116, л. 35 «Русские ведомости», 26 октября 1905 г.

него железнодорожники Мордовии, рабочие и служащие Рузаевки и линии Ряжск — Рузаевка — Ртищево[1].

Однако восстановление движения не означало еще прекращения борьбы. На станциях, в депо и мастерских Московско-Казанской железной дороги продолжались непрерывно митинги и собрания, на которых обсуждались результаты прошедшей стачки и вырабатывались планы предстоящей решительной схватки с царизмом. Но характер этих митингов и собраний значительно изменился. Если до 17 октября они были разнообразными по своему составу и обсуждали общереволюционные вопросы, то в рассматриваемое время митинги и собрания были строго профессиональными по составу и тематике обсуждаемых вопросов[2]. Особенно решительный и боевой характер носили они на узловых станциях. Железнодорожники готовились к вооруженному восстанию.

* * *

Рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги являлись застрельщиками и наиболее активными участниками всеобщей октябрьской железнодорожной забастовки, поднявшей все революционное движение России на новый этап своего развития—Октябрьскую политическую стачку 1905 года.

Авангардная роль, сила и размах октябрьской забастовки на Московско-Казанской железной дороге являлись результатом огромной организационной и политической работы большевистской партии.

Октябрьская забастовка значительно подтянула железнодорожников линии к передовым отрядам рабочих и служащих Москвы и ее пригородов. Большую роль в октябре 1905 года сыграли железнодорожники Мордовии, смело и решительно выступившие на борьбу с самодержавием и империалистической буржуазией.

Октябрьская забастовка выдвинула новые методы и формы рабочего движения железнодорожников. Они не только останавливали движение транспорта на дороге, но захватывали значительные участки магистрали в свои руки, использовали поезда в революционных целях и т. д. Под руководством большевиков стачечные комитеты превращались в органы восстания, а иногда и в органы новой власти.

Октябрь 1905 года был серьезной и последней пробой сил перед легендарными днями декабря 1905 года.

[1] «Новая жизнь», 27 октября 1905 г.
[2] АМКЖД, 1905, д. 3734, л. 6.

В. Н. Бочкарев,
доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор.

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ

К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти.

50 лет тому назад, 27 мая 1911 г., студенчество и научная общественность Москвы провожали в последний путь крупнейшего историка дореволюционной России Василия Осиповича Ключевского. В его лице сходил в могилу крупнейший представитель русской исторической науки второй половины XIX в. и первых лет XX столетия. Яркий талант В. О. Ключевского, как исследователя и профессора, глубокое знание прошлых судеб России, вдохновенное ораторское дарование давали возможность ярко и образно, в полном смысле художественно воссоздавать картины далекого прошлого так конкретно и драматично, как будто эти картины развертывались непосредственно перед глазами его слушателей. А этими слушателями были не только студенты тех высших школ, где преподавал В. О. Ключевский, но и многочисленные представители московской интеллигенции. Непревзойденный мастер устного слова, Ключевский был также тонким знатоком литературного оформления любой темы исторического, литературоведческого и историографического характера. Все это ему давалось нелегко. Прежде чем что-либо сказать или написать, он много думал, подбирая такие выражения, которые могли бы доходчивее выявить его мысли и представления о событиях и людях тех эпох из истории нашей родины, о которых шла речь. Сам Ключевский в 1895 г. об этом так писал: «Легкое дело — тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить — тяжелое дело»[1].

Творчество любого ученого теснейшим образом связано с его жизнью, с той общественной средой, которая его окружала, с теми влияниями и впечатлениями, которые он испытал и пережил. Поэтому понять В. О. Ключевского, как крупнейшего историка и мыслителя, можно только увязав его с той эпохой, в которой он жил.

[1] В. О. Ключевский, Очерки и речи. Второй сборник статей, стр. 30.

В. О. Ключевский родился 16 января 1841 г. в семье сельского священника, крестьянина-мордвина по происхождению, отца Осипа, в селе Воскресенском Пензенского уезда Пензенской губернии. Свою принадлежность к мордовскому народу Ключевский вполне признавал. Недаром он любил говорить: «Мы с патриархом Никоном земляки, оба мордвины по происхождению». Достатками, сколько-нибудь значительными, родители Ключевского не обладали. Отец обязанность священника сочетал с работой по своему небольшому хозяйству. Однажды в осеннюю пору, когда Василий Осипович был еще небольшим подростком, его отец, везя с луга на возу скошенное им самим сено, был придавлен насмерть этим тяжелым возом, желая поддержать его на каком-то крутом косогоре. После смерти отца В. О. Ключевский испытал большую нужду, но эта нужда не сломила, а закалила его волю и выработала в нем ту «благородную упрямку», которой отличались многие передовые люди России. Впоследствии его старшая сестра вспоминала, что он часто по ночам при тусклом свете крохотной лампочки-коптилки читал книги, «до которых был большой охотник».

По окончании духовного училища Василий Осипович был принят в Пензенскую духовную семинарию. В. О. Ключевский блестяще учился в семинарии, но быть священником по ее окончании отнюдь не хотел. Он приложил все старания к тому, чтобы получить разрешение у Пензенского архиерея оставить семинарию по окончании первых четырех классов. Такое разрешение В. О. Ключевский получил в 1861 г., когда ему было 20 лет. По его собственным словам, он «был освобожден одновременно с освобождением крепостных крестьян».

Хорошо подготовленный филологически и страстно любя историю, В. О. Ключевский добился поступления в том же 1861 году в Московский университет на историко-филологический факультет. Это было время расцвета факультета, на котором преподавали такие крупные ученые, как Ф. И. Буслаев, С. М. Соловьев, П. Н. Кудрявцев, В. С. Ешевский, В. И. Герье. Наиболее сильное влияние на В. О. Ключевского оказали Буслаев и Соловьев. В. Ключевский стал учеником последнего, специализировавшись по русской истории. Влияние всех своих учителей Ключевский вспоминал с благодарностью. Когда в 1904 г. мы, студенты-филологи, чествовали его в связи с 25-летием его профессуры в Московском университете, где он занял кафедру русской истории в 1879 г. после смерти С. М. Соловьева, В. О. Ключевский в своем ответном слове сказал: «Я свечу отраженным светом Грановского, Соловьева, Кудрявцева и Ешевского и передаю вам те знания, которые сам от них получил».

Студенческие годы В. О. Ключевского совпали с большим подъемом всей русской жизни, когда наряду с массовыми движениями крестьян, с их бурным ответом на свое «освобождение», впервые в 1861 г. в Петербурге и Москве произошли массо-

вые выступления студентов, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и жандармами. Внутри страны возникали конспиративные, преимущественно студенческие, кружки, и появились первые прокламации, а из далекого Лондона мощно раздавались призывы А. И. Герцена, который на страницах «Колокола» обращался к «юношам, от которых заперли науку, идти в народ и стать воинами народа русского». А. Ф. Кони, который одновременно с В. О. Ключевским учился в Московском университете на юридическом факультете, говорит в своих воспоминаниях о тех бурных и многолюдных сходках, на которых выступали студенты, и одним из горячих спорщиков в студенческих кружках был, по его словам, скромный, немного заикающийся, но всегда убежденно говоривший студент-филолог Василий Ключевский.

Ключевский в студенческие годы много нуждался и жил главным образом уроками. Как сам позднее вспоминал, он в течение целого года репетировал какого-то гимназиста, проживавшего с семьей в Сокольниках, ходил ежедневно туда с Бронной, где жил в общежитии, не столько ради 5 рублей, которые получал в месяц за это репетирование, сколько за тот обед, который ему давали после урока. Пешком покрывать в оба конца все расстояние от Бронной до Сокольников приходилось потому, что на проезд денег не было.

Однако страсть к наукам брала свое, и даровитый студент Василий Ключевский, отлично зарекомендовавший себя исследовательской работой, пишет сочинение на тему, предложенную С. М. Соловьевым. В 1865 г. он окончил университет с золотой медалью и был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. Сочинение, за которое В. О. Ключевский получил золотую медаль, было по постановлению Совета Московского университета напечатано в 1866 году. Это была первая большая монография 25-летнего В. О. Ключевского, которая называлась «Сказания иностранцев о Московском государстве XV—XVII веков». Научный труд молодого историка сразу зарекомендовал его как пытливого исследователя-источниковеда, вдумчиво изучавшего многочисленные записки иностранцев, побывавших в России со времени Ивана III до первых лет царствования Петра I. Подавляющее большинство этих записок не было переведено на русский язык, и Ключевский должен был читать их в подлиннике на латинском, немецком, английском, французском и итальянском языках. Значение этой монографии видно и из того, что она дважды переиздавалась после смерти автора — в 1916 и в 1918 гг.

С конца 1860-х годов В. О. Ключевский, будучи уже доцентом Московского университета, стал преподавателем, а позднее профессором Московской духовной Академии. В 1872 году в Московском университете блестяще защитил магистерскую диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник».

Источниковедческие интересы В. О. Ключевского, проявившиеся в первых двух монографиях, четко определили ту его особенность, как исследователя, которая была основной чертой всей дальнейшей творческой работы ученого. Он всегда клал в основу своих наблюдений и заключений материал, обнаруженный им в архивах, и только после тщательного и всестороннего его изучения делал соответствующие обобщения.

Однако быть только пытливым источниковедом Ключевский отнюдь не хотел. Окружающая его действительность властно направляла его внимание на проблематику иного порядка. 60—80-е годы XIX в., когда особенно плодотворно работал В. О. Ключевский как исследователь и профессор Московского университета, были временем бурного подъема экономики России, торжества в ней капиталистического строя. Ясно, что все это не могло не сказаться на В. О. Ключевском. Он был первым из русских историков, который обратил внимание на социально-экономическую тематику, увязывая вопросы правового и государственного характера с хозяйственной и общественной жизнью эпохи. Эта черта Ключевского как ученого сказалась, прежде всего, в его третьей по счету большой монографии «Боярская дума древней Руси», которая сперва была напечатана в журнале «Русская мысль» в 1880—1881 гг., затем вышла отдельной книгой в 1882 г. и тогда же была успешно защищена им в Московском университете, как докторская диссертация. Это исследование В. О. Ключевского много раз переиздавалось. Повторные издания «Боярской думы» выходили в 1883, 1902, 1909 гг. и в 1919 г.

Чем же объясняется такой небывалый на русском книжном рынке успех этого исследования В. О. Ключевского, весьма специального по своей тематике и весьма объемистого по своим размерам? Ответ на это дает, с одной стороны, научное содержание, а с другой, — литературное оформление этой докторской диссертации. Боярскую думу, как одно из высших государственных учреждений допетровской Руси, В. О. Ключевский изучал в ее динамике. Он прежде всего убедительно показал, что дума на всем протяжении своего длительного существования имела далеко не одинаковый состав, а часто и неодинаковые функции. Боярскую думу В. О. Ключевский теснейшим образом увязал с теми переменами, которые произошли в самом боярстве с момента зарождения Киевского государства и кончая преддверием дворянско-бюрократической империи Петра I. Он привлекает материал экономического характера, тщательным анализом которого выявляет удельный вес боярства в общественной и политической жизни как княжеской Руси X—XV вв., так и централизованного Русского государства XVI—XVII вв. Очень хорошо показана роль служилого дворянства, начиная со времени Ивана III и особенно в период опричнины и во второй половине XVII в., когда, по словам думного дьяка Федора

Шакловитого, боярство стало «зяблым, трухлявым деревом». Таким образом, государственноправовая проблематика в «Боярской думе» была теснейшим образом увязана с проблематикой социально-экономической. Все это совершенно по-новому давало представление о многих сторонах жизни России X—XVII веков и превращало исследование В. О. Ключевского в ценное пособие для каждого историка-специалиста. Наряду со своим богатым содержанием это исследование В. О. Ключевского привлекает читателя своим блестящим литературным оформлением. Однако общие выводы этого труда весьма односторонни и не дают полного представления о Думе и ее деятельности как правительственного учреждения.

В. О. Ключевский, будучи маститым ученым, в 1900 году был избран сверхштатным академиком по II отделению гуманитарных наук Академии Наук, а в 1902 г. вместе с А. Ф. Кони — действительным членом Академии Наук по вновь образованному разряду «Изящной словесности».

Не могу не поделиться своими личными впечатлениями от моего первого знакомства с «Боярской думой» В. О. Ключевского. Я прочел ее летом 1896 г., когда только что перешел в 7 класс Ярославской классической гимназии. Привыкнув к обычной официальной трактовке событий русской истории по княжениям и царствованиям, я был буквально потрясен той яркой картиной, которая была нарисована мастерским пером В. О. Ключевского. Он показывал самую жизнь, как она складывалась в событиях и учреждениях изучаемой им эпохи, и это было для меня все настолько ново и необычно, что я много дней подряд находился под сильнейшим впечатлением прочитанного мною исследования В. О. Ключевского.

В 1870-х гг. историко-экономическая тематика нашла свое отражение в весьма насыщенной материалом статье «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в XV—XVI вв». Позднее, в 80 и 90-х гг. XIX века, когда исследовательский талант В. О. Ключевского развернулся в полной мере, вопросы социально-экономического порядка стали исключительным предметом его научных изысканий. Почти все его работы этих лет печатаются в журнале «Русская мысль», что гарантировало им широкий и весьма разнообразный круг читателей.

В 1884 г. в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских» напечатана была работа В. О. Ключевского «Русский рубль XVI—XVIII веков в его отношении к нынешнему». В ней В. О. Ключевский на основании сопоставления хлебных цен на протяжении 4-х столетий выявил покупательную стоимость русского серебряного рубля, начиная со времени Ивана III. Эта работа Ключевского стала незаменимым руководством метрологического характера, когда исследователю историку и экономисту приходится сопоставлять ценности в денежных обозначениях за тот или другой период времени.

В 1885 и 1886 гг. в «Русской мысли» были напечатаны статьи В. О. Ключевского «Происхождение крепостного права в России» и «Подушная подать и отмена холопства в России». В них впервые выдвинуты были на первый план как в том, так и в другом случае причины экономического характера: задолженность крестьян по порядным и ссудным грамотам и необходимость распространения податного тягла на все разряды холопьего населения России в первой четверти XVIII в. До В. О. Ключевского как происхождение крепостного права, так и отмену холопства объясняли исключительно мероприятиями юридического характера — теми или иными указами и законами. Не игнорируя последних, Ключевский видел в них только юридическое оформление тех фактических отношений, которые складывались на экономической почве и приводили к большим социальным изменениям.

Два исследования В. О. Ключевского, опубликованные на страницах все того же журнала «Русская мысль» в 90-х гг. XIX в., «Состав представительства на земских соборах XVI века» и «Смена — боярство и дворянство» переносят нас в ту проблематику, которая близка теме его докторской диссертации. В первом из этих исследований, напечатанном в № 1 «Русской мысли» за 1890, 1891 и 1892 гг., Ключевский показал, что на Земских соборах XVI века были не столько нарочито выбранные представители феодально-землевладельческих и торгово-промышленных группировок, сколько должностные лица столичного дворянства и перворазрядного столичного купечества. Вторая работа, появившаяся в том же журнале в 1900 г., очень убедительно показывает, как в правящих кругах Русского централизованного государства уже с конца XVI в., а особенно в XVII столетии, родовитое боярство пополняется выходцами из рядового дворянства и как это дворянство в государственном аппарате страны начинает играть все более заметную роль.

Наряду с перечисленной тематикой государственно-правового и социально-экономического характера, В. О. Ключевский дал немало ценных работ культурно-исторического порядка. Значительная часть этих работ связана была с юбилейными датами и оформлялась им в виде докладов или в Обществе истории и древностей российских, председателем которого он был избран в 1893 г., или в Обществе любителей российской словесности, или в публичных заседаниях Ученого совета Московского университета. Таковы его интересные характеристики Пушкина, Новикова и Лермонтова. В докладах В. О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки» и «Недоросль» нашло отражение разложение дворянской культуры конца XVIII и начала XIX вв. Во всех этих статьях и характеристиках блестящий литературный талант В. О. Ключевского тесно сплетался со свойственным ему тонким критическим анализом документальных материалов.

Много внимания уделял В. О. Ключевский темам историографического характера, давая глубоко проникновенные характеристики таким историкам, как И. Н. Болтин и Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. К. Любавский, М. С. Карелин.

Кроме того, В. О. Ключевскому приходилось давать по поручению Ученых советов высших учебных заведений и такого научного учреждения, как Академия Наук, отзывы о диссертациях и трудах, представляемых на соискание премий. Часто эти отзывы разрастались в небольшие исследования, представляющие весьма значительный интерес.

Все перечисленные выше небольшие работы В. О. Ключевского и многие другие его статьи и выступления, не вошедшие в наш перечень, составили три сборника его работ, выдержавших каждый по нескольку изданий. Это: «Опыты и исследования» (в 1912, 1915 и 1918 гг.), «Очерки и речи» (в 1913 и 1918 гг.) и «Отзывы и ответы» (в 1914 и 1918 гг.).

Самым большим и многотомным трудом В. О. Ключевского, к которому он обращался на протяжении 1870—1900-х гг. не один раз и который он дополнял, перерабатывал и нередко существенно видоизменял, был его «Курс русской истории» в 5 томах. «Курс» по праву можно назвать вершиной его научного творчества. Этот «Курс» с конца 1870-х гг. складывался в виде студенческих записей, сделанных в аудиториях в часы лекций В. О. Ключевского. В 1884/85 учебном году он был записан студентом Московского университета, позднее академиком С. Б. Веселовским и тогда же издан им литографским путем. В течение последующих 15 лет этот литографский текст, часто в новых записях, ходил по рукам и даже в 1900—1902 гг., когда я был студентом историко-филологического факультета Московского университета на I и II его курсах. Только в 1904—1910 гг. сам В. О. Ключевский предпринял печатное издание своего «Курса» русской истории». До Великой Октябрьской революции этот «Курс» выдержал несколько изданий. Он был переиздан в 1918—1923 гг. и в 1937 году. Наконец, наиболее полное, с научными комментариями издание этого «Курса русской истории» дано в первых 5 томах «Сочинений В. О. Ключевского», выпущенных Госполитиздатом в 1956—1958 гг. под общей редакцией академика М. Н. Тихомирова.

Изданный типографским способом «Курс» В. О. Ключевского был своего рода итогом всей его более чем 45-летней исследовательской и преподавательской деятельности. Над ним он много и долго работал, значительно расширяя и углубляя тексты прежних, литографированных изданий. Первые 4 тома им самим были подготовлены к печати и выпущены в свет при его жизни. Над 5-м томом он стал работать уже в 1910 году и успел подготовить к печати первые три лекции этого тома, относящиеся ко времени Екатерины II. Весь остальной текст

этого тома, доведенный до 1855 года, был воспроизведением тех записей лекций по истории России XVII—XIX веков, которые были сделаны Я. Л. Барсковым в 1883—1884 гг. и изданы им же, как 5-й том «Курса русской истории», в 1921 г.

Научное мировоззрение В. О. Ключевского складывалось в те годы, когда в понимании исторического процесса господствовало идеалистическое направление, в основу общественного развития ставились идеи, теории и взгляды, игнорировалась решающая роль народных масс в истории. Ведущее место в истории отводилось носителям верховной власти — князьям, царям и императорам. Государство при этом трактовалось как организация общего блага, как надклассовое учреждение, примиряющее враждебные классы общества. Вопросы о том, чем занималось население нашей страны в разные периоды его политического и экономического развития, привлекали к себе пытливое внимание В. О. Ключевского, как историка-социолога, но первенствующего значения в ходе исторического процесса он ему не придавал. Как выразитель буржуазной идеологии, В. О. Ключевский к революционным выступлениям широких народных масс относился отрицательно. Так, характеризуя XVII век, он ни слова не говорит о восстании Разина, игнорирует события крестьянской войны под руководством Пугачева. Только для восстания И. Болотникова он делает исключение, включая его в систему тех сословных выступлений, которыми, по его мнению, было проникнуто «Смутное время» начала XVII века. Он даже признает за этим восстанием классовый характер.

Оригинальной являлась периодизация истории России, предложенная Ключевским. Эта периодизация стоит в тесной связи с его теорией колонизации. Начиная историю России примерно с VIII в. н. э. и доводя свой лекционный курс до середины XIX столетия, точнее до 1855 года, Ключевский все эти 12 веков делил на следующие 4 периода: 1. Русь Днепровская, городовая, торговая; 2. Русь Верхне-Волжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая; 3. Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая; 4. Период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского (Курс, том I, стр. 33—34, М—1956). Значение этой периодизации состоит, прежде всего, в том, что она резко порывала с тем династическим моментом, который брали в основу своей периодизации все остальные историки России как предшественники В. О. Ключевского, так и его современники. В своем курсе В. О. Ключевский останавливался на основных проблемах, которыми, по его мнению, характеризовался весь ход русской истории. Эти проблемы он подробно разрабатывал и развертывал перед своими слушателями в стройную цепь основной проблематики многовековой истории нашей страны.

Методология Ключевского отличалась эклектизмом, что

часто приводило к тому, что политические идеи и взгляды он выдвигал нередко на первый план. Многие явления в истории В. О. Ключевский объяснял как результат воли и деятельности исторических личностей. Так, опричнину и реформы первой четверти XVIII в. он рассматривал как проявление личной воли Ивана IV и Петра I.

Мы не ставим перед собой задачу дать подробную характеристику этого 5-томного труда маститого русского ученого. Этот труд весьма богат прекрасно подобранным материалом, навсегда запоминающимися характеристиками событий и лиц, умелым использованием исторических первоисточников и специальной литературы. Написан он превосходным языком. Всем этим он способствовал студенческой аудитории и читателям своего «Курса» усвоению основных моментов его лекций по русской истории. Вот как он, например, в одной фразе характеризовал предпосылки возникновения единого Русского государства в XV—XVI веках: «Не в скопидомном сундуке Ивана Калиты, а на широких просторах Куликова поля родилось Русское национальное государство».

Придавая большое значение народному труду в многовековой исторической жизни Русского государства, Ключевский, весьма умело используя пословицы и поговорки, четко характеризовал наблюдательность русского крестьянина и его стремление сочетать с природными особенностями свою работу на протяжении всего календарного года. Удачные эпитеты и меткие словечки определяли, с одной стороны, перемены, происходившие в природе, а с другой — как эти перемены сказывались на быте и труде крестьянина. Новый год в допетровской Руси начинался с 1 сентября — с «Семена-летопроводца», и об этом Семеновом дне в народе говорили: «Старый год проводил, новый год народил».

Меткой фразой, умело взятой из текста первоисточника, В. О. Ключевский выявлял перед своей аудиторией типичные черты того или иного исторического деятеля. Подчеркивая, например, стремление Андрея Боголюбского укрепить на Руси сильную великокняжескую власть и ликвидировать нескончаемые княжеские усобицы, он пишет: «Не величав был Андрей на ратный чин, но ждал похвалы лишь от бога». Иван Грозный уничтожал не порядок, а людей и «как испуганный ребенок, закрыв глаза, бил направо и налево». А как метко даны им характеристики «освятованного» царя Федора Ивановича и «рабо-царя» Бориса Годунова. Эти характеристики даны им словами современников из повестей и сказаний конца XVI и начала XVII веков. Царь Федор, по их утверждению, «благоюродив быть от чрева матери своея, всю жизнь избывал мирской суеты и докуки», а рядом с этим Ключевский приводит полные иронии слова Ивана Грозного: «Какой ты царский, ты пономарский сын». Этими словами подчеркивалась страсть Федора, когда он был еще царевичем, лазать на колокольни и звонить в колокола. Борис же Годунов, по Ключевскому, был умный правитель: «Зело прерассудительное к народу мудроправство показа».

Там, где В. О. Ключевский сам рисовал образ того или другого исторического лица, он был неподражаем. Такова, например, его характеристика «тишайшего» царя Алексея Михайловича, который в гневные минуты «драл за бороды своих бояр», а, увлекаясь западноевропейскими новшествами, не решался все же порывать со стариной и стоял как бы на одной ноге, подняв другую над той чертой, которая отделяла новое от старого. Петра I Ключевский сравнивал с той чугунной пушкой, которую тот собственноручно отлил на Олонецком заводе и которая, стреляя, накалялась докрасна. Этим Ключевский подчеркивал то исступленное состояние, в которое иногда приходил Петр по отношению к окружающим его лицам. А вот дочь Петра, «своенравная барыня» императрица Елизавета Петровна, бившая по щекам своих фрейлин. О степени ее образованности можно судить по тому, что в Англию, по ее мнению, можно было проехать в карете сухим путем, а в слове из трех букв она ухитрялась делать 4 ошибки и писала вместо «еще» — «иччо».

Отдав дань, подобно другим историкам XIX века, пресловутой «норманской теории», В. О. Ключевский начальным моментом возникновения государства у восточных славян считал еще союз славянских племен VIII века в Прикарпатье под руководством дулебов или волынян. Феодализм на Руси Ключевский отрицал, называя период XIII—XV веков «удельным». Но он вполне правильно одной из основных причин образования единого Московского государства считал формирование великорусского племени и стремление этого племени к политическому объединению для окончательного освобождения себя из-под ига Золотой Орды.

Придавая большое зачение дворцовым переворотам XVIII в. в возвышении дворянства, В. О Ключевский склонен был считать и восстание декабристов 1825 года «последним гвардейским переворотом в России».

Останавливаясь на правительственных мероприятиях по подготовке реформы 1861 г., Ключевский игнорировал рост крестьянских движений и таких идеологов грядущей крестьянской революции, как А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский.

«Курс» имеет целый ряд ошибочных положений. Одним из важнейших факторов русской истории В. О. Ключевский считал непрерывный процесс колонизации, а основными занятиями в Днепровской Руси — звероловство, рыболовство и бортничество.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские историки раскрыли объективный характер исторического

развития Русского государства, доказали, что Днепровская Русь была земледельческой страной с развитыми феодальными отношениями.

Ошибочным является стремление В. О. Ключевского рассматривать исторические факты прежде всего со стороны их юридической формы. Неправилен взгляд В. О. Ключевского и на русское общество. В лекции, посвященной крестьянской войне и интервенции начала XVII в., он дает искусственную схему участия «общественных классов» в том явлении, которое он обозначает старым термином «смута». Вначале выступает боярство, «оно и начало смуту». Простонародье идет вслед за провинциальными служилыми людьми «и за них цепляясь». Таким образом, по существу весь вопрос о широчайшем народном движении против феодально-крепостнического гнета XVII в. В. О. Ключевский свел к династическим спорам.

История русской культуры рассматривалась им в свете западного и византийского влияния; о лучших достижениях ее он умолчал совсем, не показал ее самобытный характер.

Бедны и противоречивы философские взгляды В. О. Ключевского, с особой силой проявившиеся в водной лекции «курса». Вместе с тем мы не должны забывать, что В. О. Ключевский своими исследованиями ознаменовал целую эпоху в разработке вопросов русской истории. Он создал школу своих учеников и последователей. Кроме многих видных историков конца XIX и первых десятилетий XX века, ставших профессорами и академиками, из его аудиторий вышли сотни тех учителей средних школ дореволюционной России, которые преподавали русскую историю «по Ключевскому». К «школе» Ключевского принадлежали такие крупные ученые, как П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, Е. А. Мороховец, К. В. Сивков, Б. Е. и В. Е. Сыроечковские.

Себя я также в полной мере причисляю к тем работникам советской высшей школы, которые являются непосредственными учениками В. О. Ключевского. По представлению его и другого профессора Московского университета М. К. Любавского я в августе 1906 г. постановлением Ученого совета Московского университета был оставлен в нем на кафедре русской истории «для подготовки к профессорскому званию». У него во время подготовки к магистерским экзаменам я получал консультации, и он же вместе с другими специальностями по русской истории принимал у меня эти экзамены в 1908 и в 1909 гг.

Не могу не остановиться на деятельности В. О. Ключевского как педагога, как воспитателя студенческой молодежи. Я слушал лекции Ключевского два года подряд. На 1 курсе он нам читал первую половину своего тогда еще не напечатанного «Курса русской истории» (до конца XVI века), а на втором

году обучения он читал вторую половину этого «Курса», охватывающую XVII—XIX века. Читал он всегда стоя на ступеньках высокой кафедры, положив перед собой рукописный текст. В этот текст он почти не заглядывал, но он помогал ему тогда, когда В. О. Ключевский чувствовал небольшие приступы заикания, которое было у него еще со студенческих лет. Читал он медленно, немного растягивая свои фразы, подчеркивая интонациями голоса, а иногда и мимикой то, на что надо было обратить наибольшее внимание. Изредка он даже повторял наиболее важные места своей лекции и всегда заканчивал ее двумя-тремя обобщающими фразами.

Студенты обычно записывали его лекции, у многих на руках были литографированные тексты его «Курса». Однако сам В. О. Ключевский считал, что его лекции имеют для студентов больше всего общеобразовательное значение, но для сдачи экзамена, по его мнению, они не годились ввиду своего большого объема. Студентам он говорил: «По моим лекциям к экзаменам не готовьтесь — провалитесь». Учитывая требования программы и то, что перегружать студентов перед экзаменами учебной литературой отнюдь нельзя, В. О. Ключевский выпустил «Краткое пособие по русской истории», выдержавшее много изданий. Это «Пособие» и школьный учебник С. М. Соловьева по русской истории он и считал теми книгами, которые студент-историк должен был хорошо знать перед экзаменами. Экзаменовал студентов он один без ассистентов, не спеша, вслушиваясь в то, что ему студент отвечал, а затем, задав 2—3 дополнительных вопроса, отпускал экзаменуемого.

Читал В. О. Ключевский свои лекции в большой аудитории здания университета на Моховой, которая помещалась во втором этаже, выходя окнами на передний двор, где стоит памятник М. В. Ломоносову. Он был чрезвычайно популярен в студенческих кругах, и к нему в аудиторию проникали всякими законными и незаконными путями студенты других факультетов, так что она всегда была переполнена.

Портрет В. О. Ключевского кисти художника Пастернака изображает его стоящим на ступеньках кафедры во время чтения лекции в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Любопытный штрих к личной характеристики В. О. Ключевского: он никогда в университете не появлялся в форменном вицмундире в виде фрака из синего сукна с золочеными пуговицами. В таких форменных одеяниях, установленных университетским уставом 1884 г., читали нам лекции все остальные профессора. В. О. Ключевский же и на лекциях, и выступая оппонентом при публичной защите магистерских и докторских диссертаций, всегда был в черном сюртуке. Таким он изображен и на портрете Пастернака.

Какое значение В. О. Ключевский придавал своему постоянному общению с молодежью видно из того, как он об этом от-

зывался в своем ответном слове на чествовании его в 1904 г.: «Передо мной бурный молодой поток, на берегу которого я стою, как старая развесистая ива, склонив свои ветви в его воды. Но этим я обновляю свои силы и отдаю затем вам то, что вы мне своим вниманием и интересом даете».

В. О. Ключевский отрицательно относился к тому карьеризму, который нередко давал себя знать у части студенческой молодежи. Как говорилось выше, он более 30 лет был профессором Московской духовной академии. Академия давала высшее как общее историко-филологическое, так и специальное церковно-богословское образование. Многие из питомцев академии по окончании в ней курса становились преподавателями духовных училищ и духовных семинарий, а иногда и светских школ — гимназий и прогимназий. Среди студентов духовной академии были также и карьеристы, которые стремились к занятию высших церковных должностей, для чего надо было иметь монашеское звание. Такие студенты-карьеристы уже на последнем году своего пребывания в духовной академии принимали монашество или, как тогда часто говорили, «ангельский образ». К таким студентам-карьеристам Ключевский еще, вероятно, со времени своей учебы в Пензенской семинарии относился весьма неблагожелательно, что он и не скрывал. На одном из «актов», которым торжественно заканчивалась каждый год учебная жизнь Московской духовной академии, он свое публичное выступление начал обращением к выпускникам такими словами: «Приветствую вас, принявших ангельский образ (при этом он обратился к группе выпускников, стоявших по левую сторону от него в монашеских одеяниях) и вас не потерявших человеческого обличия». При этих словах Ключевский совершенно с другим выражением лица повернулся в правую сторону, где стояли выпускники в пиджаках и сюртуках. В этих словах, одновременно и едких и остроумных, сказался В. О. Ключевский и как человек, и как педагог.

Труды В. О. Ключевского являются ценными не только по глубоким историческим изысканиям, но и по высокому литературному мастерству. Он вошел в историю как замечательный педагог, умевший, благодаря богатым знаниям и лекторскому мастерству, пробуждать у слушателей живой интерес к истории своей страны.

Однако В. О. Ключевский, будучи председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете по настоянию реакционной профессуры вынужден был в 1894 г. выступить с «Похвальным словом» императору Александру III. Эта речь вызвала справедливое возмущение прогрессивных кругов русского общества, в особенности передового студенчества

Я не знаю, удалось ли мне в своей статье выявить облик В. О. Ключевского, как моего незабвенного учителя, как крупнейшего русского историка, как изумительного мастера слова и

вдумчивого педагога, но сделать это я, безусловно, хотел. Современным советским историкам—ученикам его учеников—дают представления о В. О. Ключевском, как о крупнейшем дореволюционном историке, его труды, в первую очередь его знаменитый «Курс русской истории». Лучшим изданием сочинений Василия Осиповича Ключевского, правда далеко не всех, являются те 8 томов, которые выпущены Госполитиздатом под редакцией академика М. Н. Тихомирова. В этом издании весьма ценным добавлением являются те комментарии и примечания, которыми сопровождаются все напечатанные работы В. О. Ключевского, особенно его «Курс». Из них читатель может получить довольно полное представление о В. О. Ключевском как историке и мыслителе, уяснив его сильные и слабые стороны.

Это издание—прекрасный памятник великому ученому, дань признательности советской научной общественности ему, как крупнейшему представителю русской буржуазной историографии.

К ПЯТИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ РУЗАЕВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(Воспоминания)

Лабиринтов А. Л.

До Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года город Рузаевка назывался Рузаевским рабочим поселком Инсарского уезда Пензенской губернии.

Никаких культурных учреждений, кроме одноклассной школы на Вокзальной улице, построенной на средства железнодорожников в конце 1905 года, в поселке не было. Правда, изредка демонстрировались кинокартины в чайной Карпова[1] да выступали с концертами случайно заезжие артисты в пивной Засимова.

Правители поселка вместо его благоустройства насаждали трактиры и пивные, в которых заливали вином свою тяжелую жизнь железнодорожники, рабочие и крестьяне. Тяжела была жизнь трудящихся. Многие рабочие депо и железнодорожники из-за отсутствия жилья в поселке проживали в деревне Татарская Пишля и других близлежащих селах. В самом поселке — непролазная грязь, никаких мощеных дорог и тротуаров не было. Чтобы пройти в лавку или на базар, нужно было надевать сапоги, в ботинках не пройдешь. Крестьяне, приезжавшие на базар, к лаптям привязывали деревянные колодки.

Тяжелая работа, отсутствие всякой техники безопасности, продолжительный рабочий день (16—17 часов), низкая зарплата изнуряли рабочих, быстро подрывали их здоровье, преждевременно сводили в могилу. А болеть не полагалось, потому что бюллетени не оплачивались. Оплачивалась только часть бюллетеней красного цвета, которые выдавались по случаю получения на производстве большой травмы или увечья. Больницы не было, был только так называемый приемный покой.

В 1905 году я работал на Московско-Казанской железной

[1] А. М. Лабиринтов родился в 1890 г., член КПСС с 1919 г.; пенсионер.

дороге ремонтным рабочим службы пути станции Рузаевка. Наш рабочий день продолжался от восхода да захода солнца. Поденная зарплата составляла летом в день 50 копеек, а зимой, поскольку день короче,— 40 копеек. Над нами, как правило, всегда назначался старший для подгонки в работе. Если кто из рабочих чем-нибудь не угождал ему, то он просто выгонял его с работы, а жаловаться было некому. Хозяева дороги всегда были на стороне администрации, ревностно выполнявшей их волю, которая преследовала одну цель — путем жестокой эксплуатации рабочих и служащих дороги накопить огромные богатства. И нужно признать, что они этого добились. Накануне первой русской революции владельцы Московско-Казанской железной дороги были одними из самых крупных и влиятельных капиталистов России, а рабочие и служащие — одними из самых низкооплачиваемых отрядов работников железнодорожного транспорта страны.

Вот такие тяжелые условия жизни заставляли многих рабочих Рузаевки задуматься над тем, как выйти из этого положения. Постепенно под влиянием большевистской агитации и пропаганды мы стали понимать, что выход один — в борьбе против самодержавия и капиталистов. Поэтому, когда грянул 1905 год, железнодорожники Рузаевки активно участвовали в революции. Особенно разгорелась борьба в декабре 1905 года.

Вот как все это происходило: в конце ноября 1905 года было получено извещение, что в Москве созывается Всероссийская конференция железнодорожников. Делегатом на конференцию от Рузаевки был послан паровозный машинист Байкузов Афанасий Петрович, лет тридцати, человек энергичный, с большой волей, начитанный. Товарища Байкузова я хорошо знал потому, что он часто ходил к помощнику машиниста Миронову Петру Васильевичу (проживавшему у меня на квартире), которого он готовил на машиниста. Я в свою очередь занимался у П. В. Миронова. Он помогал мне одолеть математику. Товарищ Байкузов в перерыве занятий читал нам революционные брошюры и листовки и рассказывал о Великой французской революции, о восстании декабристов, о стачках рабочих и т. д.

Насколько мне помнится, 9 декабря 1905 года товарищ Байкузов возвратился из Москвы с конференции и, как говорил мне П. В. Миронов, созвал совещание с более активными и надежными товарищами, где решили начать на следующий день забастовку железнодорожников, чтобы затем перевести ее в вооруженное восстание.

И вот 10 декабря в 8 часов утра раздался тревожный гудок. Рабочие, в том числе и я, бросили работу и побежали на вокзал. Вслед за железнодорожниками стали подходить местные жители поселка, крестьяне, прибывшие на базар, и демобилизованные солдаты из проходящих через Рузаевку эшелонов. Народу собралось много, так что зал оказался переполненным.

Товарищ Байкузов открыл митинг и сообщил собравшимся о решении Всероссийской железнодорожной конференции начать всеобщую забастовку и призвал решительно поддержать ее как общее дело всего пролетариата России. «Один за всех и все за одного» — должен быть нашим лозунгом, говорил товарищ Байкузов, иначе правительство расправится с каждым отрядом рабочего класса отдельно. Затем выступили другие товарищи. Собравшиеся на митинге рузаевцы единодушно решили примкнуть к всеобщей политической забастовке. Тут же на митинге был избран Стачечный комитет, в который вошли Молинари — начальник дистанции службы пути, машинисты Байкузов, Оберг, Лисовский, Волженский, помощники машиниста Миронов, Василенко и другие. Председателем Стачечного комитета был избран А. П. Байкузов.

Стачечный комитет организовал боевую дружину из 150 человек, в нее вошли машинист Докукин, помощники машиниста Блохин, Ролланд и другие. Руководителем дружины был назначен техник-практикант службы пути Вицман.

Для вооружения боевой дружины рабочие депо Тростин, Рыков и Коннов ковали и точили пики и кинжалы. Для приобретения огнестрельного оружия купцы местные и лавочники были обложены денежной контрибуцией.

Стачечный комитет взял власть в свои руки на станции, в поселке и в близлежащих деревнях. Полиции и жандармерии было строго запрещено появляться на территории станции. Охрану станции и всех ответственных участков несли дружинники. По железной дороге пропускали только поезда с солдатами, которые возвращались домой из Маньчжурии и поезда с продовольствием.

Начальнику станции было дано указание выплату зарплаты производить из станционных выручек. Местным купцам было приказано обеспечить бастующих рабочих и служащих необходимыми продуктами и не допускать повышения цен на продукты. Царские винные лавки были закрыты. Тайная продажа водки была запрещена.

Для разъяснения, почему рабочие бастуют, в деревни посылались агитаторы. Стачечный комитет выпустил воззвание к солдатам, которое было передано по телеграфу. Мне, как бывшему продавцу газет и журналов от железнодорожного киоска станции Рузаевка, было поручено Стачечным комитетом распространять среди рабочих и демобилизованных солдат листовки и брошюры, призывающие к свержению существующего строя, революционные песни «Марсельеза» и «Варшавянка» и другие. Все это мы получили из Москвы и Пензы.

Стачечный комитет задержал на станции Рузаевка большое количество вагонов с ценным грузом и продовольствием и два вагона с винтовками.

Когда в Москве восстание было подавлено, рузаевцы не дрогнули. Они решили продолжать борьбу. Их примеру последовали железнодорожники Пензы, Сызрани, Казани, Алатыря, Батраков и Самары. Созванная в Рузаевке конференция из делегатов этих станций выбрала свое управление дороги, о чем оповестила все железные дороги России[1]. Это привело в замешательство царское правительство и даже самого царя. Никакие приказы и угрозы царских властей не действовали на рузаевцев. Стачечный комитет продолжал осуществлять республиканские принципы в Рузаевке, вследствие чего последняя и стала известной по всей России как Рузаевская республика. Однако создавшаяся обстановка после поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве и усиление репрессий на Московско-Казанской ж. д. заставила рузаевцев учесть, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

21 декабря 1905 года на собрании рабочих была принята резолюция: «Мы, рабочие, начали борьбу организованно, организованно её и кончаем; прекращаем забастовку нашей волей не из-за страха перед надвигающейся опасностью, а из сознания бесплодности нашего дальнейшего сопротивления». 22 декабря 1905 года было решено прекратить борьбу и возобновить движение. Стачечный комитет распустил боевую дружину и прекратил свою работу. Днем позже прибыл из Пензы отряд казаков, который вместе с жандармерией и полицией начал проводить поголовные аресты.

25 человек было арестовано, в том числе Байкузов и Миронов. Их отправили в Пензу в губернскую тюрьму. Большое число железнодорожников было уволено с работы. Товарища Байкузова судили, а П. В. Миронов умер в тюрьме еще до суда. Сотня казаков долгое время находилась в селе Рузаевка, расположившись на монастырском дворе.

Вместо арестованного тов. Миронова ко мне на квартиру поставили жандарма, с какой целью,— для меня осталось неизвестно.

Революция 1905 года потерпела поражение, но рузаевцы, как и рабочие всей России, не впали в панику, они стали накапливать силы для новых боев с самодержавием. Мы сейчас с гордостью можем сказать, что вместо маленькой Рузаевской республики 1905 года под руководством нашей славной Коммунистической партии родилась Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика.

---

[1] Речь идет о Распорядительном комитете.—Ред.

Литературная обработка произведена младшим научным сотрудником сектора истории Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики Л. Г. Филатовым.

Рыков М. П.[1]

В 1900 году пятнадцатилетним мальчишкой поступил я учеником слесаря в депо станции Рузаевка. Здесь же, уже квалифицированным слесарем, встретил я 1905 год.

Помню, это было в октябре 1905 года, прибегают к нам машинисты и говорят: «Хватит сидеть, пойдемте на вокзал, приехал А. П. Байкузов». Мы в то время бастовали[2], но приходили в депо, чтобы узнать о происходящих событиях в стране и на нашей Московско-Казанской ж. д. Мои товарищи встали и направились к вокзалу. Сюда со всех концов станции, депо и поселка стекался народ. А. П. Байкузов открыл митинг. Он сказал собравшимся, что царское правительство 17 октября обнародовало Манифест, в котором самодержавие обещает народам России свободу и улучшение жизни. Народ заволновался, по залу, заполненному железнодорожниками, рабочими, служащими, жителями Рузаевки и крестьянами ближайших деревень, прокатилась волна радости. Но А. П. Байкузов, повысив голос, сказал, что этот Манифест — обман, что железнодорожники Москвы продолжают бастовать, мы, рузаевцы, также должны бороться за полную победу над самодержавием. Когда волнение в зале немного улеглось, он уже подробнее разъяснил присутствующим антинародную сущность царской милости — Манифеста 17 октября. Стачка продолжалась.

В декабре 1905 года железнодорожники Рузаевки снова прекратили движение на линии дороги и начали забастовку. На станции, в депо и в поселке всем распоряжался Стачечный комитет во главе с А. П. Байкузовым. Полиция была распущена, местная железнодорожная администрация устранена. В Рузаевке была создана дружина железнодорожников, которая охраняла порядок на станции и в поселке.

[1] М. П. Рыков родился в 1885 г., беспартийный, пенсионер.

[2] См. об этом статью Л. Г. Филатова в данном номере «Трудов».

Для вооружения дружины Стачечный комитет предложил кузнецу Тростину Александру Ивановичу из ресорной стали отковать двести штук кинжалов и пик. Этот искусный рабочий быстро и хорошо отковал заготовки. Для окончательной доработки их, по рекомендации Стачечного комитета, передали Коннову Андрею Андреевичу и мне, Рыкову Михаилу Петровичу. Задание было выполнено, дружина получила холодное оружие.

Но недолго железнодорожники держали власть в своих руках. Вскоре было получено известие о том, что в Москве восстание подавлено, а по линии Московско-Казанской ж. д. двигается отряд карателей. Стачечный комитет собрал митинг, на котором решено было прекратить борьбу. Железнодорожники стали готовиться к приходу царских войск. Дружина была распущена, оружие спрятано. Я в это время помогал своему двоюродному брату, В. И. Рыкову, телеграфисту станции Рузаевка, активно участвовавшему в забастовке, уничтожать использованные телеграфные ленты, на которых остались отпечатки распоряжений Стачечного комитета. Помню, брат позвал меня и велел эти ленты уничтожить; я их сжег в паровозной топке маневрового паровоза. Сам брат безвылазно сидел у телеграфного аппарата и следил за передвижением войск.

Но вот в Рузаевку прибыл отряд казаков. Начались аресты и обыски. Вначале арестовали 80 железнодорожников, потом вместе с рузаевскими полицейскими отобрали 25 человек наиболее активных участников стачки, а остальных отпустили домой. Вскоре арестованных отправили в Пензу, среди них был и наш А. П. Байкузов. Многих железнодорожников уволили с работы, в том числе и моего брата.

Полиция продолжала неистовствовать. Помню, выстроили нас, всех рабочих депо, и стоя заставили слушать длинную, полную угроз и предупреждений речь ротмистра Дроздовского, который прямо сказал, что мы, рабочие, «должны только знать царя, бога, депо и хату».

Но железнодорожники не сдавались. Они снова думали и готовились к борьбе. К лету 1906 года в Рузаевке сложился подпольный рабочий кружок, в него входили Михаил и Петр Ляховы, Вдовин Х. В., Антипов М., Колобанов и др.

Был я и на суде в Пензе, где судили наших товарищей, арестованных еще в декабре 1905 года. Железнодорожники держались стойко и непреклонно. А. П. Байкузов отказался от защитника, сказав, что сам себя будет защищать.

Во время опроса свидетелей выявился ряд интересных деталей нашей борьбы в декабре 1905 года. Оказывается, как говорил на суде ротмистр Дроздовский, в начале забастовки он попытался с сотней казаков пробиться из Пензы в Рузаевку. «Мы ехали без жезлов: нам не давали путь»,— рассказывал Дроздовский. — Когда каратели прибыли на станцию Медведевку и

запросили путь, то Стачечный комитет[1] Рузаевки предупредил их, что, если казаки дальше поедут в сторону Рузаевки, то навстречу им будет пущен паровоз. Ротмистр струсил и вернулся с отрядом в Пензу.

Особенно большое впечатление на меня произвело заключительное слово А. П. Байкузова. Этот стойкий революционер, наш руководитель по борьбе, произнес яркую и смелую речь, в которой показал необходимость борьбы железнодорожников за счастливую и свободную жизнь. В заключение он сказал, что и детям накажет бороться против гнета и произвола. На всю жизнь запомнил я его слова, обращенные к ним: «Идите той дорогой, которой я шел».

Так боролись железнодорожники Рузаевки в годы первой русской революции.

Литературная запись Л. Г. Филатова.

[1] Имеется в виду Распорядительный комитет. Ред.

Миронов В. Н.[1]

В 1905 году я работал машинистом на станции Рузаевка. В ту осень мы возили балласт на линию Московско-Казанской железной дороги. Но вот в начале декабря нам сообщили, что ожидается всеобщая забастовка работников железнодорожного транспорта России. 8 или 9 декабря, как только мы узнали уже о начавшейся забастовке, я и мой помощник бросили работу и двинулись в Рузаевку.

Подъехали к станции поздно ночью. Кругом темнота, семафор тоже не освещен и закрыт. Стали советоваться, что делать. Решили произвести разведку. Пошел мой помощник — Василий Тарасов. Вскоре он вернулся, сообщив, что путь свободен, мы должны поставить паровоз в депо, а утром к 8 часам явиться на собрание рабочих и служащих всей станции.

Наступило утро 10 декабря 1905 года. Я пришел на вокзал. Собралось очень много народа. Среди них я увидел наших машинистов: Лисовского, Генича, Маслова, Волженского; слесаря Власова, студента-практиканта Вицмана и многих других. Митинг открыл А. П. Байкузов, который сказал, что пролетариат России решил дать бой царизму, помещикам и капиталистам, что в этой борьбе должны принять активное участие и железнодорожники Рузаевки. «Мы начинаем сегодня забастовку,— продолжал А. П. Байкузов.— Давайте вооружаться, так как только в борьбе можно добиться улучшения положения рабочих и служащих транспорта»,— сказал в заключение А. П. Байкузов.

Выступали другие железнодорожники, которые также призывали к стачке. В этот день я впервые в жизни услышал «Марсельезу». Её на митинге вначале исполнили А. П. Байкузов и его жена —Т. В. Байкузова, а затем все присутствующие: рабочие, служащие, крестьяне и солдаты.

Так началась забастовка в Рузаевке. Власть перешла в руки Стачечного комитета, председателем которого единогласно избрали А. П. Байкузова.

[1] В. Н. Миронов родился в 1881 г., беспартийный, пенсионер.

Я также принимал участие в происходящих событиях, выполняя несколько раз специальные поручения Стачечного комитета.

Помню, пришел на станцию посмотреть, что там делается. Поезда стоят, движения нет. Вдруг подходит к перрону воинский эшелон. Это ехали демобилизованные солдаты с Дальнего Востока. Я с интересом стал всматриваться в угрюмые лица солдат, о чем-то оживленно и взволнованно говоривших между собой. Но мои наблюдения прервал А. П. Байкузов, сказав, что офицеры хотят натравить солдат на железнодорожников, забастовка которых якобы срывает их доставку домой. Поэтому мы должны, говорил он, лучше и быстрее отправить эшелон дальше, чтобы показать солдатам провокационный характер действий офицеров. А. П. Байкузов предложил мне вести состав. Я согласился и тут же, не возвращаясь домой, поднялся на паровоз. Эшелон я довел до Сасова, где сдал его другому машинисту.

Был я и в составе боевой дружины рузаевских железнодорожников. Нашим командиром Стачечный комитет назначил боевого и энергичного Э. Вицмана. У дружинников имелись отличительные знаки — красная лента на груди под полою куртки. Вооружены мы были больше холодным оружием, которое ковали для нас лучшие кузнецы депо Сазонов и Тростин. Однажды нам было дано задание обойти всю Рузаевку, её окрестности и посмотреть, что там происходит. На операцию вышло 20 дружинников, среди них я, брат А. П. Байкузова — Емельян Петрович Байкузов и другие. Вооружены мы были кинжалами и пиками. Только у двоих имелись охотничьи ружья, одно из которых было у меня. Наш патруль тщательно обследовал поселок Рузаевку, село Рузаевку, затем деревню Юрьевку и через пензенский мост вернулся на станцию. Везде было тихо и спокойно. Население строго соблюдало распоряжение Стачечного комитета о соблюдении революционного порядка и дисциплины.

Так продолжалось несколько дней. Затем в Рузаевку прибыл карательный отряд из Пензы. Мы прекратили борьбу. Но память о тех славных днях я пронес через всю свою жизнь.

Литературная запись и обработка произведены учительницей г. Рузаевки В. И. Яшиной и Л. Г. Филатовым.

Мишин К. И.[1]

Родился и вырос я в деревне Редкодубье Ардатовского района Мордовской АССР. Семья наша состояла из 11 человек, а земли было мало и урожаи получали плохие. Поэтому отец постоянно уходил на заработки в Самару, Саратов. Несмотря на большие трудности и нужду, жили мы в семье дружно и в согласии. У родителей моих была мечта: они хотели видеть своих детей образованными. Но осуществить это в условиях царской России было невозможно. Мне посчастливилось больше своих братьев и сестер: три года я посещал церковноприходскую школу. А потом отец сказал мне: «Пора, сынок, за дело приниматься». И начал я зарабатывать себе хлеб у чужих людей.

Крестьяне нашей деревни жили бедно. Их небольшие участки земли были тесно зажаты со всех сторон богатыми имениями землевладельцев — братьев Чарыковых и Жендрихова. Почва в нашей местности песчаная, урожаи были крайне низкие. Но и эти бедные сборы хлеба и овощей, как правило, осенью в большей своей части перекочевывали в емкие амбары помещиков. Помещичья кабала нещадно разоряла крестьян. Кроме помещиков, кровь трудового народа пили два кулака — Доянов В. М. и Кожеметов С., в хозяйствах которых работали многие наши односельчане.

Накануне первой русской революции положение крестьян резко ухудшилось. Я сам познал цену господского хлеба: в это время мне довелось работать у помещика Чарыкова Д. погонщиком лошадей. Получал я 10 коп. в день. Крестьяне не думали безропотно и дальше нести ярмо помещичьего гнета и кулацкой эксплуатации. Часто можно было слышать об их революционных выступлениях. В конце июля 1904 года крестьяне нашего села сожгли на корню у помещика Д. Чарыкова 30 десятин ржи. Позже стало известно, что у помещика Богданен-

[1] К. И. Мишин родился в 1892 г., член КПСС с 1 мая 1917 г., пенсионер.

кова крестьяне деревни Редкодубье сожгли 15 десятин соснового леса. Когда помещик приказал крестьянам потушить лесной пожар, то крестьяне отказались сделать это.

Постепенно крестьянская борьба нарастала. Наиболее организованный характер принимала она в деревне Редкодубье. Здесь имелась небольшая группа грамотных крестьян, в которой выделялись своей рассудительностью и пониманием происходящих событий Ламзин Иван, Мельников Петр, Кубасов Тимофей и др. Крестьяне ближайших сел называли их «революционерами».

Вести о кровавом расстреле питерских рабочих 9 января 1905 года пришли в наши края в начале февраля. Среди крестьян пошли взволнованные разговоры. Помнится мне, это было 15 февраля, отец позвал меня в небольшую мастерскую нашего односельчанина Д. Доянова будто бы поточить топор. Войдя в нее, я увидел собравшихся крестьян. Оказалось, им нужен был грамотный человек. Выбор пал на меня, тогда еще босоногого, 13-летнего парнишку. Дали мне листовку, сказав, чтобы я читал медленно и ясно. Не могу воспроизвести содержание листовки, но хорошо помню, что заканчивалась она боевым призывом: «Долой царя!»

Когда я кончил читать, Тимофей Кубасов, находившийся среди присутствующих, предложил поддержать рабочих и организовать «месть помещикам и царским опричникам». К этому выступлению готовились крестьяне нескольких сел и деревень. Окончательный вариант схватки был выработан и утвержден утром 21 февраля в г. Ардатове. В этот день крестьяне приехали в город на базар.

Дальнейшие события развивались так. Часа в три дня в рыбном ряду, который находился напротив полицейского участка, началась «драка» мужиков. Конные полицейские конечно, заметили этот «непорядок» и бросились плетками избивать крестьян. Это послужило поводом к выступлению. Собравшиеся крестьяне быстро стащили полицейских с коней и изрядно поколотили их. К месту схватки прибыли еще 10 стражников и несколько полицейских во главе с исправником Митьковым. Борьба обострялась. Крестьяне, вооруженные оглоблями, кольями и гирями, загнали своих врагов в полицейское управление. Два часа продолжалась осада здания. Повсюду раздавались возгласы «Долой царя!». Но вот полицейские и стражники открыли огонь по возбужденным крестьянам; двое из них — Пятаев В. и Курочкин С. (оба из села Четвертакова) были убиты. Крестьяне отступили.

После этих событий в нашей деревне часто стала появляться полицейская карета «черный ворон», начались аресты крестьян. Но это не устрашило моих односельчан. Революционное настроение все более нарастало. В деревне все чаще проводились митинги и собрания, читалась нелегальная литература.

Помню, в последних числах мая 1905 года был собран большой сельский сход крестьян деревни Редкодубье, на котором присутствовало около тысячи мужчин и женщин. Его организаторами были Ламзин И., Мельников П., Кубасов Т. Перед собравшимися крестьянами выступил прибывший из г. Ардатова большевистский агитатор. Он рассказал нам, что по всей стране идут забастовки рабочих с требованием: «Долой царя», «8-часовой рабочий день», «Землю передать крестьянам» и т. д. Сходом было принято решение провести выступление против помещиков.

6 июля крестьяне двух сел Редкодубье и Турдаки захватили помещичьи амбары и все господское зерно развезли по крестьянским домам. Вскоре в с. Турдаки нагрянули солдаты и исправник. Последний требовал выдать зачинщиков и немедленно вернуть хлеб. Крестьяне молчали. Тогда солдатам была подана команда стрелять по собравшимся крестьянам. Но солдаты не выполнили приказ исправника. В напряженные минуты крестьяне показали себя мужественными и стойкими. Они взяли друг друга за руки и создали единую, неразрывную цепь. Попытки солдат вырвать кого-либо из этой цепи и под видом зачинщика арестовать, не увенчались успехом.

В это время ударил набат — звонил церковный сторож И. Ортин. Это был условный сигнал для крестьян ближайших деревень. Вскоре на деревенской площади Турдаков появились крестьяне Редкодубья. Вместе с турдаковскими крестьянами они окружили солдат и начали их теснить. Солдаты дрогнули. Испугавшись, исправник увел их в имение помещика. Крестьяне победили.

9 июля в нашу деревню нагрянули казаки. Двести вооруженных казаков во главе с исправником Митьковым согнали всех жителей Редкодубья и потребовали от них вернуть хлеб. Крестьяне упорно молчали. Тогда казаки стали выводить из толпы мужчин, отвели их в сторону и потребовали немедленно назвать зачинщиков выступления против помещиков. Но и эта попытка врагов сорвалась. Начинало темнеть. Атмосфера все более накалялась. Женщины стали думать, что их мужей хотят расстрелять. Взяв своих детей на руки, они двинулись на цепь казаков, прорвали ее и, соединившись с мужчинами, общими силами разогнали казаков. Казаки бежали.

Еще 15 дней стояли казаки в нашей деревне. Но так и не смогли сломить сопротивление крестьян. Наконец, исправник решил вывести казаков, так как у них стали часто пропадать сабли, пики и даже винтовки.

После ухода казаков помещики бежали в город. Крестьяне сожгли их поместья, разделили между собой господский скот, начали массовую рубку леса на свои нужды. Ещё пуще заколыхало пламя революции 1905—1907 годов.

Литературная обработка Л. Г. Филатова.

Морозов И. Н.[1]

Дни моей юности и начало трудовой жизни связаны с пензенскими железнодорожными мастерскими Сызрано-Вяземской железной дороги, где мой отец работал слесарем. Туда в 1901 году поступил и я, когда мне исполнилось 14 лет.

Накануне первой русской революции железнодорожные мастерские г. Пензы (Сызрано-Вяземской и Московско-Казанской железной дороги) представляли собой довольно крупные промышленные предприятия, рабочие которых составляли передовой отряд трудящихся города и всей губернии.

Отец мой — Морозов Николай Яковлевич — принадлежал к числу наиболее революционно настроенных рабочих. Он регулярно посещал собрания и маевки, чаще всего проводившиеся за р. Сурой, в Ахунах, за Сергеевской фабрикой. Нас, молодежь, тоже постепенно стали втягивать в революционную работу. Вот здесь, среди рабочих, я впервые услышал ранее незнакомые волнующие слова «маевка», «листовка», «борьба», «товарищи». До 1902 года революционную пропаганду и агитацию среди железнодорожников проводил бригадир дышловой бригады М. Бахилин. Много и умело ему помогал конторщик мастерских П. Наньякин, имевший тесную связь с пензенскими социал-демократами, от которых он получал листовки, брошюры и другую подпольную литературу.

В 1902 году в Пензе была создана социал-демократическая группа искровского направления, которая возглавила революционную работу среди рабочих и железнодорожников города. В Пензе и ее окрестностях стали чаще собираться нелегальные собрания и маевки. Нам, молодым рабочим, приходилось тогда стоять в дозорах: охранять старших товарищей, обсуждавших вопросы борьбы с самодержавием и буржуазией.

И вот грянул 1905 год. Пензенские мастерские становятся одним из очагов революции. Рабочие и железнодорожники ак-

[1] И. Н. Морозов родился в 1887 г., член КПСС с 1924 г., пенсионер.

тивно участвовали на всех этапах первой русской революции, но особенно широкого размаха достигла их революционная борьба в октябре и декабре 1905 года. В наших мастерских руководителем рабочих становится котельщик А. Гладков, позже расстрелянный вместе с лейтенантом Шмидтом за участие в восстании во флоте. В дни Всероссийской Октябрьской политической стачки 1905 года и Декабрьского вооруженного восстания железнодорожники Пензы поддерживали постоянную связь с Рузаевкой, где железнодорожные рабочие и служащие захватили власть в свои руки и создали Рузаевскую республику.

После подавления Декабрьского вооруженного восстания начались репрессии. Моего отца, меня и брата уволили из мастерских; отец приехал жить в Рузаевку, меня на год сослали под негласный надзор полиции в Сибирь на станцию Тайга, а моего брата — в Каинск, теперь г. Барабинск.

В 1907 году я вернулся в Пензу, где стал работать помощником машиниста. Время было мрачное: в стране торжествовала реакция. Но рабочие верили в победу революции. В мастерских снова начала налаживаться подпольная большевистская работа.

В 1908 году меня призвали в армию, откуда я вернулся лишь в 1913 году и поступил работать в депо станции Рузаевка.

Наступил 1917 год. Страна бурлила: народы России не хотели и не могли больше жить по-старому. Вместе со всеми готовились к борьбе и железнодорожники Рузаевки, хотя инженерно-технический состав станции и депо хотели перевести стрелку борьбы на рельсы мирных разговоров о реформах и постепенном улучшении жизни работников железнодорожного транспорта. Их поддерживала небольшая кучка сравнительно высокооплачиваемых железнодорожников старших возрастов. Но подавляющая часть рабочих и служащих Рузаевки рвалась в бой и гневно обличала соглашательскую политику предателя рабочего класса.

Когда победила Февральская революция, железнодорожники сразу же сместили некоторых представителей прежней администрации, а наиболее ненавистных из них, например, помощника начальника депо Гордеева Н. Ф., с позором вывезли на тачке и свалили в поворотный круг. Некоторые старики, находившиеся под влиянием меньшевиков и эсеров, были недовольны таким ходом событий. Они хотели склонить общественное мнение на свою сторону, для чего организовали митинг. Но эта попытка была сорвана группой революционно-настроенных рабочих, среди которых был и я. Тогда старики решили судить меня за срыв митинга, но рабочие и служащие станции и депо оправдали меня, в чем немалая заслуга была председателя общественного суда, активного участника революционых событий в Рузаевке в дни Февральской революции машиниста М. Е. Леонова.

Рабочие Рузаевки были в курсе всех событий в России. Знали они и о приезде в Петроград В. И. Ленина, о его знаменитых Апрельских тезисах, о борьбе большевистской партии за дальнейшее развитие революции. На станции и в депо в большом количестве распространялись большевистские листовки, присылаемые сюда из Москвы, Пензы, Н.-Новгорода, Сормова и Сызрани.

Приближалась Великая Октябрьская социалистическая революция. Железнодорожники Рузаевки внимательно следили за ходом событий в стране и активно готовились к выступлению против власти Временного правительства. Рузаевский Совет рабочих и крестьянских депутатов, куда входили рабочие Васильев Н. А., Горинов Н. М., Антипов М. С., бывший матрос с броненосца «Потемкин» Царев, демобилизованный солдат Архангельский Д. И. и др., возглавил борьбу трудящихся за победу социалистической революции.

После победоносного завершения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде железнодорожники и рабочие Рузаевки тоже взяли власть в свои руки. Председатель Совета Д. И. Архангельский на многолюдном митинге поздравил трудящихся Рузаевки с победой пролетарской революции и призвал до конца отстаивать великое дело большевистской партии, дело В. И. Ленина.

Ревком, к которому перешла вся власть на станции и в поселке Рузаевка, формировал отряд Красной гвардии, начал налаживать работу транспорта, развернул борьбу за улучшение материального положения трудящихся. А время было трудное: на транспорте царила разруха, свирепствовал голод. Особенно остро стоял вопрос с продовольствием. Рузаевский ревком прилагал все силы для того, чтобы решить трудную задачу. Товарищи Архангельский, Сретенский и присланная из Петрограда коммунистка Путилова выехали в с. Яковщину, чтобы организовать здесь сбор хлеба для Рузаевки. Узнав об этом мероприятии, настоятельница местного женского монастыря подготовила выступление кулачества. Когда посланцы рабочих открыли собрание крестьян, в них полетели камни. Путилова была убита, двум другим товарищам удалось спастись. Коммунистку Путилову с большими почестями в присутствии трудящихся Рузаевки похоронили на площади Свободы. Организаторы контрреволюционного выступления в Яковщине получили заслуженную кару — расстрел.

Борьба продолжалась. Вскоре иностранные интервенты и внутренняя контрреволюция развязали гражданскую войну. Железнодорожники Рузаевки принимали активное участие в борьбе с чехословацким мятежом в районе Пензы в мае 1918 года и в последующих боях.

Многие рабочие и железнодорожники Рузаевки ушли добровольцами на фронт. С группой товарищей, из которых я хорошо

помню Семенова А. И., Ерусалимова Ф., Николаева П. И., я участвовал в борьбе с контрреволюцией в Поволжье. Мы входили в команду бронепоезда, сражавшегося под Сызранью. Вначале белые наступали. После падения Сызрани наш бронепоезд, на котором я был машинистом, участвовал в боях под разъездом Куваев ключ. Отборные части белых и здесь потеснили небольшие отряды молодой Красной Армии, хотя артиллерия нашего бронепоезда и яростные контратаки бойцов принесли немалый урон силам контрреволюции. В районе станции Инза мы остановили врага, а потом погнали его назад.

Наш бронепоезд участвовал в освобождении родины вождя революции В. И. Ленина — г. Симбирска. Особенно упорные бои здесь шли за мост через Волгу. Но доблестные войска Красной Армии опрокинули белых и обратили их в бегство. Их отступление было настолько стремительным, что на станции Верхняя Часовня они оставили бронированный паровоз, который двумя скатами сошел с рельсов. Командование приказало группе железнодорожников и красноармейцев поднять паровоз. Руководить этими работами поручили мне. Большое мужество и смекалку проявили в этой сложной операции Ф. Яшин, который с опасностью для жизни залез под сползающий паровоз и закрепил его, и кочегар В. Сафронов, много сделавший при подъеме паровоза на рельсы. Задание с честью было выполнено, бронированный паровоз был принят на вооружение Красной Армии, за что командование объявило нам свою благодарность. Затем мы снова участвовали в боях.

Вернулся я в Рузаевку в 1919 году. Большевистская партия стягивала квалифицированные рабочие кадры для работы на транспорте. В стране был голод. Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск, Тула и другие промышленные центры России задыхались от отсутствия сырья и продовольствия. В Рузаевке было организовано три бригады хлебного поезда, в них насчитывалось около 80 железнодорожников. Комендантом хлебного поезда был назначен Н. Голубев. Я был машинистом, вместе со мной работали Бирюков К. П., Ерусалимов Ф., Лосев П. и др. Мы доставляли хлеб, собранный в районе Сызрани в Москву. Помню, с какой радостью и благодарностью встречали нас представители столичного пролетариата.

В другой раз мне пришлось помочь трудящимся Москвы уже в 1921 году. Закончилась гражданская война, но в стране была разруха, не хватало топлива, особенно в нем нуждалась столица нашей Родины. Тогда большевистская партия организовала снабжение Москвы дровами. Железнодорожники Рузаевки тоже помогли в этом отношении. Была налажена разработка и доставка леса из района с. Авгоры, куда рабочие проложили узкоколейную железную дорогу. Я был в то время начальником паровозной службы этой дороги. Так побеждали разруху народного хозяйства трудящиеся нашей страны.

В 1921 году большевистская партия организовала трудящихся на восстановление народного хозяйства. В стране поднимались из руин заводы, шахты, фабрики. Заметно росло производство предметов широкого потребления: тканей, обуви, спичек, мыла, сахара.

Огромную роль в деле восстановления промышленности и сельского хозяйства играл успешно осуществлявшийся ленинский план ГОЭЛРО. Трудящиеся Рузаевки тоже решили построить электростанцию, переоборудовав под нее бывшее здание винокуренного завода помещицы Коптевой в с. Юрьевка. Приступили к сбору средств, для чего организовали кооперативное общество, в которое каждый член вносил один рубль вступительных и 10 рублей паевых. В борьбу за электрификацию своего родного города и ближайших деревень включились железнодорожники, рабочие, служащие и крестьяне. Когда деньги были собраны, тов. Архангельский выехал в Москву к председателю ВЦИК М. И. Калинину.

Советское правительство одобрило начинание рузаевцев и обеспечило всем необходимым сооружаемую электростанцию. Для руководства строительством из Москвы прибыл инженер Елисеев. Вскоре прислали и первый двигатель мощностью в 250 л. с., что еще больше воодушевило строителей станции.

Большую роль в строительстве электростанции играли субботники, на которые выходили иногда целыми семьями. Трудовой энтузиазм помогал преодолевать иногда казалось бы неразрешимые проблемы. Так, когда доставили в Рузаевку первый электродвигатель, то выяснилось, что нет передвижных средств для его транспортировки на место. И вот участники субботника на руках перенесли за 4 км. эту огромную тяжесть со станции в с. Юрьевка. Наконец наступил день пуска первого двигателя первой рузаевской электростанции. Произошло это в очень торжественной обстановке в 1924 году. Я принимал активное участие в строительстве и субботниках и поэтому получил пригласительный билет на торжественное открытие электростанции. Билет, тисненный золотом, сохранился у меня до настоящего времени.

В памятном 1924 году произошло и другое важное событие в моей жизни — я стал членом ленинской партии большевиков, верному служению которой я и посвятил всю свою скромную жизнь рабочего-железнодорожника.

Литературная запись и обработка произведены учительницей г. Рузаевки В. С. Кулагиной и Л. Г. Филатовым.

Колин И. Г.[1]

В феврале 1917 года в России победила буржуазно-демократическая революция.

Первое известие о свержении монархии явилось толчком для открытых революционных выступлений трудящихся Мордовии. В те незабываемые дни я работал помощником слесаря в паровозном депо станции Рузаевка. Нужно сказать, что вначале местные власти пытались скрыть от народа факт падения царизма в России. Но все же весть об отречении Николая II от престола вскоре стала известна в Рузаевке. Собрался грандиозный митинг, на котором рабочие-железнодорожники и крестьяне ближайших деревень узнали о победе революции в России. Велика была радость трудящихся Рузаевки; многие поздравляли друг друга с началом новой свободной жизни и целовались.

Однако Временное правительство, пришедшее к власти в результате победы Февральской революции, не разрешило, да и не могло разрешить ни одной из важнейших задач, стоящих перед буржуазно-демократической революцией. Поэтому после свержения царизма революционное движение трудящихся масс не только не прекратилось, но все более расширялось и углублялось. Рабочий класс вместе с беднейшим крестьянством развернул усиленную борьбу за свержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата.

Летом 1917 года в депо на станции Рузаевка стали организовываться добровольческие рабочие дружины. В одну из них записался и я. После окончания работы мы обучались военному делу прямо в депо. Вместо винтовок мы сделали деревянные макеты; позже их заменили нам трехлинейными винтовками. Наша дружина состояла из 25 человек. Каждый дружинник получил боевую винтовку и патроны. Винтовки находились в депо в запертом шкафу под охраной. Дружины были организованы также в цехах текущего и среднего ремонта. В конце

[1] И. Г. Колин родился в 1892 г., член КПСС с 1919 г., пенсионер.

сентября или начале октября 1917 года к нам в Рузаевку прибыли рабочие с Сормовского завода. Это были большевики тт. Шарабин, Копьев, Царев и другие. Один из них, товарищ Шарабин, работал в пассажирском депо слесарем, он и руководил нашей дружиной. Тов. Шарабин вел среди нас большую политическую работу: разоблачал антинародную политику буржуазного Временного правительства, говорил о задачах рабочего класса в новой, социалистической революции, объяснил нам тактику большевистской партии, знакомил с отдельными работами В. И. Ленина. Эти беседы раскрывали цели и задачи революционной борьбы и поднимали настроение дружинников. Даже отсталые рабочие стали понимать, что Временное правительство — враг народа, и постепенно включались в революционную борьбу.

Время шло к Октябрьской социалистической революции. 25 октября 1917 г. в Петрограде победило вооруженное восстание. Как только об этом узнали в Рузаевке, был созван митинг, где нам рассказали об установлении власти Советов, о создании нового правительства рабочих и крестьян во главе с В. И. Лениным, о его первых декретах. После митинга состоялась многолюдная демонстрация. Этот день стал для нас великим и незабываемым днем. После этого мы начали работать с большим трудовым подъемом.

Классовые враги всячески мешали нашему мирному труду: они организовывали саботаж, вели контрреволюционную пропаганду и агитацию, иногда дело доходило до открытых антисоветских выступлений. Нашей дружине приходилось работать много. Но нас поддерживал народ, и мы всегда с честью выполняли все задания. Летом 1918 года некоторые проходившие через Рузаевку эшелоны с демобилизованными солдатами, зараженными антинародной идеологией анархистов, не раз организовывали беспорядки на станции, занимались грабежом, избивали рабочих, исполнявших свои служебные обязанности. В таких случаях наши дружинники вместе с красногвардейцами с оружием в руках наводили революционный порядок.

Хорошо помню такой эпизод. В Рузаевку пришла депеша, в которой сообщалось о следовании на Рузаевку вооруженной банды анархистов, разместившейся в шести классных вагонах. Получив сведения, мы приготовились к встрече; красногвардейцы и вооруженные дружинники Рузаевки были расставлены в укрытиях. И вот, когда состав встал на первый путь станции, железнодорожники сразу же перевели стрелку на выход в тупик, а в хвост поезда поставили паровоз на парах. На паровозе против вагонов с левой стороны поставили станковый пулемет. Все было подготовлено для разгрома анархистской банды. По прибытии в Рузаевку часть бандитов стремительно вбежала в вокзал и открыла беспорядочную стрельбу из револьверов, стараясь посеять панику. Но не тут-то было: всех, кто вышел

из вагонов, мы арестовали, а к оставшимся в вагонах анархистам дружинники незаметно подкрались, обезоружили и арестовали их вместе с главарями банды. Данная операция прошла без жертв с нашей стороны, а бандиты имели некоторые потери. После этого на нашем участке дороги как будто бы наступило затишье.

Вдруг узнаем, что в городе Пензе восстали против Советской власти чехи. Это были отряды чехословаков, взятых в плен во время мировой войны. Как известно, Советское правительство разрешило им выехать на родину через Сибирь и Дальний Восток. Они двигались небольшими эшелонами. По пути следования в них влилось значительное количество контрреволюционеров, белых офицеров, которые и подбивали чехов на выступление против молодой Советской республики.

Весть о чехословацком мятеже всколыхнула всю Рузаевку. Железнодорожники, рабочие и крестьяне ближайших деревень срочно стали готовиться к отражению наступления чехов: был сформирован отряд из красногвардейцев и рабочих-дружинников, который сразу же был отправлен специальным поездом в Пензу навстречу мятежникам. Остальные, кто владел оружием, пошли в окопы за Пензенский мост. Было принято решение: в случае появления эшелона чехов, со ст. Медведевка навстречу ему должен был пойти на огромной скорости тяжело нагруженный паровоз и ударить его в лоб. Но чехи в Рузаевку не пошли, а двинулись на Сызрань.

Наш отряд, который был отправлен в Пензу для борьбы с контрреволюционным выступлением белочехов, в неравном бою понес потери и был вынужден отступить. Среди погибших было двое рабочих из нашей дружины. Тела убитых были доставлены в Рузаевку, их с честью похоронили в нашем родном городе.

В 1919 году в Рузаевку приезжал М. И. Калинин и А. В. Луначарский. Они выступали на многочисленных митингах трудящихся. Их речи были настолько понятны и зажигательны, что каждый, прослушавший их, готов был в любой момент грудью встать на защиту родной Советской власти. На одном из таких митингов, когда выступал М. И. Калинин и призывал рабочих встать на защиту Родины от интервентов и белогвардейцев, рабочие стали записываться добровольцами в Красную Армию. В числе этих добровольцев был и я. Я сражался на фронтах гражданской войны до 1920 года.

Литературная запись и обработка произведены учительницей г. Рузаевки В. П. Зеленикиной и Л. Г. Филатовым.

Морозова Е. М.[1]

Тяжело и безрадостно проходила жизнь рабочих семей в дореволюционной России. Мы, жены рузаевских железнодорожников, особенно остро ощущали невзгоды того времени. Мужья наши редко находились дома, в семье, пропадая в дальних поездках, зимою замерзая от стужи и ледяного ветра, а летом изнывая от жары и жажды. Вся забота о воспитании детей, их жизни и здоровьи ложилась на наши женские плечи. Легко сказать «воспитать детей», но как это сделать, когда жалования железнодорожников не хватало даже на скудное питание, и дети часто голодали. Это еще больше отягчало переживание матери, искавшей выхода из трудного, безрадостного положения.

Женщины Рузаевки радостно встретили победу Великой Октябрьской социалистической революции, которая возвестила начало новой счастливой жизни. Мы активно участвовали в митингах и собраниях трудящихся, проходивших на площади Свободы. Это гордое название она получила потому, что здесь была впервые в Рузаевке обнародована весть о свержении царизма в России. Позже эта площадь стала излюбленным местом рузаевцев для проведения митингов и демонстраций. Сейчас здесь возвышается замечательный дворец культуры железнодорожников им. Ухтомского.

Бурно развивались события в Рузаевке в первые годы революции. Железнодорожники налаживали работу транспорта, в чем посильную помощь оказывали им мы, женщины, помогая приводить в порядок депо и мастерские, очищая железнодорожные пути и т. д.

Но враги революции тормозили нашу работу, пытаясь задушить рабочих и их семьи костлявой рукой голода. Помню, как Рузаевский Совет послал в село Яковщина своих представителей — Архангельского Д. И., Сретенского Н. И. и посланца Петрограда коммунистку Путилову для организации сбора хлеба для голодающих рабочих. Местные крестьяне, недостаточно разобравшиеся в происходящих событиях, чему мешала контрреволюционная агитация кулаков и монашек монастыря, повели себя настороженно. Этим воспользовалась настоятельница монастыря, которая спровоцировала выступление крестьян против посланцев рабочих. Там от рук кулаков погибло молодая коммунистка Путилова. Отряд Красной гвардии рузаевских рабочих восстановили положение в селе и разъяснил крестьянам политику Советского государства в вопросе о заготовке хлеба. Подлые убийцы и их подстрекатели были наказаны.

Борьба продолжалась. Я была свидетельницей огромной организационной и политической работы, проводившейся Рузаевским ревкомом. Он размещался в том доме, где жили и мы, на ул. Аптекарской, дом № 5. Мне не раз приходилось убирать комнаты ревкома, чем я пыталась хоть несколько облегчить условия напряженной работы его членов.

Большую работу в годы гражданской войны проделал женотдел Рузаевского Совета. Мы, женщины, не только помогали в депо и на линии, но и организовывали пошив белья для Красной Армии, работали в госпиталях и т. д.

После того, как в Рузаевке стало известно о великом почине рабочих станции Москва Московско-Казанской дороги, местные железнодорожники и рабочие так же провели несколько субботников. В них активное участие принимали женщины. Мы чистили линию дороги, убирали депо, шили мешки на пакгаузе и т. д.

Эти славные революционные традиции мы развивали и в последующие годы. Женщины Рузаевки часто выезжали на уборку картофеля в Пайгармский совхоз, много работали по благоустройству своего города, на строительстве ясель, детских садов и больниц. Из своих подруг того времени, активно участвовавших в субботниках, мне хочется выделить Сысуеву В. Ф., Бобровникову Е. П. и особенно Сафронову М. А., которая была у нас бригадиром.

Так женщины Рузаевки помогали своим мужьям в борьбе за счастливую и радостную жизнь.

Литературная запись
Л. Г. Филатова.

[1] Е. М. Морозова родилась в 1895 г., беспартийная, пенсионерка.

Полковников И. И.[1]

Шел 1918 год. Это был год борьбы рузаевского рабочего класса и бедноты под руководством Коммунистической партии за укрепление Советской власти в городе Рузаевке и в уезде. В период триумфального шествия Советской власти в Рузаевке был образован Совет рабочих и крестьянских депутатов, председателем которого был избран член партии большевиков тов. Юрасов. Появилась в Рузаевке и местная большевистская газета «Власть труда», редактором которой был утвержден тов. Киреев.

В марте месяце 1918 года я поступил работать слесарем в паровозное депо. В то время рузаевцы бдительно следили за происками врагов Советской власти. Для установления государственного порядка на предприятия железнодорожного узла были назначены комиссары. К нам в паровозное депо комиссаром назначили тов. Горинова Н. М. Рабочие Рузаевского паровозного депо строго стояли на страже завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Для борьбы с контрреволюцией и саботажем были организованы рабочие отряды, куда входили все рабочие паровозного депо, в том числе и я. В 1918 году были случаи, когда по требованию Чрезвычайной комиссии или Совета рабочих и крестьянских депутатов вооружались все рабочие. Так было в те моменты, когда на линии железной дороги в районе Рузаевки происходило нарушение революционного порядка.

В марте 1918 года анархически настроенный вооруженный отряд в 20 человек, сопровождавший хлебные грузы в Пензу, окончательно разложился, начал бесчинствовать на линии от Ковылкина до Рузаевки и парализовал нормальное движение поездов, чем нарушил революционный порядок, установленный народным комиссаром путей сообщения. Рабочий отряд рузаевских железнодорожников принял все меры к тому, чтобы

[1] И. И. Полковников родился в 1894 г., член КПСС с 1922 г., пенсионер.

наладить нормальную работу линейных железнодорожных станций и установить охрану грузов. Отряд анархистов в в Рузаевке был разоружен и доставлен в Пензу.

В этот период в Рузаевке еще не были полностью изолированы сторонники царского режима: жандармский ротмистр Клещев, хозяин ресторана станции Пукарев, купец Краснощеков и другие. Эта группа приспешников старого режима свободно разгуливала по Рузаевке. Она сгруппировала вокруг себя кулаков, торговцев и начала проводить эсеровскую пропаганду борьбы с Советской властью. Действия врагов революции были своевременно разгаданы и обезврежены Рузаевской Чрезвычайной комиссией.

В 1919 году по призыву ЦК большевистской партии в Рузаевке, как и в других городах страны, проводились субботники. В них принимали активное участие все члены партии и многие беспартийные рабочие и служащие. Организаторами и лучшими работниками этого великого почина были коммунисты Киреев — редактор местной газеты, Юрасов — председатель Совета рабочих депутатов, слесарь депо Шутов, участники первой русской революции Царев и Лабиринтов и многие другие.

В паровозном депо, где я работал, субботники проводились по ремонту выбывших из строя паровозов. Таких паровозов в Рузаевке было много, как говорили — целое паровозное кладбище. Вот мы и решили вырвать из рук смерти некоторые паровозы, воскресить их. Работа на субботниках проходила дружно, с большим подъемом. Обычно она начиналась в 4 часа дня и заканчивалась в 8 часов вечера. Немного уставшие, но довольные и удовлетворенные, мы расходились по домам. Каждый старался всячески помочь молодой Советской власти, успешно отражавшей бешеные атаки сил контрреволюции на фронтах гражданской войны.

Литературная запись и обработка произведены учительницей г. Рузаевки В. И. Яшиной и Л. Г. Филатовым.

Сафронова М. А.[1]

Трудящиеся Рузаевки с огромной радостью встретили весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Особенно ликовала молодежь. Сбылась народная мечта о счастливой и свободной жизни, в борьбу за которую активно выступали железнодорожники нашей станции еще в 1905 году, о чем часто рассказывали нам старые рабочие, непосредственные участники тех незабываемых событий.

«1905 и 1917 годы — братья»,— говорили старые железнодорожники. Мы понимали это и всеми силами старались помочь делу революции. У нас, в Рузаевке, переход власти в руки восставшего народа произошел мирно, без кровопролития. Рабочие и железнодорожники стали подлинными хозяевами города. Создавались новые советские учреждения. Перед Рузаевским Советом рабочих депутатов встало много трудностей, одна из которых заключалась в большой нехватке необходимых кадров. Мы, молодежь, всеми силами старались помочь Советской власти. Я тогда уже умела печатать на машинке. Меня приняли на работу в Рузаевский ВРК. Вот здесь, в кругу старших товарищей и сослуживцев, я, молодая девушка, окончательно поняла всю глубину и важность происходящих перемен, смысл развивающихся событий.

Работать приходилось много. ВРК совместно с Советом занимался восстановлением железнодорожного транспорта, налаживал работу в депо и мастерских, организовывал доставку продовольствия, боролся с контрреволюционными выступлениями врагов Советской власти и т. д.

Трудящиеся Рузаевки активно помогали ВРК во всех его мероприятиях. Особенно ярко проявилась эта неразрывная связь народа с Советской властью в коммунистических субботниках 1919 года. Вскоре вслед за железнодорожниками станции Москва — Сортировочная Московско-Казанской железной дороги в Рузаевке начали регулярно проводиться субботники. Мы всячески старались поддержать почин столичных железнодорожников, т. к. считали их своими товарищами по работе — ведь Рузаевка являлась узловой станцией Московско-Казанской железной дороги.

На субботники выходили обычно всем учреждением. Работники Совета и ревкома показывали пример. Наши мужчины (муж мой работал зав. отделом в ревкоме) выезжали на станции Танеевка, Грабово, где грузили дрова в железнодорожные вагоны. Большинство женщин работало на уборке железнодорожного полотна и приводило в порядок станцию, вокзал, депо и т. д. Зимой очень часто приходилось очищать линию дороги от снежных заносов.

Работали на субботниках весело, с огоньком. Молодежь пела, песни, ее поддерживали старшие товарищи.

Кстати о песне. Трудящиеся Рузаевки любили и понимали толк в песне. Здесь был организован большой и хороший хор, в котором активно участвовали рабочие и служащие. Я пела в хоре несколько лет. Мы часто давали концерты для трудящихся нашего города.

Лучшие традиции первых лет революции мы продолжали развивать и в последующие годы, когда я работала уже в политотделе и железнодорожном телеграфе. Время было тяжелое: только что кончилась гражданская война, в стране царила разруха. Но большевистская партия уверенно вела трудящихся к победе — теперь уже на хозяйственном фронте. Мы, женщины Рузаевки, активно участвовали в этой борьбе. Постепенно работа все больше увлекала и меня. Я стала бригадиром женский бригады. Мы строили дома, ремонтировали улицы, прокладывали тротуары. Все это мы делали в свободное от работы время. Из подруг по работе того времени я хорошо помню Волженскую А., Белинскую А., Саранцеву Е., Шапошникову М., Тараканову М., много и с душой поработавших на социалистических стройках нашего города.

В 1923 году меня выбрали в женсовет, который руководил и направлял работу женщин Рузаевки, много сделавших в то время для развития своего города. Мне, в частности, пришлось участвовать в строительстве домов жилищного кооператива «Новый быт», само название которого говорит о его высоких целях. Здесь я часто встречалась, получала помощь и нужные советы от Морозова Ивана Николаевича — участника трех революций и гражданской войны, много отдавшего тогда сил з борьбе за новый быт рабочих Рузаевки. В 1940 году я вступила в ряды КПСС.

Так в трудностях и борьбе строилась новая социалистическая жизнь.

Литературная запись
Л. Г. Филатова.

[1] М. А. Сафронова родилась в 1895 г., член КПСС с 1940 г., пенсионерка.

Тузов С. З.[1]

27 февраля (12 марта) 1917 года в Петрограде победила буржуазно-демократическая революция. Она свергла царское самодержавие, открыла возможность для ликвидации капитализма и установления социализма. Известие о свержении царизма к нам в Рузаевку пришло вечером того же дня, когда уже спускались зимние сумерки.

Наши руководители, коммунисты Шарабин и Юрасов, работавшие в паровозном депо слесарями по ремонту паровозов, собрали трудящихся нашего поселка и повели к частному клубу Талтукова. Тогда клуб называли клубом Марса, так как он был открыт в год начала войны. Ныне это кинотеатр имени Тельмана.

Железнодорожники, рабочие и служащие вошли в клуб, где и был открыт митинг, посвященный свержению царского самодержавия. Среди выступавших, горячо приветствовавших революцию, были мастер вагонного цеха Егоров Михаил Андреевич, демобилизованный с фронта солдат, большевик Бактранов и многие другие. Они призывали рабочих поселка стойко бороться за дело революции и предложили организовать Совет рабочих и солдатских депутатов. На пост председателя Совета был выдвинут тов. Шарабин. Митинг закончился глубокой ночью. Несмотря на позднее время, все участники митинга вместе с огромной массой народа, которая не смогла поместиться в зале клуба, и с улицы следила за ходом митинга, организованно, с революционными песнями прошла по улицам Рузаевки. На другой день под руководством Совета рабочих и солдатских депутатов был организован еще более грандиозный митинг около вокзала, с северной стороны. Здесь присутствовали рабочие, их семьи и крестьяне близлежащих деревень.

Все с радостью встретили весть о свержении ненавистного царского самодержавия.

[1] С. З. Тузов родился в 1887 г., член КПСС с 1924 г., пенсионер.

Рузаевские железнодорожники под руководством Коммунистической партии приняли активное участие в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции, в защите завоеваний Октября от иностранных военных интервентов и внутренних белогвардейских банд.

После того как в нашей стране установилась диктатура пролетариата, рузаевские железнодорожники, как и все трудящиеся нашей страны, по зову Центрального Комитета Коммунистической партии с огромным энтузиазмом принялись за восстановление нормальной работы железнодорожного узла. Несмотря на огромные материальные трудности, рабочие, не покладая рук, героически трудились на всех участках узла, что дало возможность улучшить работу нашего железнодорожного участка.

Особенно самоотверженно рузаевцы трудились и боролись в годы гражданской войны, когда наша страна была окружена вражескими силами. Железнодорожники порою работали сутками без отдыха и сна.

Победоносно окончив гражданскую войну, трудящиеся нашей страны под руководством Центрального Комитета Коммунистической партии приступили к восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства, к социалистическому преобразованию нашей страны.

Теперь, когда обозреваешь все дела трудового народа за годы Советской власти, видишь, как каждый советский человек своим творческим трудом приближает торжество коммунизма.

Читая проект новой Программы КПСС, воспринимаешь ее как свое родное дело, как величайшую цель своей жизни и знамя борьбы за торжество коммунизма.

Литературная запись и обработка произведены учительницей г. Рузаевки Н. Ф. Учватовой и Л. Г. Филатовым.

Юдин Е. С.[1]

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В с. ЗЫКОВО

27 февраля 1917 года в России рухнул самодержавный строй. Весть о победе революции в Питере всколыхнула всю страну; дошла и до нашего села Зыково и окружающих его деревень. Крестьяне, рабочие и железнодорожники (многие работали в Рузаевке) почувствовали себя свободнее, хотя положение в стране вызвало много шумных споров односельчан. Большинство из них прямо считало, что начинается новая жизнь. Но находились и такие крестьяне, которые повторяли слова помещиков, кулаков и попов о том, что Россия без царя пропала. Правда, их было немного и происходили они из богатых, зажиточных семей.

Я в то время работал кузнецом у местного помещика Степанова, жестоко эксплуатировавшего крестьян нашего села. После победы буржуазно-демократической революции он несколько изменил свое отношение к крестьянам: меньше стал грубить, реже появляться на народе, не грозил полицией и солдатами. Однако в целом обстановка оставалась прежней: он был хозяином, земля принадлежала ему. Постепенно крестьяне стали понимать, что в селе после февраля 1917 года ничего не изменилось, что они также должны гнуть спину на помещиков и кулаков. Все чаще стали раздаваться голоса о необходимости захвата господских земель, лесов и пастбищ. Степанов струсил и для охраны своего имения вызвал солдат. Но это еще больше накалило атмосферу. Революционно настроенные крестьяне и рабочие-железнодорожники, проживавшие в селе Зыкове, Прытков П. Н., Прытков С. Н., Баринов Г. П., Морозов С. Р. и другие широко использовали этот факт для разоблачения антинародной сущности Временного правительства, которое, как и самодержавие, солдатскими штыками защищало интересы помещиков. Я также часто выступал на крестьянских сходках, разъясняя своим односельчанам происходящие события в стране, призывая их активно бороться за дальнейшее развитие революции. Много и успешно работали мы среди солдат. Дело кончилось тем, что они покинули имение Степанова и разошлись по домам.

[1] Е. С. Юдин родился в 1887 г., беспартийный, пенсионер.

Тогда помещик выхлопотал для своей охраны отряд казаков. На селе были запрещены крестьянские сходки, за некоторыми односельчанами установили слежку. Не миновал этого и я. Ко мне на квартиру стал часто наведываться староста, интересуясь, чем я занимаюсь, какие читаю газеты и книги. Но к более решительным действиям помещик и казаки боялись переходить, зная, что крестьяне не дадут нас в обиду.

Среди крестьян росло недовольство Временным правительством. Большую роль в этом отношении сыграли рабочие-железнодорожники станции Рузаевка. Они разъясняли населению Зыкова политику большевистской партии и разоблачали политику меньшевиков и эсеров. С помощью рабочих Рузаевки местные активисты 1 мая 1917 года организовали и провели многолюдную демонстрацию. Крестьяне, рабочие и железнодорожники, мужчины и женщины, с красными знаменами и красными повязками на руках с дружным пением революционных песен прошли по селу, никогда еще не видевшему такого народного ликования и радости.

8 ноября 1917 года мы узнали о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Вот когда крестьяне по-настоящему узнали и почувствовали, что такое свобода, что такое народная Советская власть.

В селах создавались волостные Советы. В Зыковский волостной Совет входили села — Зыково и Монастырское, деревни — Поповка, Левжа, Полянка, Разумовка (Надеждинка). Каждое село или деревня составляли земельное общество, которое возглавлялось избираемым уполномоченным земельного общества и секретарем. В деревнях стала устанавливаться Советская власть. В волостные Советы и земельные общества выбирались лучшие люди из беднейших слоев населения.

Были случаи, когда к руководству пробирались и враждебные элементы. Главным вопросом первых дней Советской власти был вопрос о конфискации всех помещичьих земель и вопрос о мире, которые решались на уездных крестьянских съездах. Лучшие представители от земельного общества села Зыкова были избраны на Саранский уездный крестьянский съезд. Ими являлись Баранов Г. П., Прытков С. Н., Юдин Т. Б. Было вынесено решение волостного Зыковского Совета о конфискации помещичьих земель. Земли и имущество помещиков Лукьянчикова, Лихачева, Кавторина решением Зыковского волостного Совета были поделены между земельными обществами. В Зыкове помещичий дом был занят под школу. Кроме того, в Зыкове был выстроен клуб, в Монастырске — школа, в Левже — клуб, в Надеждинке (Разумовке) — школа.

Посевные площади были отобраны у помещиков и также поделены между обществами. Внутри земельных обществ посевные площади делились по душам. Семьи нуждающихся наделялись скотом. Решение волостного Совета о конфискации помещичьих земель и имущества обсуждалось на собрании земельных обществ. Помещик Лукьянчиков стремился подкупить своих бывших батраков Кормилицына Н. П. и других, чтобы эти люди сказали о нем хорошее. Сам Лукьянчиков обратился с просьбой к Зыковскому земельному обществу о том, чтобы его на общих основаниях оставили в составе общества, а он в свою очередь добровольно отдаст свою землю и имущество крестьянам. Однако крестьяне разгадали маневр помещика, пытавшегося выиграть время, чтобы лучше подготовиться к борьбе с Советской властью. Общество в просьбе Лукьянчикову отказало. К нему явился актив села во главе с Прытковым С. Н., который объявил барину решение собрания земельного общества и потребовал в трехдневный срок передать все помещичье имущество в пользу государства. Так же поступили крестьяне с помещиками Кавториным, Лихачевым и другими. А весной стали делить землю. Она распределялась по душам. Землю впервые в истории России получила и женщина. Многовековая борьба крестьян за землю, наконец, кончилась победой.

В 1918 году в селе Зыково была организована партийная ячейка, состоявшая сначала из 9 человек (некоторые были сочувствующими). В нее входили: Чагрин Я. Е., Морозов С. Р., Мясников Е. П., Мясников М., Коннов П. Ф., Прытков С. Н., Мусалев Т., Картмазов С. Я. Примыкал к организации и я. Секретарем партийной ячейки избрали Прыткова С. Н. Партийная ячейка пользовалась большим авторитетом, и ее ряды росли за счет лучшей части крестьян. Вскоре ее состав превысил 30 человек.

В годы гражданской войны и военной интервенции коммунисты Зыкова активно участвовали в борьбе с силами контрреволюции. На фронт из села пошли добровольцами коммунисты: Мусалев Т. А., Мясников К., Мясников М., Коннов П. Ф. (служил в отрядах Чапаева) и многие беспартийные: Голов А. П., Пустобаев И. Я., Чагрин А. и другие.

Одни уходили на фронт, другие оставались в тылу, где самоотверженным трудом помогали разгрому контрреволюции. Но часто и нам приходилось участвовать в боях с кулацкими бандами. Помню, в районе г. Карсунь стала бесчинствовать одна из таких банд. Она терроризировала местное население, жестоко расправлялась с коммунистами, убивала сочувствующих им. На уничтожение бандитов был брошен сводный отряд рабочих, крестьян и железнодорожников. Из нашего села в него вошли Морозов, я и еще несколько человек. Мы долго преследовали банду, хорошо знавшую местность и умело скрывавшуюся от нас. Наконец, наш отряд, которому активно помогали крестьяне местных сел и деревень, настиг и разбил бандитов.

Так работали и боролись мы в первые годы Советской власти. Кончилась гражданская война. С фронта стали возвращаться солдаты. В наше село Зыково пришли коммунисты Мусалев Т. А., Голов А. П., беспартийные Домичев Л. Юдин С. П., Пустобаев И. и многие другие. Бойцы вернулись к мирному труду. Теперь они отдавали все свои силы восстановлению и развитию народного хозяйства, строительству социализма в нашей стране.

Литературная запись и обработка произведены учительницей г. Рузаевки Н. С. Юдиной и Л. Г. Филатовым.

П. И. Анисимова,
делегат Первого Всероссийского съезда коммунистов-мордвы.

С. Я. Арапов и ***В. В. Бодрин,***
персональные пенсионеры.

К СОРОКАЛЕТИЮ ПЕРВОГО ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КОММУНИСТОВ-МОРДВЫ в г. САМАРЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция, вдохновителем и организатором которой была Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным, свергла господство помещиков и капиталистов и утвердила в нашей стране власть Советов — новый государственный строй, новую политическую организацию, новую высшую форму демократии, которая подняла трудящиеся массы от бесправия до господствующего положения и обеспечила им решающее участие в управлении государством. Эта великая победа была одержана под знаменем взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян всех национальностей России. В ходе ожесточенной борьбы с внутренними и внешними врагами в нашей стране утвердилась идеология пролетарского интернационализма, были подорваны все корни национальной вражды, нанесен смертельный удар по идеологии великодержавных шовинистов и буржуазных националистов, стремившихся задержать экономическое, политическое и культурное развитие национальных районов.

Таким образом, победа социалистической революции явилась решающим условием в деле уничтожения национального гнета и разрешения национального вопроса, в деле преобразования буржуазных наций, народностей и этнографических групп в передовые социалистические нации.

Пролетариат, руководимый Коммунистической партией, со дня прихода к власти стал осуществлять сложнейшие мероприятия, имевшие своей целью упрочить Советскую власть, произвести ломку буржуазно-помещичьих порядков и расчистить от исторического хлама пути для строительства социализма.

В условиях неимоверной разрухи народного хозяйства, голода, ожесточенной борьбы с контрреволюцией и саботажем Коммунистическая партия, руководимая В. И. Лениным, после

героического и победоносного окончания гражданской войны перевела нашу страну на рельсы мирного развития. Этот переход потребовал отказа от политики военного коммунизма и замены ее новой экономической политикой, которая бы обеспечила создание новых отношений между рабочим классом и крестьянством. Встал вопрос о замене продразверстки натуральным налогом. Необходимость такой замены диктовалась как задачами укрепления союза между рабочими и крестьянами, так и задачами восстановления разрушенного и разоренного многолетней войной народного хозяйства, задачами строительства социализма.

Исходя из задач восстановления народного хозяйства и победы социализма в нашей стране, X съезд РКП(б) в своей резолюции записал, что «теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в национальных областях, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудящимся массам невеликорусских народов развить и укрепить у себя советскую государственность, соответствующую национально-бытовым условиям этих народов».

Съезд уделил большое внимание вопросам ликвидации фактического неравенства наций и доведения их экономического, политического и культурного развития до уровня передовых наций.

Съезд призвал партию и трудящиеся массы нашей страны к героической борьбе за восстановление народного хозяйства, к поднятию культуры национальной по форме, социалистической по содержанию, усилению хозяйственно-политической работы среди национальностей, строительству социализма в нашей стране.

Выполняя решения X съезда РКП(б), губкомы и укомы партии развернули большую хозяйственно-политическую работу среди трудящихся масс и особенно среди национальных меньшинств. Были проведены губернские и уездные партийные и беспартийные конференции, куда широко привлекалось мордовское население. На этих конференциях заслушивались доклады о хозяйственной и национальной политике Коммунистической партии и Советского правительства, о путях строительства социализма и международном положении Советской России. Партийные и беспартийные конференции ряда губерний, где проживает мордовское население, принимали решения, в которых указывали на необходимость образования мордовской автономии.

В интересах мобилизации мордовского населения на выполнение решений X съезда партии Наркомнац на заседании своей коллегии, куда были приглашены работники Мордовского подотдела Наркомпроса и ряда губкомов, где проживает мордва, 7 марта 1921 года принял решение о созыве съезда членов РКП(б) мордвы.

Центральный Комитет РКП(б), рассмотрев данный вопрос, разрешил созвать съезд коммунистов-мордвы 10 июня 1921 г. Местом созыва съезда по просьбе Мордовского отдела Наркомнаца был определен город Самара.

Центральным Комитетом партии была установлена норма представительства на этот съезд: от 10 коммунистов 1 делегат. Ячейки с числом членов РКП(б) меньше десяти человек посылают одного делегата: мордовские секции при губкомах и укомах РКП(б) посылают по три делегата. ЦК РКП(б) указал губкомам и укомам партии, чтобы они через местные газеты широко оповестили мордовское население о предстоящем съезде коммунистов-мордвы. Решение ЦК РКП(б) о созыве Первого Всероссийского съезда коммунистов-мордвы 1 июня 1921 г. было опубликовано в газете «Правда». ЦК РКП(б) были даны указания губкомам РКП(б), чтобы они содействовали созыву съезда, командировали своих представителей и обеспечили их всем необходимым для плодотворной работы.

Представителем ЦК РКП(б) на этот съезд был назначен работник Наркомнаца П. П. Башаев, ему же было поручено руководство съездом.

Получив соответствующие указания и полномочия ЦК РКП(б) и Наркомнаца, 15 мая 1921 года П. П. Башаев приехал в Самару и совместно со старейшим большевиком, секретарем мордовской секции Самарского губкома РКП(б) Д. И. Марининым и другими партработниками развернул работу по подготовке съезда. Под руководством П. П. Башаева и Д. И. Маринина была образована комиссия по организации съезда. На помощь ей были посланы по одному представителю из ряда губкомов партии.

Благодаря усиленной организационной работе комиссии и большой помощи Самарского губкома партии, все мероприятия по подготовке к съезду были своевременно завершены и обеспечена нормальная работа съезда. За несколько дней перед началом работы съезда в газете «Известия» ВЦИК было опубликовано извещение о созыве съезда на 10 июля 1921 г. Извещение об открытии Всероссийского съезда коммунистов-мордвы печатались также в губернских и уездных газетах.

К 10 июля 1921 г. в г. Самару на съезд прибыло 112 делегатов из Самарской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Тамбовской, Нижегородской и других губерний и Татарской автономной республики. Районы с компактным мордовским населением Пензенской и Тамбовской губерний ввиду недостаточной работы Мордовского отдела Наркомнаца среди мордвы этих губерний и ряда упущений комиссии по организации съезда были представлены: мордва Пензенской губернии — всего 6 делегатами, Тамбовской — только одним представителем З. Ф. Дорофеевым.

Съезд открыл представитель ЦК РКП (б) П. П. Башаев. Он же приветствовал съезд от имени ЦК РКП(б). Участники съезда почтили вставанием память погибших в борьбе за Советскую власть, за торжество коммунизма.

Съезд послал приветственную телеграмму Центральному Комитету РКП(б) В. И. Ленину. В ней указывалось, что только под руководством Коммунистической партии возможно трудящимся построить свободную и счастливую жизнь на началах пролетарского интернационализма и дружбы между народами.

В президиум съезда были избраны Башаев, Маринин, Климкин, Окин и Зайкин. В мандатную комиссию — Карабанов, Живаев, Пензов, в редколлегию — Желтов, Ситников и Анисимова.

На рассмотрение съезда были внесены следующие вопросы:

1. Доклад о внутреннем и международном положении Советской республики.
2. Доклад о политике Советской власти по национальному вопросу.
3. Доклад о работе Мордовского отдела Наркомнаца и мордовского подотдела Наркомпроса.
4. Доклады с мест.
5. Выделение мордовского народа в автономную единицу.
6. Организационный вопрос.
7. О мерах поднятия партийной работы среди мордовского населения.
8. О просвещении мордовского народа.
9. Текущие дела.

По первому вопросу повестки дня выступил представитель Самарского губкома РКП(б) тов. Дигилев. По второму вопросу повестки дня съезда — «О политике Советской власти по национальному вопросу» — с докладом выступил представитель ЦК РКП(б) тов П. П. Башаев.

Всесторонне обсудив вопрос о национальной политике Советской власти и придавая исключительно важное значение решениям X съезда партии и VIII Всероссийского съезда Советов по национальному вопросу, 1-й Всероссийский съезд коммунистов-мордвы постановил:

«Заслушав доклад о политике Советской власти по национальному вопросу; 1-й Всероссийский съезд коммунистов-мордвы находит, что только под руководством Российской коммунистической партии трудящиеся национальных меньшинств в состоянии поднять свой культурный уровень для успешного достижения идей социализма, только Советская власть правильно разрешает национальный вопрос, относясь ко всем нациям равно».

Съезд единодушно подтверждает, что политика Советской власти будет проводиться твердо и основательно»[1].

[1] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1010, лл. 1—59.

По вопросу о работе мордовского отдела Наркомнаца и мордовского подотдела Наркомпроса выступил тов. Праксин. По данному вопросу была принята следующая резолюция:

«Заслушав доклад о деятельности Мордовского отдела при Наркомнаце и п/отдела при Наркомпросе, I Всероссийский съезд коммунистов-мордвы вполне одобряет курс работы, занятый указанным отделом при Наркомнаце, и работу п/отдела при Наркомпросе считает достойной поощрения.

Съезд усматривает, что работа могла быть поставлена гораздо выше и плодотворнее только при наличии достаточного количества работников, в чем чувствуется громадный недостаток.

Съезд считает необходимым возбудить ходатайство перед ЦК РКП(б) об изъятии мордовских работников, работающих не среди своего народа, и направить их для работы среди мордвы.

Мордовскому отделу при Наркомнаце и п/отделу при Наркомпросе съезд предлагает обратить сугубое внимание на развитие классового самосознания мордвы».

2. Принимая к сведению доклад п/отдела при Наркомпросе, съезд высказал пожелания скорейшего созыва Всероссийского съезда работников просвещения мордвы и издания букваря на родном языке к текущему учебному году (1921—22 г.)[1].

По докладам с мест и о мерах поднятия партийной работы среди трудящихся мордвы съезд отметил, что местными партийными и советскими органами проделана значительная работа по поднятию хозяйственной и политико-воспитательной работы среди мордовского населения, вовлечения мордвы во всенародный фронт борьбы за социалистические преобразования города и деревни.

Вместе с тем он подчеркивал, что местные партийные и советские органы недостаточно вовлекают национальные кадры в работу среди мордовского населения. Съезд считал необходимым обратиться в ЦК РКП(б) с ходатайством о вовлечении большого количества работников мордвы, работающих на общей партийной и советской работе в работу среди мордовского народа, как знающих его язык и быт. Ввиду недостаточной культмассовой работы, неполного охвата школами детей школьного возраста и в целях поднятия на должный уровень школьной и культмассовой работы съезд вынес пожелания о скорейшем созыве съезда работников просвещения мордвы. Съезд призвал всех членов РКП(б) из мордовской национальности и все культурные силы шире развернуть работу по поднятию культурного уровня мордовского народа. В этих целях съезд рекомендовал организовать на местах школы, курсы, политпросветучреждения: клубы, читальни, красные уголки, усилить политическое самообразование. Он принял решение об организации в Москве

[1] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1010, лл. 1—59.

центрального органа мордовского подотдела ЦК РКП(б) газеты «Якстере теште» («Красная звезда») и организации выпуска местных губернских газет и других изданий на мокшанском и эрзянском языках.

Съезд вынес пожелание шире распространять научные знания среди мордовского трудового народа и развернуть борьбу с предрассудками и суевериями.

По вопросу «О мерах поднятия партийной работы среди мордовского населения» выступил Д. И. Маринин. По данному вопросу была принята развернутая резолюция, где отмечалось, что:

«1. Путем агитации и пропаганды, как устной так и печатной,— пробудить в мордовских массах чувство классового самосознания и товарищеской солидарности.

2. Категорически предложить через соответствующие парторгаиы всем членам мордовских ячеек РКП(б) заняться политическим самовоспитанием и пройти обязательно курс совпартшколы.

3. Поднять во что бы то ни стало культурный уровень мордовской массы, для чего необходимо популяризировать научные знания посредством перевода на родной язык.

4. Открытие мордовских политпросветительных учреждений, например: школ, клубов, читален и т. д. считать делом абсолютно не терпящим никакого отлагательства.

Усилить работу по ликвидации национальных предрассудков, суеверия и т. д.

5. Оздоровление ячеек и поднятие в них партийной дисциплины производить как убеждением, так и принуждением.

6. Учитывать психологию, обычаи и специфические особенности мордвы, просить все губкомы, в ведении коих имеются мордовские организации, при проведении всевозможных недель и кампаний посылать в мордовские селения по возможности тех товарищей, которые знают язык мордвы и особенные черты ее характера.

7. Поручить мордовскому (под)отделу Наркомпроса в самом ближайшем будущем войти в сношение с ВСНХ об изготовлении типографских машин и шрифта, дабы своевременно можно было бы приступить к печатанию книг, газет, брошюр, листовок и т. д.

8. Предложить всем мордовским организациям принять все меры к учету всех партийных товарищей-мордвы, работающих во всевозможных советских учреждениях.

9. Обратить сугубое внимание на работу среди женщин и молодежи»[1].

С докладом о выделении мордвы в автономную единицу выступил товарищ Праксин. Содоклады сделали тт. Евсеев и

[1] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1010, лл. 1—59.

Окин. Этот вопрос вызвал оживленные прения. Они касались главным образом территории для организации мордовской автономной единицы: определению территории с компактным мордовским населением, разбору статистических данных о мордовском народе, привезенных делегатами съезда. После широкого и всестороннего обсуждения данного вопроса съезд принял следующие резолюции:

«Заслушав доклад о выделении мордвы в автономную область, I Всероссийский съезд коммунистов-мордвы констатирует следующее:

1. Руссификационная политика царского правительства, душившая все нации, а в частности мордву, в продолжение многих веков, вплоть до Октябрьской революции, привела этот народ к полнейшему культурному и экономическому застою.

2. Сдвинуть мордву из этого застоя и улучшить положение возможно лишь при условии самого активного участия в этом деле коммунистов-мордвы с вовлечением в эту работу широкой беспартийной (мордовской) массы, для чего необходимо возбудить в последних живой интерес через поднятие своего классового самосознания к высокому развитию и созданию аппарата, приспособленного к укладу жизни мордвы.

3. Скорое и успешное поднятие культурного и экономического благосостояния мордвы возможно лишь при условии приспособления всего культурно-политического аппарата к духу и языку мордвы.

4. Разбросанность мордвы по всей территории Российской республики не дала возможности вести правильный темп развития мордовского народа.

Принимая во внимание все вышеизложенное, съезд считает необходимым — под лозунгом «Через осуществление национальной политики Советской власти — к коммунизму» — выделить мордву в автономную единицу с управлением, соответствующим Конституции РСФСР.

5. С этой целью создать комиссию для разработки этого вопроса.

6. Ввиду того, что съезд не имеет положительных сведений, в каких губерниях или районах имеется мордвы до 50%, то съезд предлагает командировать ученую экспедицию для исследования бытовых, этнографических и др. условий мордвы и собрать точные данные и представить таковые в Наркомнац на соответствующие распоряжения».

Таким образом, съезд принял решение организовать Мордовскую автономную единицу, не указав территорию ее образования. Съезд избрал из своей среды комиссию для подготовки проекта образования мордовской автономной единицы и внесения его в правительство.

В результате всестороннего обсуждения организационного вопроса съезд указал на необходимость «создания политических

и культурно-просветительных организаций среди мордовского населения...» народных домов, детских садов и др. культурно-просветительных организаций.

Съезд избрал 25 человек для работы в мордовском отделе Наркомнаца и мордовского подотдела Наркомпроса, а также постановил командировать в центральные учебные заведения, главным образом в университет имени Свердлова и Коммунистический университет трудящихся Востока 14 человек из работников мордвы.

Съезд принял обращение к мордовскому народу, в котором указывалось, что впервые в мире состоялся съезд коммунистов-мордвы от всей Российской Республики, который призвал мордовский народ всемерно укреплять Советскую власть и, идя в ногу со всеми народами Всероссийской Федерации, добиться освобождения мордовского народа от темноты, невежества и и религиозного дурмана, унаследованных от многовекового господства помещиков, капиталистов и человеконенавистнической, реакционной политики царизма.

Съезд призвал мордовский народ идти за ленинской Российской коммунистической партией большевиков.

Все решения Первого Всероссийского съезда коммунистов мордвы были пронизаны историческими решениями VIII Всероссийского съезда Советов и X съезда РКП(б).

После окончания работы I Всероссийского съезда коммунистов-мордвы партийные организации на местах шире развернули работу по изучению решений X съезда партии, VIII съезда Советов и I Всероссийского съезда коммунистов-мордвы и разъяснению их среди трудящихся масс города и деревни.

В целях усиления массово-политической и культурно-просветительной работы среди мордовского населения и широкого вовлечения его в социалистическое строительство по указанию ЦК РКП(б) губкомами партии были проведены губернские партийные и беспартийные конференции и совещания мордвы. Так, в июне 1921 г. в г. Симбирске состоялось совещание представителей коммунистических организаций мордвы Симбирской губернии. В январе 1922 г. была проведена Саратовская губернская конференция коммунистов-мордвы. В то же время состоялось совещание коммунистов-мордвы Нижегородской губернии, а также проведены собрания коммунистов-мордвы, проживающих в Москве, студентов-мордвы Коммунистического университета трудящихся Востока. На всех этих конференциях и собраниях была единодушно одобрена национальная политика Коммунистической партии и Советского правительства[1], широко обсуждены задачи хозяйственного и культурного строительства и намечены мероприятия по социалистическому возрождению мордовского народа.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 150, л. 4.

Первый Всероссийский съезд коммунистов-мордвы имел огромное значение в жизни мордовского народа. Он явился первым съездом в истории мордовского народа, где передовые представители мордовского народа — коммунисты-мордва впервые высказали вековые чаяния трудящихся мордовского народа о национальном возрождении. Это стало возможным благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции и мудрой ленинской национальной политике, проводимой Коммунистической партией Советского Союза.

Коммунистической партии и Советскому государству через развитие национальных культур удалось по-настоящему приобщить отсталые национальности Советского Союза к делу социалистического строительства, воспитать трудящиеся массы в духе патриотизма и интернационализма.

Мордовский народ под руководством Коммунистической партии и при братской помощи великого русского и других народов нашей страны за короткий исторический срок добился значительных успехов во всех областях хозяйственной, политической и культурной жизни.

Все, чем богата Мордовская автономная республика, создано руками трудящихся масс, самым главным завоеванием которых является социалистическое возрождение мордовского народа.

В Мордовии за годы Советской власти сформировался рабочий класс, воспитались тысячи людей, овладевших сложными профессиями, выросли подлинные мастера промышленного и сельскохозяйственного производства.

Октябрьская революция помогла мордовскому народу выпрямить согнутую спину, вздохнуть полной грудью, раскрыть веками дремавшие таланты.

В дореволюционной Мордовии промышленность была развита очень слабо. Преобладающей ее формой была кустарно-ремесленная, фабрично-заводская же промышленность отличалась крайней отсталостью и примитивностью. Она главным образом занималась обработкой и переработкой сельскохозяйственного сырья и древесины.

За годы Советской власти в Мордовии создана социалистическая промышленность, занимающая важное место в народном хозяйстве. Сельское хозяйство превратилось в крупное, высокомеханизированное многоотраслевое производство.

Громадные успехи достигнуты и в культурном строительстве. За годы Советской власти мордовский народ осуществил всеобщее семилетнее образование. Сейчас в городах и селах Мордовии в соответствии с «Законом об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» осуществляется переход от семилетнего к восьмилетнему всеобщему обязательному обучению.

В Мордовии создана широкая сеть общеобразовательных и специализированных средних учебных заведений. Успешно работает ряд отраслевых научно-исследовательских институтов.

Для подготовки высококвалифицированных кадров для народного хозяйства республики по решению Советского правительства в 1957 году открыт Мордовский государственный университет, где обучается более 4,5 тыс. юношей и девушек. Плодотворно работает аспирантура научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики и Мордовского государственного университета, где готовятся высококвалифицированные научно-педагогические кадры.

Одним из самых значительных достижений в культурном строительстве является расцвет науки, создание мордовской научной интеллигенции.

В Мордовии сейчас работает более 100 докторов и кандидатов наук, которые своими исследованиями помогают трудящимся республики в дальнейшем развитии народного хозяйства и подъеме культуры.

До Октябрьской революции в Мордовии не было ни одного периодического издания, книги на эрзянском и мокшанском языке не печатались. За годы Советской власти в Мордовии создана крупная полиграфическая промышленность, обеспечивающая растущие потребности трудящихся в литературе. Сейчас в республике издаются на мордовском языке произведения классиков марксизма-ленинизма, классиков русской и советской литературы, произведения мордовских писателей, общественно-политическая и научная сельскохозяйственная литература и учебники. Многотысячным тиражом выходят 43 газеты на русском, мокшанском и эрзянском языках, два литературно-художественных журнала и один альманах.

В республике работает 810 библиотек, 747 клубов, 382 стационарные киноустановки, 2 музея. Заканчивается строительство телецентра.

В республике функционируют музыкально-драматический театр, филармония, ансамбль песни и пляски, музыкальное училище, 19 детских музыкальных школ-семилеток, одна художественная школа. В г. Саранске открыта государственная картинная галерея имени Ф. В. Сычкова и т. д.

С каждым годом увеличивается жилой фонд городов и сел, улучшается культурно-бытовое обслуживание населения, растет зарплата рабочих и служащих, увеличиваются доходы колхозников и улучшается материальная жизнь трудящихся.

Все успехи, достигнутые в социалистическом преобразовании Мордовской республики, являются ярким примером проведения в жизнь ленинской национальной политики.

Трудящиеся Мордовии вместе со всем советским народом под руководством Коммунистической партии, успешно претворяя в жизнь решения XXI съезда КПСС, вдохновенно борются за досрочное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства, за достойную встречу XXII съезда КПСС.

Таким образом, Первый Всероссийский съезд коммунистов мордвы, проведенный на заре социалистического строительства и строительства национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, имел громадное значение в деле пробуждения дремлющих талантов и творческих сил мордовского народа и приобщения его к шеренге строителей нового общества, рожденного Великим Октябрем.

Это был первый съезд в истории мордовского народа, когда его представители на своем родном языке впервые заговорили о делах своего государства, родной партии, задачах и делах тружеников городов и сел, путях и методах социалистического строительства, мероприятиях подъема культуры, значении мордовской национальной государственности в деле национального возрождения мордовского народа и т. д.

Решения Первого съезда коммунистов-мордвы, пронизанные идеями марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, имели неоценимое значение в коммунистическом воспитании мордовского народа, вовлечении его во всенародное дело — строительство коммунизма в нашей стране.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АМКЖД — Архив Московско-Казанской железной дороги.
АПО КПСС — Архив Пензенского обкома Коммунистической партии Советского Союза.
ГАПО — Государственный архив Пензенской области.
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области.
МОГИА — Московский областной государственный исторический архив.
ОК КПСС — (Областного Комитета Коммунистической партии Советского Союза).
ПСЗ — Полный свод законов.
РФ МНИИЯЛИЭ — Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.
СУ РСФСР — Сборник узаконений.
ЦГВИА — Центральный государственный Военно-исторический архив.
ЦГА МАССР — Центральный государственный архив МАССР.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.
ЦГА ИМЛ — Центральный государственный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

41267
БИБЛИОТЕ
М.Н.И.Я...И

ОГЛАВЛЕНИЕ

Статьи

А. Л. Киселев. Программа работы на семилетие 3

М. С. Букин. Образование Мордовской автономной области и ее развитие (1930—1934 гг.) 12

И. П. Пахомов. Борьба трудящихся Мордовии за восстановление и развитие социалистической промышленности (1921—1928 гг.) . . . 37

Л. А. Куркина. К истории профсоюзного движения в Мордовии 59

Е. А. Зиновьев. Крестьянские земельные комитеты Мордовии в период от февраля к октябрю 1917 года 78

Л. Г. Филатов. Положение рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги накануне первой русской революции . . 102

Л. Г. Филатов. Железнодорожники Московско-Казанской железной дороги во Всероссийской Октябрьской политической стачке 1905 года 122

Воспоминания

В. Н. Бочкарев. Василий Осипович Ключевский. К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти 158

К 55-летию Рузаевской республики. Воспоминания участников первой русской революции 172

Лабиринтов А. М. 172
Рыков М. П. 176
Миронов В. Н. 179
Мишин К. И. 181
Морозов И. Н. 184
Колин И. Г. 189
Морозова Е. М. 192
Полковников И. Н. 194
Сафронова М. А. 196
Тузов С. З. 198
Юдин Е. С. Из истории борьбы за Советскую власть в с. Зыково 200

Анисимова П. И., Арапов С. Я., Бодрин В. В. К 40-летию первого Всероссийского съезда коммунистов-мордвы в г. Самаре 204

Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР

ТРУДЫ

Мордовское книжное издательство, 1961. 216 стр.

Редактор *П. Коровин*
Художественный редактор *К. Марыжихина*
Технический редактор *В. Чижикова*
Корректор *Н. Янкина*

Сдано в набор 1/VIII—1961 г.
Подписано в печать 20/X—1961 г.
Ю01552. Бумага 60×92¹/₁₆.
Печ. листов 13,5. Уч.-изд. листов 13,37.
Тираж 500 экз. Заказ № 2349.
Цена 90 коп.

Книжное отделение республиканской типографии „Красный Октябрь" полиграфиздата Министерства культуры Мордовской АССР,
г. Саранск, Московская, 115.